

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

15/1	01-1293			

Таш уон № 2, улс № 2

БИБЛИОТЕКА ВЬЕТНАМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

SHANG

SHANG

SHANG

SHANG

SHANG

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Сластененко

Н. Т. Федоренко

Н. И. Никулин

А. А. Клышко

Т. П. Редько

М. П. Ткачев

И. П. Зимонина

НГУЕН
КУАНГ
ШАНГ

*КОГДА ДУЕТ
СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР*

Роман

Перевод с вьетнамского

ББК 5В

Н 379

Предисловие НГУЕН ВАН БОНГА

Перевод М. ТКАЧЕВА

Редактор Е. РУДЕНКО

Нгуен Куанг Шанг

КОГДА ДУЕТ СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

ИБ № 2000

Редактор *Е. Г. Руденко*
Художник *Л. М. Чернышов*
Художественный редактор *А. П. Купцов*
Технический редактор *Е. В. Мишина*
Корректор *Н. А. Лукахина*

Сдано в набор 13.08.84. Подписано в печать 12.06.85. Формат 84 × 108^{1/32}.
Бумага типографская. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Прив. печ. л. 14,70. Уч.-изд. л. 15,50. Тираж 50 000 экз. Заказ № 01542.
Цена 2 р. 40 к. Изд. № 1336.

Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119859, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 7 «Искра революции» Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 103001, Трехпрудный пер., 9.

Нгуен Куанг Шанг

Н 379 Когда дует северный ветер: Роман./Пер. с вьетн. М. Ткачева; Предисл. Нгуен Ван Бонга. — М.: Радуга, 1985. — 280 с.

Нгуен Куанг Шанг — известный вьетнамский писатель, автор многих романов, сборников рассказов и повестей. Вместе с армией Национального фронта освобождения Южного Вьетнама прошел всю войну. В своем романе автор вновь обращается к теме героизма народа в освободительной войне.

Н $\frac{4703000000-274}{030(05)-85}$ 16-85

ББК 5В
И (Вьетн)

© Предисловие и перевод на русский язык издательство «Радуга», 1985

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Едва машина остановилась у ворот, дети бросились врассыпную между домами, ликующими голосами выкликая великую весть.

И не успел он и глазом моргнуть, потянулись друг за дружкой соседи — отовсюду, с самых дальних концов деревни. Ведь он был теперь не просто сыном своих родителей, членом своей семьи... Дом его — маленькая хижина у реки. Табуреток, конечно, на всех не хватило, соседи садились на топчаны и лежанки, но и там скоро не оказалось места. Тогда земляки высыпали во двор. И здесь, на дворе — его не успели даже подмести,— в тени старого мангового дерева расселись уже повольготней: ребятишки прямо на земле, и взрослые, как положено, на корточках. Народу собралось — не сосчитать. Всех, от мала до велика, наверно, более сотни. Пускской, потребовали соседи, сам он усядется посреди двора на табуретку повыше, чтобы все могли его увидеть...»

Так в рассказе «Сын, вернувшийся издалека», написанном Нгуен Куанг Шангом после 1975 года, изображено возвращение на родину человека, юношей еще ушедшего на войну с французскими колонизаторами, дравшегося потом против янки и наконец, тридцать лет спустя, встретившегося со своей семьей, с земляками. Наверно, точно так же встречали и самого Нгуен Куанг Шанга, когда после освобождения Юга вернулся он в родную деревню, многолюдную и изобильную, что стоит на равнине Намбо, у самого берега Меконга, в провинции Анзианг, близ границы Вьетнама с Кампучией.

В этом же рассказе Нгуен Куанг Шанг описал обстоятельства, при которых герой его ушел на войну:

«...В то утро, тридцать лет назад, отец, как обычно, встал спозаранку. Как раз в это время сын каждый день уходил в школу. Но сегодня его почему-то нигде не было видно, и отец громко окликнул его. Не слыша ответа, отец вошел в комнату, приподнял накомарник и увидал своего лежебоку, с головой закутавшегося в одеяло. Он

сдернул одеяло... Нет, это не Дак, его сын, лежал на кровати! Под одеялом покоилась длинная подушка. Отец вскрикнул...»

Итак, сын тайком ушел из дома в солдаты. Быть может, точно так же ушел из дому и сам Нгуен Куанг Шанг в начале 1946 года, когда французские войска снова завладели Сайгоном и всенародная война Сопrotивления охватила землю Юга, а вскоре и весь Вьетнам. Война эта завершилась в 1954 году победой под Дьенбьенфу. Но тогда, в сорок шестом, Нгуен Куанг Шангу было неполных пятнадцать лет. Вступив в армию, он стал связным, потом — сотрудником службы по пропаганде и психологической обработке вражеских войск. От реки Тиензианг, протока Меконга, он перебрался к реке Хэузианг, другому рукаву великой Реки Девяти Драконов¹, и обошел всю ее дельту.

В 1954 году он ушел на Север² и вскоре напечатал в ханойском еженедельнике «Ван нге»³ свой первый рассказ. А потом, короткое время спустя, стал известен не только как новеллист, но и как автор романов, а еще позднее — театральных пьес и киносценариев. Книжки его издаются у нас и переводятся в других странах, с успехом идут его фильмы (кстати, снятая по сценарию Шанга картина «Дикое поле» удостоена Первой премии на Московском международном кинофестивале в 1981 году). Он возглавляет созданный при Правлении Союза писателей Вьетнама Совет по кинодраматургии.

И прежде на Юге, в Намбо, было немало известных писателей; к тому же — здесь уместно упомянуть об этом — вьетнамский латинизированный алфавит, которым мы пользуемся сегодня, впервые получил широкое распространение именно на Юге, начиная с конца прошлого века. Но из-за политики французского колониализма, лозунгом которого было «разделяй и властвуй», широкому читателю и в Северном, и в Центральном Вьетнаме были почти неизвестны литературные произведения, созданные на юге их родины. Лишь после 1954 года, когда в Демократической Республике Вьетнам, территория которой охватывала половину нашей страны, началось

¹ Река Девяти Драконов — вьетнамское название Меконга. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

² В соответствии с Женевскими соглашениями по Индокитаю 1954 г., положившими конец войне Франции против народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, с территории Вьетнама, расположенной южнее 17-й параллели, по которой прошла временная граница между Севером и Югом, были выведены на Север, в ДРВ, части Народной армии. Вместе с ними ушли также многие участники партизанского движения.

³ «Ван нге» («Литература и искусство») — газета, являвшаяся в середине 50-х годов органом Ассоциации литературы и искусства ДРВ; ныне — орган Союза писателей Вьетнама.

строительство социалистического общества, благодаря книгам писателей-южан, перешедших на Север, — большая часть их принадлежала к тому же поколению, что и Нгуен Куанг Шанг, — литература Намбо получила широкую аудиторию и признание и стала неотъемлемой и важной частью всей вьетнамской литературы, придав ей еще большее многообразие и богатство.

Потом началась война с американскими захватчиками. Нгуен Куанг Шанг, как и многие другие писатели-южане, вернулся в Намбо. Снова военная судьба ведет его из края в край дельты Меконга, но при этом ему ни разу не удалось побывать в своей деревне, увидеть старую пристань на реке, у которой он плескался и плавал мальчишкой, деревенскую школу, где он учился, и родной дом, где днем и ночью ждал его старый отец. Лишь после 30 апреля 1975 года, когда был освобожден весь Юг, смог он вернуться домой.

Какова же она, дельта Реки Девяти Драконов? Чем дальше к югу, тем больше недавно освоенных земель, земель «скитальцев и ссыльных». Люди, не имевшие права селиться на этих землях, тем не менее поднимали здесь новь, и потому в этих местах то и дело вспыхивали восстания. Тут, у моря, кончается земная твердь. И у человека остается лишь два выхода: утратив волю и веру, броситься головою вниз в море и разом покончить все счеты с жизнью или, вцепившись намертво в землю, бороться и выжить. Сюда большей частью приходил люд рискованный и бесшабашный, непокорный, но свято верный слову и долгу, легкий на подъем и презирающий богатства земные, точно сор и солому. Они чтили лишь душевное благородство и приверженность правому делу. Нет, не нужны им были роскошные хоромы, потому что прежде они никогда не живали по долгу на одном месте. Жилищами их были временки, ставившиеся то тут, то там; и если где-то гнет и побои делались невыносимыми, люди эти покидали недолговечные свои жилища и шли дальше и дальше. Они никогда не носили нарядов и украшений, ели что бог пошлет и не очень пеклись о завтрашнем дне. Ведь они прежде не уверены были, доживут ли до завтра. А уж если — верили — доживут, то прокормятся трудами рук своих — на реке ли, в поле близ протоки или в ближнем лесу. Они радушны и гостеприимны, потому что познали тоску и одиночество. Оттого-то и ценят пренебрежительно всего преданность и дружбу. И готовы всегда поделиться горстью риса, скудной одежкой, ибо сами испытали сполна голод, нужду и лишения. Но сильнее всего в них ненависть к врагам и насильникам...

Земля эта стала почвой, на которой родились и выросли страницы книг Нгуен Куанг Шанга. Люди, живущие в дельте Реки Девяти Драконов, — его герои. Говор их — язык его книг. Он

пишет о Сайгоне (ныне — город Хошимин), и это его право — он участвовал в большом наступлении на Сайгон в дни новогоднего праздника Тет, когда начинался год Земли и Обезьяны по лунному календарю, то есть 1968-й. И сейчас он живет в этом городе, возглавляет писательскую организацию Хошимина. Но помыслы, сердце его прикованы к равнине, раскинувшейся вдоль великой реки, к многолюдной и изобильной деревне, что стоит на самом ее берегу, где он родился, вырос и стал солдатом, взявшим в руки винтовку, а потом и перо, откуда он вышел в долгий путь, протянувшийся через две войны, и куда возвратился после того, как на его родину пришла свобода. Возвратился, чтобы стать председателем отделения Ассоциации литературы и искусства своей родной провинции Анзианг...

Пожалуй, именно потому он пишет так, что его не спутаешь ни с кем из других вьетнамских писателей, в том числе и его земляков-южан. И за это я люблю и ценю Нгуен Куанг Шанга.

Нгуен Ван Боме

КОГДА ДУЕТ
СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР

Роман

Глава 1

Мы условились с Нам Бо встретиться у доктора Тин Нге¹. Доктор лечил и выходил его после ранения. Поэтому перед возвращением на фронт Нам Бо хотел навестить его; тем более что сам Нам Бо направлялся на связной пункт, и это было ему по пути. Доктор Тин Нге жил на территории госпиталя. Только глянешь на его дом, сразу ясно: хозяин — бывалый житель джунглей. Поставлен был дом у лесной опушки — здесь тебе и солнце, и ветерок продувает. Прямо из дома открывался отличный обзор, видна небесная высь, даже самолеты можно разглядеть: какого типа, куда и откуда летят. И еще — стоял он под невысоким раскидистым деревом, именуемым, из-за формы его листьев, буйволеночьим ухом. Дерево это зеленеет круглый год, так что дом не нуждался в маскировке, даже когда лес терял листву. Дом был крыт листьями лесного растения чунгкуан — каждый величиною с ладонь, их складывают пополам, сшивают в полотнища, и получается красивая прочная крыша. И выглядит она прямо как произведение искусства. Сейчас эта крыша обрела уже цвет тараканьего крыла.

Я пришел раньше условленного срока, солнце только еще начинало клониться к закату. В лесу стояло безветрие. Позволил я себе явиться раньше Нам Бо, потому что доктор был и моим старым знакомцем — как-никак вместе шли по горным дорогам Чыонгшона². Сам-то док-

¹ Во Вьетнаме, особенно на Юге, распространен обычай присоединять к имени или кличке порядковое числительное: Нам Бо — Пятый Бо; Тин Нге — Девятый Нге.

² Чыонгшон — Долгие горы, название горного хребта, проходящего в меридиональном направлении вдоль всего полуострова Индокитай и территории Вьетнама.

тор учился во Франции, но вернулся на родину, едва началось Соппротивление. Был он высок, дороден, крепок и нравом большой весельчак. Круглая седая голова его, остриженная ежиком, была красива, как цветок на высокой ветке дерева гао. Он много читал, много знал и, хоть пошел по медицинской части, увлекался литературой. В долгом походе по Чыонгшону он прослыл у нас «светочем искусства». Помню, первое время я все диву давался, слыша, как все называют его доктор Уи Бон Нон. Что за странное имя такое? Но потом я заметил: в разговор он то и дело вставляет французские словечки. Да и сам доктор объяснил мне, что в первое время после возвращения на родину ему не всегда хватало запаса вьетнамских слов и приходилось прибегать к французскому. Долго отвыкал он от этой своей привычки, и до сих пор еще в речи его остались три словца «oui», «bon», «non»¹. От них-то и пошло его прозвище — прозвище, а вовсе не фамилия и не имя. Был у него особый дар смешить и развлекать людей. В походе бывало — что ни привал, то новая история. Особенно «налегал» он на анекдоты: он держал в памяти анекдоты всего мира — любой страны. Сам рассказывал мне, что записал чуть не все анекдоты времен антифранцузского Соппротивления, а теперь намерен был — конечно, помимо своих прямых дел — собрать анекдоты нынешней антиамериканской войны.

Исключительный дар рассказчика создал доктору обширнейший круг знакомств, но мало кого запоминал он надолго. Сам-то я тоже был лишь одним из его многочисленных слушателей; однако меня он запомнил благодаря одному маленькому происшествию. В тот день мы шли сосновым лесом. К полудню солнце стало здорово припекать. И доктор, досказав очередной анекдот, вдруг произнес:

— Да, скоро мне стукнет шестьдесят. Но объявись сейчас какой-нибудь молокосос, протяни мне кусок сахара и прикажи плясать под его дудку, сразу бы заплясал!

Все расхохотались, но в душе каждому было жаль доктора. Я знал, запас сахара у нашей группы кончился уже давно. Правда, у меня оставалась заначка — две-три ложки, не больше; я не трогал ее ни под каким видом, сберегая на случай болезни. Но тут я открыл вещмешок,

¹ «Да», «хорошо», «нет» (франц.).

достал кулечек с сахаром и решил — поделюсь-ка с доктором. И сразу увидел — делиться-то, собственно, нечем. Мудрил я и так и этак и наконец придумал: высыпал половину, примерно две чайные ложечки, в кружку с водой, размешал и протянул кружку доктору; он успел уже улечься в гамак.

— Прошу вас, Девятый, выпьем водички.

Тин Нге рывком приподнялся и сел.

— Что это? Чай?

— Да нет. Пейте — сразу поймете.

Он взял кружку, пригубил глоток, заморгал и словно окаменел. Вообще-то голос у него был зычный, но тут он прошептал еле-еле:

— С сахаром?

— Вот именно, с сахаром. Да вы пейте.

— Вон!— Доктор сделал еще глоток.

Пил он медленно, смакуя, словно дожидаясь, чтобы каждая капля впиталась в его плоть. Потом протянул кружку мне:

— Прошу вас.

— Нет-нет, это вам. Я пил уже.

— Вон!

Осушив кружку с подслащенной водой, доктор словно ожил.

— Как вас зовут?— спросил он.

Я назвал.

— Кем работаете?

Я сказал ему.

— Вон!— Он протянул мне руку и крепко стиснул мою ладонь.

Потом был прорыв к Сайгону в дни праздника Тет в шестьдесят восьмом, по старинке — в год Земли и Обезьяны. После уличных боев в Сайгоне я снова навестил доктора в его полевом госпитале и подарил ему бутылку французского шампанского. Он раскупорил шампанское по всем правилам: пробка, хлопнув почище пистолетного выстрела, взлетела к самой крыше и упала обратно на стол.

— Вы, Тханг, истинный мой благодетель! Но считайте меня неблагодарным, я платить вам добром за добро не могу. Ведь для меня делать добро — значит оперировать вас. Нет уж, лучше воздам вам словами: удач и успехов вам, летописец войны!..

В лесу было безветренно, с неба не доносился гул самолетов. Я не пошел кружной дорогой, а двинулся к дому доктора напрямик через пустырь. Мой развеселый эскулап Уи Бон Нон сидел за столом и делал какие-то записи.

— Добрый день, Девятый!

Он обернулся ко мне, снял очки и, хлопнув рукой по столу, издал протяжное радостное «о-о!».

— Здра-авствуйте, друг, одарявший меня вином и сахаром! — произнес он потом более членораздельно. — Нам Бо говорил мне о вас, заходите, заходите. Его самого еще нет, а я записываю тут для памяти кое-какие истории — просто чудо!

Я снял с плеч вещмешок. Он тем временем, указывая рукой на непомерно длинный гамак, протянувшийся наискосок через всю комнату, приговаривал:

— Садитесь... Садитесь сюда, я вам расскажу.

Такой уж был у него нрав — горячий, порывистый. Встретит кого — и без дальних слов прямо к делу. Зная его, я не стал ни о чем расспрашивать и сразу уселся в гамак, подготовившись слушать. Я уж привык, что он, лишь досказав начатую историю или дойдя самое меньшее до середины, вдруг спохватится: мол, до сих пор не предложил гостю чая.

Он повернул стул спинкой к столу, уселся поудобней и, не сводя с меня глаз, начал своим зычным голосом:

— Позвольте угостить вас свежим анекдотом — про черепах. Мне тут один новый пациент — сам он недавно из западных районов — рассказал про одного старика. Мастер по части небылиц. Такое, бывает, загнет, все вокруг уши развесят. Зовут старика Ба Фи. Истории его — какую ни возьми — про нашу землю: о разных тварях, деревьях и прочих ее порождениях.

— О чем же конкретно его истории, доктор?

Спрашивал я больше для виду, суть историй этих не так уж меня занимала, главное — вдохновенный вид и комические интонации самого доктора. Он сложил ладони так, чтобы они формой походили на черепаший панцирь, и продолжал:

— Итак, черепахи из леса Уминь... Сами судите, что за выдумщик этот старик. Он там, у себя, выходил в открытой лодке ловить черепах. Как-то под вечер причалил он к берегу, ткнул своим длинным шестом в обрыв. И тут из леса поползли черепахи — ну прямо навалом, тол-

каются, спешат и все лезут в старикову лодку, громоздятся друг на дружку. Лодка полна до краев, а они знай себе лезут и лезут. Испугался старик, как бы лодку не утопили, схватил свой шест, оттолкнулся и поплыл во-свояси. Пока вышел из протоки в реку, уже стемнело, еле выгребал он против течения, а тут еще и встречный ветер! Черепахи увидели это, опустили лапы за борт и давай грести в лад со стариком — что твои весла. Тут навстречу им плывет лодка, груженная снопами риса. Вдруг видят люди в лодке: надвигается на них какая-то черная громадина, волны от нее высоченные бегут. Ну, думают, пароход! Хозяин лодки стал кричать: «Эй, на пароходе! Сбавьте обороты, а то мы утонем!» Старик велит черепахам, чтоб грести перестали, а они не слушают, загребают сильнее прежнего, волны пошли, как в море, и та лодка с рисом потонула. Вот вам история про черепах. Здорово закручено, а?

Не дожидаясь ответа, он оперся спиной о стол и залился счастливым смехом. Живот его и все тело заходили ходуном, словно и сами веселились до упаду.

— А вот еще историйка. О клейком рисе из той же округи Уминь. У него, уверяет старый Ба Фи, рис самый клейкий. И вот какое тому подтверждение. Однажды в дому у него варили в котле клейкий рис. Когда он сварился, старик взял поварские палочки и разложил рис по пиалам. Но палочки так увязли — даже не шевельнешь. Еле выдрал их из котла, при этом комок риса взлетел вверх и прилип к балке над очагом. Собака старика — паразитное животное, под стать хозяину — прыгает за рисом комом (кому не охота полакомиться!) и тоже прилипает намертво. Висит, бедняга, на балке и скулит тихонько. Ну, пришлось старику с полным ведром воды забираться на крышу, чтоб рис размочить. Только после третьего подра собака отклеилась и упала наземь.

На этот раз я расхохотался громче доктора — и надобылицами, и над забавными его ужимками.

— А больше нет анекдотов, доктор? — спросил я. Уж очень хотелось мне послушать еще.

— Увы, только пациент успел рассказать мне эти два, как его скрутила лихорадка. Но вообще, если верить ему, подобных историй у него в запасе сотни.

— Выходит, вы попали на ходячее собрание анекдотов.

— Эх, попади я туда, непременно отыскал бы этого старика... Да что ж я... — он вдруг повернулся к столу. — Извините, извините меня...

Так и есть, только сейчас, попотчевав меня двумя анекдотами, доктор вспомнил, что даже не предложил гостю чай. Он взял термос с кипятком, заварил чай и, обернувшись ко мне, спросил:

— Вы возвращаетесь на фронт вместе с Нам Бо?

— Да. — По тону доктора я понял: ему хотелось бы переменить тему разговора.

— А вы хорошо его знаете?

— Как сказать... Я познакомился с Нам Бо, когда он пришел к нам делать доклад. А потом узнал, что он собирается на фронт, и отпросился на службе. Не терять же такого попутчика!

— Воп... Да уж, человек он бывалый. — Доктор взял чашку с чаем и протянул мне. — Вот вы за войну где только не побывали! Скажите, вы никогда не пытались проследить и понять, как, собственно, движется пуля?

Я понял — ответа он и не ждет, просто это затравка к новому разговору. И глядел на него, давая понять: я, мол, весь внимание.

— Вы знаете, — продолжал он, — я хирург. Я оперировал сотни раненых, извлек из человеческих тел сотни пуль, но так и не постиг принципа их движения. Вот как, к примеру, шла пуля, ранившая вашего будущего попутчика. — Он согнул палец, изображая траекторию этой пули; голос его, прежде звучавший в нос, раскатился гулким басом. — Поразительная пуля, она прошла не прямо, а зигзагом. Какой-то янки, выстрелив в Нам Бо, ранил его в левый глаз. Пуля застряла в глазнице. От боли Нам Бо часто терял сознание. Созвали мы консилиум. Все были единодушны — пулю надо извлечь. Но в наших условиях делать мы этого не могли. Решили пока не прибегать к хирургическому вмешательству и поскорей залечить рану, оставив пулю как есть. Со временем пациент поправился, и мы после обследования выписали его — конечно, с рекомендацией командованию поручать ему работу полегче, чтобы рана снова не воспалилась. Нам Бо был направлен в исследовательскую группу при штабе. Примерно через полгода он приехал навестить меня, явился сюда, в этот дом, и сидел в этом же самом гамаке. «Хочу, — говорит, — сходить к дантисту. Пусть глянет: что-то у меня в верх-

ней челюсти — левой — выпирает, ну прямо зуб мудрости прорезается». Конечно, с зубами надо обращаться к дантисту. Но я как-никак его лечащий врач, и мне сразу все стало ясно. «Давай, — говорю, — в операционную!» Сделал ему укол — местную анестезию. Сделал пинцетом небольшой разрез. И вижу: вот она! — Широко раскрыв глаза, доктор уставился в одну точку, как будто снова вглядывался в злополучную пулю, потом быстро, как это свойственно хирургам, сомкнул два пальца, словно беря щипцы. — Вышул я ее и, поверьте, впервые заметил, что у меня чуть заметно дрожит рука. А ведь операция была пустяковая. Не удержался и закричал от радости: «Ну-ка, Нам Бо! Сядь, давай сюда ладонь!» И прямо в раскрытую его ладонь кладу пулю. «У тебя организм, — говорю, — потрясающей жизненной силы! Видишь, заставил пулю выйти, да еще по какой кривой!» Он своим уцелевшим глазом долго разглядывал пулю, прямо как чудо неземное. Я и сам наклонился над нею; гляжу и такое чувствую облегчение, словно вышла она из моего тела. Сама-то пуля — она, оказывается, была выпущена из карабина — всего-навсего с кончик мизинца, желтая, медью отликает... «Возьми, — говорю, — себе на память. — И похлопал его по плечу. — Можешь теперь спокойно возвращаться на фронт. Von!.. Но подожди, я подберу тебе искусственный глаз, чтоб по цвету подошел...» А сам, разглядывая пулю на его ладони, думаю о другом.

Доктор замолчал, снял очки и посмотрел вдаль на довольно большой пустырь.

— Знаете, о чем я подумал тогда?.. Вот лежит пуля — лежит себе спокойно, но движение ее еще не закончилось. И путь предстоит ей долгий. Почему я так думал? Когда Нам Бо лечился в госпитале, на его имя часто приходили письма с передовой. Отправитель, наверно, очень бережно относился к этим письмам: они всегда уложены были в белые полиэтиленовые пакеты, края их, оплавленные огнем, напоминали красивые кружева. Имени отправителя на конвертах не было, но, судя по почерку, писала письма нежная женская ручка. Правда, я ни разу не видел, чтобы Нам Бо отвечал на эти письма. Я догадывался о его душевном состоянии. Сам прожил немало, да и каких только ранений и увечий не навидался на своем веку! Но однажды

госпиталя корреспонденцию. Конечно, читать чужие письма не очень-то деликатно. Но по законам военного времени — это необходимость. Письмо Нам Бо адресовано было вовсе не девушке, а фронтовому товарищу. Он писал, что полюбил здесь одну медсестру. Другой, прочитав это, наверняка поинтересовался бы: о ком из наших сестричек идет речь? Но я... Я все понял. Нам Бо, потеряв после ранения глаз, отказывался от своей прежней любви. В письмах, которые раненые писали своим возлюбленным, я не раз уже сталкивался с этим.

Вот и выходит, пуля, лишившая Нам Бо глаза, не затронула его рассудок, не убила в нем душу. Нет, путь ее не обрывался здесь, на его ладони, она еще повлияет на его любовь, на всю его жизнь. Об этом-то я и думал, мой дорогой друг! И у меня к вам просьба: раз уж вы будете спутником Нам Бо, приглядитесь, узнайте: не разрушит ли эта пуля его счастье. Проследите, так сказать, ее дальнейшую траекторию и напишите мне, ладно?

Доктор умолк. Видно, все, сказанное им, навело его на серьезные размышления. И он, снова прислонясь спиной к столу, с печальным и каким-то отсутствующим выражением, которое очень редко можно было увидеть на его лице, смотрел куда-то вдаль.

Не чувствовалось ни малейшего ветра, но лес глухо шумел. В небе стояла непривычная тишина. Самолеты не пролетали над нами, и гул их не доносился даже изда-лека. А там, куда глядел доктор, меняя свои очертания, проплывало пушистое белое облако.

Вдруг с дальнего края пустыря взлетела стая птиц и опустилась на дерево гуи, что росло позади дома. Наверно, плоды уже спели. Послышались звонкие, певучие трели.

Тин Нге поднес руку козырьком к глазам и вдруг встал:

— Похоже, идет наш друг.

На лесной опушке возник силуэт человека. Он был высокого роста. За спиной у него торчал вещмешок, на плече висел автомат Калашникова, поперек туловища обмотан холщовый пояс, похожий на пожарный рукав, туго набитый рисом. Для маскировки он прикрылся большой зеленой веткой. Это и в самом деле был Нам Бо, прямиком шагавший к нам через пустырь.

Глава 2

Мы поели, но пересекать поле, пока еще не стемнело, нельзя было. Я маялся, не находя себе места в угрюмом душном лесу.

— Послушайте, Пятый, — предложил я Нам Бо, — может, выйдем проветриться на опушку?

— Это сейчас-то, чтоб нас с вертолета пулями нащиповали? — Он озирался, выбирая, где бы подвесить гамак. — Лучше подвесим здесь гамаки, передохнем малость, наберемся сил перед дорогой. Завтра я вам дам волю — глядите на все, любуйтесь сколько душе угодно.

Вот уже который день шли мы лесом; но здесь он словно обессилел, деревья росли уже не так густо, чем ближе к равнине, тем ниже и реже они становились, да и потом лес этот не раз здорово бомбили, вокруг стоял еще горький запах пороховой гари. Солнце просвечивало зеленые кроны пачквозь, и отыскать укромное место для гамаков было непросто. Но Нам Бо, конечно, нашел местечко на двоих, там даже оказалось укрытие от вертолетов. Наверно, какая-нибудь наша группа проходила тут совсем недавно — на земле черпели свежие следы костра, на котором готовили пищу.

Мы подвесили гамаки углом между тремя деревьями и расположились так, чтобы можно было переговариваться и видеть лица друг друга, не поднимаясь и не поворачиваясь. За эти пять дней, что мы провели в пути, я успел привыкнуть к Нам Бо. Но первое время мне было как-то не по себе; сам не пойму: застывший ли стеклянный глаз его был тому виной или серый, землистый цвет лица — наследие ранения и малярии. Наверно, поэтому, хоть мы с ним одноклассники (ему, как и мне, тридцать шесть) и волосы у него черные, без малейшей седины, он казался мне человеком пожилым. Теперь же, привыкнув к нему, я иной раз нахожу его даже красивым.

Нам Бо лежал, прикрыв веки. Ветер, налетевший с поля, шелестел листвой. Я нарочно не заговаривал с Нам Бо, надеясь, что он заснет, и тогда уж я выбегу на опушку и порадуюсь, глядя на просторное поле.

Я не видел этого поля, с которого накатывался на нас ветер, уже целых двадцать лет — с пятидесятого, когда ушел следом за нашими солдатами далеко-далеко, к самому лесу Уминь. Теперь нас разделяет лишь сотня-другая

метров, а я должен лежать здесь в гамаке в скудной тени поредевших листьев.

Сколько воспоминаний, сколько мыслей и чувств пробуждал во мне этот полевой ветер!..

И тут я услышал вдруг рев вертолетов. Судя по звуку, они кружились пока где-то вдальеке; но я по опыту знал, им ничего не стоит через минуту оказаться прямо у тебя над головой — тут и спрятаться не успеешь. Я-то познакомился с их повадками еще весной шестьдесят восьмого в одной деревне под Сайгоном.

Присев, я оглядел настил укрытия, потом кроны деревьев: послужат ли они нам надежной защитой?

— Вы спите, Нам Бо?

— Какой тут сон, не слышите — вертолеты?

— Слышу, конечно.

— Теперь нужен глаз да глаз, — сказал он, не вылезая из гамака.

А вертолеты, словно решив запугать нас, то подлетали вплотную с оглушительным ревом, и казалось, мы качаемся в гамаках посреди пирса, к которому, непрерывно гудя, причаливают десятки океанских кораблей, то удалялись, чтобы снова вернуться и опять улететь.

Я спокойно возлежал в гамаке, на лесную опушку больше не тянуло, и поле совсем не манило меня. Наоборот, я решил завести серьезный разговор.

— Скажите, Нам Бо, если взять янки и сайгонских вояк, с кем из них труднее драться?

— Ну и вопрос — как говорится, мозги набекрень! Еще и командование итогов таких не подвело, откуда мне-то знать. Вы вон сами где только не были, побольше моего навидались.

— Да я везде мимоходом — так в старину с коня цветочками любовались. Не то что вы — обосновываетесь надолго...

— Вот и обосновывайтесь теперь.

— Но я для начала хочу все-таки знать ваше мнение.

Опершись руками о края гамака, Нам Бо приподнялся и повернулся ко мне.

— Честно говоря, я из-за этого и попросился обратно на фронт. Вроде и двух лет не прошло, как был на передовой, а чувствую — отстал, причем безнадежно. Год в госпитале провалялся. Потом еще полгода при штабе работал. Нет, вижу: не дорос я еще по чужим донесениям

босвую обстановку изучать. Самому на передовой действовать — вот это по мне. Пора, брат, сказал себе, перебраться из тыла на фронт. И конец-то вроде недалек, а жизнь там совсем другая!

Я думал, он только-только разговорился, но тут Нам Бо снова улегся в гамак и, свесив до земли ногу, оттолкнулся раз, другой, третий. Гамак раскачался, затряслись деревья, и прямо в лицо мне посыпались с веток листья, жуки, гусеницы. Вопрос мой так и остался без ответа. Поразмыслив, Нам Бо опять ухватился руками за края гамака, но на сей раз выпростал из сетки обе ноги и сел, глядя на меня в упор. Уцелевший глаз его засверкал.

— Ваш вопрос — это и мой вопрос. Ответ на него надо искать на фронте. А пока я лучше расскажу вам об одном офицере сайгонской армии. Зовут его Нгуен Ван Лонг, он сейчас в чине капитана командует в районе отрядами «умиротворения». Мы с вами не сегодня завтра повстречаемся с ним. Ну, если я снова встречу его, значит, Земля действительно круглая! Мы оба родом из одной деревни. Малышами в школе вечно дрались. А как закончили школу, он подался в Сайгон. Лишь где-то в начале пятидесят четвертого, незадолго до перемирия¹, вернулся в деревню. Попросился вести работу с молодежью в нашей общине. Уважили его просьбу. Я-то сам тогда занимался молодежной работой в уезде. Встречались мы от случая к случаю: похлопаем друг друга по плечу, вспомним прошлое, посмеемся. А он, надо сказать, любил одну девушку, активистку женской организации у нас в общине. Они были соседями по хутору. В тот год проводилась как раз кампания по упорядочению социального статуса; ну а он был помещичий сын, вот девица и дала ему отставку. Потом, когда Народная армия уходила за семнадцатую параллель, девушка эта села на пароход и уплыла на Север. Там, говорят, на инженера выучилась. А Лонг, тот снова уехал в Сайгон и завербовался в парашютисты. Нго Динь Зьем² в этих молодчиках души не чаял. Скоро ему навесили лейтенантские погоны.

— Выходит, будь он посчастливей в любви, не переметнулся бы к врагу?

¹ Имеются в виду Женевские соглашения об Индокитае 1954 г.

² Нго Динь Зьем — глава проамериканского режима в Южном Вьетнаме (1955—1963), свергнут в результате военного переворота и убит.

— Чего о несбывшемся зря толковать. Мало ли с кем случилось такое, а родины они не предали, — отвечал Нам Бо. — Так вот... Заявился он как-то в деревню, на нем форма парашютиста и все такое. Узнали об этом старые наши коллаборационисты, что еще с французами пашни водили, пришли к нему: требуй, говорят, обратно свою землю. Ну, он в тот же день, как стало смеркаться, пригласил к себе всех, кто хозяйствовал теперь на его землях. Собрались они во дворе у дома, а он вышел на крыльцо в новой своей форме и стал говорить. Обращался уважительно, как и должно со старшими. Целую речь закатил. «Во времена рабства, — так он начал, — когда мы боролись с французами, отец мой был членом уездного комитета Льен-Вьета¹. Владения свои он пожертвовал Вьетминю, чтобы их поделили между вами, соседи. Отец мой умер. Я, его сын, не смею нарушить его волю. Он отдал вам землю. отдаю ее вам и я. Запомните на будущее: если какой любитель половить рыбку в мутной воде заикнется только о возвращении земли, дайте мне знать, уж я-то разделаюсь с ним по-свойски. И знайте, соседи, я — солдат национальной армии, а не какой-нибудь там предатель». Тут он прижал руку к сердцу и поклонился им на прощание.

— А он правду сказал или хитрил, а, Пятый?

— Да нет, правду.

— Что за странный помещичий сынок!

— Люди-то вовсе не одинаковы. И ничего тут странного не вижу. Он считал, что следует высоким идеалам, был просто одержим этой мыслью. Но с того самого дня запропастился куда-то бесследно. И потому в деревне далеко не все ненавидят его.

— Коварный ход!

— Ясное дело, если б не это ихнее коварство, давно бы разделались с ними, не дрались бы до сих пор. Когда янки вывели войска из дельты Меконга, Нгуен Ван Лонг опять возвратился сюда — уже в чине капитана и с подразделением «войск умиротворения».

— Ну, теперь он получит достойного противника.

¹ Льен-Вьет — Национальный союз Вьетнама, объединявший в 1946—1951 гг. Вьетминь (Лигу борьбы за независимость Вьетнама, созданную по инициативе коммунистов в 1941 г.) и ряд других организаций, выступавших против французских колонизаторов; при этом Вьетминь сохранял в рамках Союза свою независимость. В 1951 г. Вьетминь и Льен-Вьет слились в Объединенный национальный фронт, также называвшийся Льен-Вьет.

Нам Бо покраснел и засмеялся.

— Да уж, я ему ни за что не уступлю. Хоть и знаю, многого добиться не сумею. По нынешним временам женщины — главная сила. Чего смеетесь-то?

Мне эта мысль его показалась, мягко говоря, странной.

— Ничего, просто хочу понять,— сказал я.

— Женщины, они как звезды в небе. Я-то убедился в этом при самых трудных поворотах нашей борьбы. Днем, при солнечном свете, ни единой звезды не увидишь. Но чем чернее ночь, тем ярче светят они. Когда революция идет на спад, вот тут-то женщины всегда на виду. При Зьеме, во время «перестановок и затишья», вспомните сами, наши люди разбрелись кто куда. Кто же, как не женщины, восстановили тогда связи между организациями? Это сделали наши матери, жены и сестры. А кто укрывал подпольщиков? Скоро мы будем в деревне Михьонг. Знаете, каким странным на первый взгляд делом занимались тогда женщины в Михьонг — и молодые, и постарше? Соберутся где-нибудь в укромном месте и льют друг дружке воду в нос. Кто выдерживал дольше всех, тем разрешалось прятать и кормить подпольщиков. Потому что, попади они в руки карателей, их бы пытали водой; ну а кто даст слабину, сами понимаете... Конечно, всякое бывало, взять хотя бы матушку Мьой: ей еще и полкувшина-то в нос не вольют, а она криком кричит, захлебывается, вся побелеет, как труп. Короче, испытаний она не выдержала. И представьте, потом загребли ее по какому-то ложному подозрению в тюрьму. Уж как ее там ни пытали, сколько ни топили в воде, никаких показаний она не дала. Потом уже дали ей поручение укрывать меня и все такое. Как встретились, она сразу спросила: «Где ж ты до сих пор хоронился-то?» «В зарослях, матушка,— говорю,— в зарослях да в кустарниках, где же еще». Прожил я у нее в доме больше месяца. А там вижу, враги учуяли что-то, решил перебраться в другое место. Провожая меня, она спросила: «Куда теперь пойдешь?»—«В заросли, матушка»,— отвечаю. «В заросли»,— повторила она и заплакала вдруг. Потом, когда встречались мы с ней, она все называла меня «Бо»— Заросль. Убили ее, а я, чтоб не забыть о ней, взял себе это имя — Бо...

Он снова сел и поглядел на меня.

— Вот и выходит, главным-то противником Нгуен Ван

Лонга будет теперь девушка двадцати шести лет. Она — партийный секретарь общины...

— А зовут как?

— Шау Линь.

— Шау Линь. Ну а...

Я не успел задать свой вопрос. Нам Бо, перебив меня, заговорил снова.

...В шестьдесят седьмом, рассказал он, как раз когда задули холодные ветры, он повстречал Шау Линь на пункте связи — сторожевой вышке посреди рисового поля. Она с группой молодых партизанок пришла сюда, чтобы отвести его в свою деревню: он по распоряжению руководства провинции должен был организовать там заградительную полосу. Нам Бо и Шау Линь оказались земляками, но прежде не знали друг друга. Когда пришло время выступать, связной — рослый парень с винтовкой за спиной — сказал:

— Брат Пятый, ты уж не взыщи, этой ночью пойдем кружной дорогой, по толям. Намаемся, зато риска никакого.

— Зачем кругаяля давать, — возразила Шау Линь, — лучше идти напрямиком, как всегда. Быстрее дойдем.

— Я отвечаю за связь, знаю, что говорю. Ту дорогу уже засекли. Над ней все время вертолеты. Только сегодня утром они высадили там патруль.

— Но к вечеру вертолеты забрали патруль, — вступила в спор одна из партизанок.

— Не слепой, сам с вышки все видел. Просто они пошли на хитрость — забрали часть солдат, а других оставили в засаде.

— Да знаю, знаю, — сказала Шау Линь, — но теперь они наверняка устроили засаду в другом месте. Давайте не будем мешкать, пройдем прямо по их следам.

— Я здесь отвечаю за связь, на мне — безопасность гостя.

— Кто этого не знает. Да и разве мы боимся трудностей? — Голос Шау Линь несколько смягчился. — Раз мы пришли встретить товарища кадрового работника, мы тоже в ответе за него.

Обе стороны так и не сошлись в оценке положения и ждали решающего мнения Нам Бо. Тот спросил Шау Линь:

— Почему вы считаете, что янки устроили засаду не на линии связи?

— Да им хитрости не занимать. Знают: нам легко догадаться, что они устраивают засаду именно там; и много раз уже сидели, замаскировавшись, допоздна, до утра, а никого не поймали. Так что я уверена: рано или поздно они должны поменять свою тактику. Сегодня они просто сделали отвлекающий маневр.

В рассуждениях девушки было что-то новое и живое, и, подумав, Нам Бо решил идти так, как предлагала Шау Линь. Связной пошел с ними из уважения к кадровому работнику и к молодой, но уже отличившейся в боях партизанке. Однако, судя по виду, очень озабоченный, сказал:

— Ладно, я подчиняюсь, будь по-вашему, но это очень рискованно.

— Если вы боитесь, пропустите нас вперед, а сами идите позади,— сказала самая младшая партизанка по прозвищу Малышка Ба.

— Что за глупость, прямо уши вянут,— обиделся связной.— Раз уж пошел с вами, я должен до конца исполнить свои обязанности проводника. Только прошу вас, Нам Бо, и вас, девушки: если угодим в засаду и хоть один из нас останется жив, пусть вспомнит: я не хотел идти этой дорогой. Теперь все, хватит, оружие на изготовку!

Связной, клацнув затвором, зарядил винтовку и решительно зашагал вперед, держа ее наперевес, как будто кругом — на дамбе, в зарослях тростника, в камыше — сидели враги.

Дорога шла через дикое, поросшее густой травой поле; она была хорошо исхоженной, шириной около метра, по ней и в звездную ночь можно ходить без труда. Такую дорогу легко обнаружить. Впереди шел связной, за ним две партизанки, потом Нам Бо, последней шла Шау Линь с американским автоматом. Из предосторожности шли держась подальше друг от друга и в полном молчании. Было уже за полночь, когда они увидели контуры деревьев — близко деревня. Скоро они будут в безопасности. Но тут американские десантники, залегшие там, где дорога шла через топь, не выдержали укусов комаров — знаменитых комаров Тростниковой долины — и пустили сигнальную ракету, вызывая вертолеты, а затем открыли беспорядочный огонь. Ни в кого не попав, они принялись яростно стрелять в воздух, словно хотели расколоть ноч-

ное небо. Несколько вертолетов поднялись с базы Биньдык и, мигая хвостовыми огнями, с шумом направились в ту сторону.

Малышка Ба, самая младшая из партизанок, обратилась к связному:

— Ну что, товарищ, теперь вы готовы пасть ниц перед нашей сестрой Шау Линь?

— Считайте, я давно уже пал перед ней. Что предвидела, то и случилось. Мудрая она, недаром родители назвали ее Линь!

— Мое имя Линь — это название рыбы, а не мудрость, святость и все такое.

Увидев себя в безопасности, все развеселились, и Шау Линь (Шестая Линь) рассказала Нам Бо, почему ей дали такое имя. Ее бабка при жизни любила, особенно в летние ночи, расстелив во дворе тюфяк, рассказывать о прошлом. В ту пору родители ее не имели своей земли, батрачили на чужих полях, а во время паводка промышляли рыбной ловлей. Каждый год к пятнадцатому числу седьмого месяца, когда вода затопляла поле, родители Шау Линь вместе с другими деревенскими бедняками плыли на лодках в Тантхань или Какай и там ставили сети на эту самую рыбу — линь. И вот, когда мать Шау Линь была на сносях, рыбы, как говорила бабка, привалило видимо-невидимо. Такого еще не бывало. Вода прямо кишела ею, она забивала сети. Рыбьи глаза светились в темноте, словно кто-то насыпал в воду толченого стёкла и все время помешивал его. Ей, мол, вспоминала бабка, говорили: ежели — как придет рыба — плыть против течения к озеру Тонлесап, слышно, как она гудит в воде, точно медные провода на ветру. В тот год бабка сама впервые услышала рыбий гуд; сперва людям почудилось, будто это далекий звон храмового колокола. Матери Шау Линь как раз приспело время рожать, но она, завидя светящиеся в темноте рыбьи глаза, так увлеклась, что не заметила, как и схватки-то начались. Бабка рассказывала потом: «Ребенок вот-вот наружу протолкнется, где уж тут звать по-витуху. Так и родила девочку прямо в лодке. Девчонка визжит, а вокруг бьется и скачет рыба. Тут-то односельчане и сказали: давайте наречем девочку Линь».

— Вот откуда произошло мое имя!

Развеселившись, Шау Линь рассказала также Нам Бо, что она единственная дочь в семье, все братья — четверо

старших и один младший — ушли в армию. Мама умерла, а она живет вместе с отцом. Всякий раз, как соберут и продадут манго, она откладывала несколько донгов и на эти деньги купила младшему брату, гостившему в Восточном Намбо, японский транзистор с тремя диапазонами. А потом, еще через год, подарила другому брату часы «Сейко» с календарем — месяц показывают, и число, и день недели. Каждый год делала она подарки братьям, служившим в армии, по их выбору. Столько дел, столько дел, бывает, и дух перевести некогда. Отцу-то седьмой десяток пошел, но он по-прежнему ходит с ружьем — партизанит.

В тот год, когда американцы ввели сюда свои войска, сколько их высадилось на этой равнине! Вертолеты кружили в воздухе, как стрекозы, от вихрей, поднятых их винтами, ломались ветки деревьев, рушились крыши. Стрельба не умолкала ни на минуту. Попасть в вертолет нетрудно, но подобьешь один — их слетятся десятки и накроют таким огнем — ничего вокруг не останется. Вот и терпели их до поры до времени. Однажды под вечер целых девять вертолетов кружили над хутором Шау Линь. Шау спряталась в убежище. Ее отец, старый партизан, стоял со своей винтовкой под деревом манго и следил за ними. Вдруг сквозь оглушительный гул Шау услышала голос отца:

— Шау! Шау!

Она выглянула из щели.

— Перебеги в убежище тети Ты!

— Почему, папа? Засекли, да?

— Скорее!

Шау Липь выскочила из укрытия и увидела, как отец широко открытыми глазами следит за одним из вертолетов; лицо его и руки взмокли от пота. Стиснув челюсти, он негромко ругался:

— Мать твою! Проклятый!..

— В чем дело, папа?

— Да вон, американец, стоит у люка, спустил, гад, штаны и льет. Беги, беги скорее отсюда!

Шау Линь сломя голову перепрыгнула через канаву в саду и едва добежала до убежища семьи тети Ты, как послышались три винтовочных выстрела; вертолет протяжно взревел, корпус его объяло пламя, и огненный клубок

заметался в вышине. Но тут подоспели другие вертолеты, и все заглушили взрывы ракет, казалось, земля вот-вот расколется.

Отец Шау Линь подбил вертолет с этим наглым вырожденком-янки. Убежище под манговым деревом, где поначалу пряталась Шау, было разворочено ракетой. Листья мангового дерева пожухли и свернулись. Старик партизан лежал возле убежища, его обуглившаяся рука еще сжимала винтовку.

Отца хоронили в дождливую июньскую ночь, похоронная процессия двигалась по реке. Гроб установили под навесом на лодке с четырьмя веслами, с двумя светившимися красными глазками, она везла старика к высокому холму, где он успокоится вечным сном рядом с другими умершими земляками. Начинался паводок. Стояла черная ночь. Дождь хлестал по лицу. Сверкали молнии. Свистел ветер, плескались волны. Десятки лодок длинной вереницей шли по реке. Подавляя плач, стараясь грести потише, люди безмолвно провожали старика в последний путь.

Дом опустел, и Шау Линь в черном костюме крестьянки — на голове у нее белела траурная повязка — пришла в военкомат общины и попросила дать ей работу. Ее послали в Биньдык. Там американцы строили опорный пункт. Подвесив к коромыслу корзины, она смешалась с толпой людей, нанявшихся переносить песок. Американцы черпали песок со дна реки. Когда его выгружали с баркасов на берег, песок погребал под собой граву, деревья. Шау Линь таскала песок и жила там, у американского опорного пункта. Однажды утром она подложила мину направленного действия на обочине дороги, под слоем влажного еще песка со дна Меконга. Подошел американский отряд. Шау включила ток. Мина взорвалась. В воздух взметнулась длинная полоса дыма и песка. Из двадцати четырех янки не уцелел ни один. Из убежища — своего боевого поста — Шау Линь с годовалым ребенком на руках побежала через сад к дому. Тотчас нагрянули американцы, они окружили дом плотным кольцом, над самыми их головами кружил вертолет. Шау Линь сидела на топчане с ребенком на руках. Несколько американцев с близоруким переводчиком в очках подошли к ней. На вопросы переводчика она отвечала:

— Это мой дом. Муж ушел грузить песок для вас.

Я и сама таскаю песок, но сегодня ребенок заболел. Ви-си¹ взорвали мину? Я ничего не знаю.

Шау принялась унимать плачущего ребенка, потом сказала:

— Хорошо, я покажу, только не выдавайте меня. Ночью я видела, как приходили двое и выкопали убежище за садом. Они угрожали мне, тыкали винтовками в грудь. Я очень боюсь их.

Солдаты сразу рассыпались и окружили сад. Потом, стреляя на ходу, бросились к укрытию. Но нашли там лишь валявшиеся на земле клочки банановых листьев и — в центре убежища — электрическую проводку.

— В эти листья, — пояснил переводчик, — заворачивают новогодние пироги. Листья совсем свежие. Значит, бандиты жрали пироги перед уходом.

Ей переводчик сказал:

— Господин лейтенант говорит, отныне, если увидите что-нибудь такое, вы должны немедленно сообщить нам. Господин наградит вас долларами, не надо будет песок носить.

— Но я ведь не знаю американского языка, как я объяснюсь с ним?

— Хватайте любого встречного за руку, скажите только «ви-си, ви-си», потом укажите на них.

— Да что вы! Они меня сразу убьют. Спи, малыш. Не бойся, спи.

В то время каждый искал способ, как половчее бить янки, вот и Шау Линь нашла свой и отличилась в первом же бою...

Дойдя до этого места, Нам Бо вдруг поднял глаза к небу.

-- Ну, все! Снимаем гамаки. История еще длинная, а уже смеркается.

Развязывая веревки и скатывая гамак, я все время думал о Шау Линь.

— Мы-то увидим ее, Нам Бо?

Но он и не глянул в мою сторону, сделав вид, будто

¹ Ви-си — так произносится по-английски аббревиатура от слова «Вьетконг», названия, данного американцами и сайгонскими марионетками Национальному фронту освобождения Южного Вьетнама и его бойцам.

ничего не расслышал, и знай себе возился со своим вещмешком.

Я взглянул на небо, необъятное лазурное небо. Там, в вышине, мириады звезд и созвездий, просто пока я не вижу их. Но вскоре, когда стемнеет и мы вдвоем двинемся через поле, множество светил — больших и малых — засверкает в небе.

Глава 3

Всякий раз, стоило подумать, что вот настанет день и я возвращусь домой, у меня так прямо мурашки по телу бегали. Представлял себе, как повалюсь навзничь в траву и долго буду глядеть в высокое небо, полной грудью вдыхая воздух, напоенный запахами трав, ароматом лотосов... Как я буду стоять среди поля, с головой утопая в густой траве, и, замирая, прислушиваться к шелесту волн, бегущих по траве и захлестывающих меня, а потом заплачу, заплачу, как ребенок. Ведь прошло двадцать лет! Родная земля! Какое счастье — снова вернуться к тебе...

Но вот теперь, ранним утром, когда я наконец достиг этих мест и ступил на землю, поросшую заветной травой, у меня уже не было сил радоваться по-настоящему. Всю ночь я без отдыха пробирался через заболоченное поле — проклятая топь! — живот сводило от голода, ноги и руки дрожали, я едва переводил дух. Да к тому же, повались я сейчас с восторженным криком на траву, Нам Бо явно решил бы, что я спятил. Но разве возбраняется мечтать? Кто из нас время от времени не предается этому приятному занятию?

Я готов был опуститься на землю где попало и, привалясь спиной к вещмешку, хоть ненадолго дать отдых гудевшим ногам, но Нам Бо уже торопил меня.

— Вперед, быстрее! — Голос его зазвучал сердито. — Почему пистолет ваш болтается в кобуре? Зарядите его и держите в руке.

Он вымотался не меньше, чем я, но шел вперед все тем же ровным шагом; чуть сутулясь, продирался он через травянистое болото, резиновые сандалии крепко держались у него на ногах. В отличие от меня и от кадровых работников одного с ним ранга он не носил пистолета — на боку у него висели три гранаты, и, кроме того, он вооружился

автоматом «АК». Он зарядил его и, взяв наперевес, направлял дуло то на высившийся впереди травостой, то на заросли камыша справа и слева, готовый тотчас открыть огонь по вражеской засаде.

Солнце еще не показалось на горизонте, и самолеты не гудели покуда, но я уже разглядел в небе черные точки — это вертолеты кружили над Меконгом; взрывов не было слышно, но я увидел черную полосу дыма, протянувшуюся от одной из точек вниз, — враг обстреливал ракетами какую-то деревню.

Чуть поодаль в небе что-то блеснуло, потом вроде загремел гром, и над разорвавшимися шариковыми бомбами поднялся густой белый дым, похожий на облако.

Я старался не отставать от Нам Бо, но мои сандалии не годились для ходьбы по болоту, задние ремешки то и дело сползали с ног, сандалии застревали в трясине, и мне пришлось почти всю почь брести босиком по колючим корневищам. Теперь я поспешал следом за Нам Бо с сандалиями в руке.

Наконец мы оставили позади открытое травянистое пространство и ступили на тропинку, петляющую в зарослях тростника дэ. Здесь было уже безопаснее, и я вознамерился было присесть, снять с плеч вещмешок, развязать стигивавшую его бечевку, открыть жестянку и, доставая руками вареный рис, жевать, жевать и глотать.

— Нет, мы должны во что бы то ни стало найти пункт связи. Слышите? — говорил Нам Бо.

Выбора не было. Нагнувшись, я надел сандалии и занялся дальше. Солнце встало, но у меня уже не осталось сил любоваться солнечным утром. Я заглянул в одну сторожку на сваях — никого. Все еще стоя у ступеней и не успев повернуть назад, я снова услышал голос Нам Бо:

— Самое главное сейчас — найти пункт связи. Вам ясно это?

Отвечать не хотелось, я встряхнул на спине вещмешок, чтоб пристроить его поудобнее, повернул назад и зашагал вслед за ним в поисках следующей сторожки — и ну как там найдутся связные.

С пригорка мы увидели множество этих сторожек; они разбежались по всей долине — сотня, а то и более, все разом и не углядишь. Стоят здесь с давних пор, не поймешь, кто и построил-то их. Торчат пёбось с незапамятных времен, когда сюда ступила впервые человеческая

нога. Построены просто — края двускатных крыш утопают в высокой траве; полы устланы охапками травы, листьями, тростником. Иные будки совсем зарылись в густую траву, а то и вовсе осели или развалились. Каждый год в половодье их уносит течением, сорванные крыши плавают в воде и распадаются на клочья. В сентябре — октябре реки возвращаются в свои русла, начинают дуть северные ветры, земля высыхает, и сторожки снова вырастают то тут, то там, как грибы. Они служат местом отдыха для косарей, ловцов черепах и змей, рыбаков, птицеловов, сборщиков лотоса и просто для тех, кого ночь застигает в поле.

Теперь-то они опустели, и неприятель ежедневно наблюдает за ними с воздуха. Одни давно сожжены ракетами, другие рухнули от вихрей, поднятых винтами вертолетов.

В одной из таких будок размещается пункт связи. Сторожки на сваях! По дороге Нам Бо рассказал мне столько удивительных историй, связанных с ними. Это — места условленных встреч людей, прежде никогда не видавших друг друга, знакомств, свиданий. Привязанности, боевая дружба, даже любовь зарождаются здесь, в сторожках. Бывает, люди исходят всю округу, ища друг дружку, и вдруг повстречаются в одной из будок. А главное, на пункте связи всегда есть девушка-связная, и все они милы и привлекательны — каждая на свой лад.

Как-то ночью один подпольщик сидел в будке, ожидал связного. Ждал он долго, луна стояла уже в зените, подул свежий ветер, но никто не показывался. Поле молчало, с дамбы доносились какие-то шорохи. Услышав вдруг шум вертолетов, он выглянул и увидел огненные трассы, протянувшиеся к земле. Еженощные обстрелы с воздуха стали уже привычными, но на этот раз подпольщик встревожился. Стая из трех вертолетов, постреляв, удалялась, потом подлетала снова и открывала стрельбу — и так всю ночь.

Никто не приходил. Наверно, что-то помешало, подумал подпольщик. Вдруг он увидел — луна светила довольно ярко — приближавшуюся хрупкую фигурку.

— Кто идет? — спросил он.

— Это я, связная.

— А я тут жду-дожидаюсь.

Связная подошла совсем близко:

— У вас не найдется бинта? И еще бы вату и йод.

— Что с вами?

— Меня ранило.

Подпольщик отправился в будку за вещмешком, развязал его при свете луны и, роясь в мешке, спросил девушку:

— Рана хоть не тяжелая? — В голосе его послышалась тревога, даже испуг.

— Да нет, легкая. Я уж и повязку наложила, только вот боюсь заражения. Можно сказать, повезло — чиркнуло по запястью, — отвечала она спокойно и даже с какой-то приветливостью.

Он увидел: бинт на ее руке весь пропитался кровью. Девушка села на траву, вытянув ноги и положив поперек их карабин; подняла раненую руку, чтобы удобнее было ее перебинтовать. Свободной рукой она придерживала рассыпавшиеся волосы.

— Меня и ранило-то из-за волос.

— Как это?

— Вечером, перед тем как идти сюда, вымыла голову. Когда переходила водоем, с вертолета заметили меня и открыли огонь, пришлось сесть в воду с головой. А вода илистая, мутная, я побоялась запачкать волосы и приподняла их над водою — вот руку и задело пулей.

— Даже такая беда не смогла испортить твои волосы! — тихонько воскликнул он в восхищении и снова взглянул на девушку.

По небу быстро проплывали облака. Ярко светила луна. Он увидел ночное небо в зрачках девушки. В воздухе стоял легкий, едва уловимый запах лотосов. Нет, это был аромат ее волос... Подпольщик этот полюбил девушку и стал писать ей письма. Через год он снова пришел к старой сторожке — на свидание с любимой. Вот такую-то девушку и такую вышку я ищу. Хотя сейчас я, пожалуй, обрадовался бы и старику — окажись только он на пункте связи... И чтоб недалеко от дороги. Устали ведь. Вон та будка будет шестая по счету.

Нам Бо обернулся ко мне и спросил:

— Ну как, ноги еще ходят?

— Все в порядке, — отвечал я.

— Поднатужьтесь еще чуть-чуть. Нам ведь тут без связных — крышка. Неприятель, — пояснил Нам Бо свою мысль, — высадит солдат, а мы и не знаем, по какой дороге

бежать. Может случиться, и не враги тебя убьют, на своей же mine подорвешься.

— Ясное дело, связных надо найти во что бы то ни стало, — заявил я. И уж теперь должен был держаться на высоте. Я снова поправил вещмешок — с каждым шагом он становился все тяжелее, — вырвался вперед и пошел впереди Нам Бо.

— Гляньте-ка, свежая тропинка — только что проложена. Давайте свернем, посмотрим... — Он ткнул пальцем в сторону.

Я оставил широкую тропу и свернул туда, не разбирая дороги, шел напролом, топча тростник и высокую траву. Я шагал впереди, Нам Бо сзади, мы продирались сквозь стену травы выше человеческого роста, и вдруг передо мной показалась сторожка на сваях. Я облегченно вздохнул. А ты, сторожка, хитра! Искал я тебя, искал, а ты все пряталась. Вовсе без сил остался — глядь, ты тут как тут. Сторожка под двускатной крышей из скрученных, пожелтевших уже тростниковых листьев стояла над окопом шириной более метра, длиной метра в два, заглубленным на полметра с лишком и устланным сухой травой. Я обернулся и с многозначительным видом прошептал:

— Там почивает фея.

На пункте связи гостей сегодня не было, только связанная с карабином под рукой лежала на боку и сладко спала. Парашютная ткань закрывала ее с ног до головы, видны были только длинные волосы, да сквозь тонкую ткань проступали маленькие девичьи пятки.

— Тише, не будем ее будить.

Мы скинули вещмешки, сняли пояса и сложили свое добро в углу.

— Прилягте, а я выйду на минутку. — Нам Бо вышел из будки. Я не знал, куда он направился и зачем, но спрашивать не стал.

Чрезмерный голод, случается, переходит в кажущееся ощущение сытости. Есть я уже не хотел. Выпил глоток крепкого чая из фляги, вытер рот рукавом, прислонился спиной к вещмешку и облегченно вздохнул.

Вот я и на пункте связи! Вышка, затерянная в заросшем сорняками поле, место заранее назначенных встреч между незнакомыми людьми. Что здесь завяжется, что случится со мною, с Нам Бо и с этой молоденькой связной, которая сейчас так сладко спит? Вот о чем размышлял

я, искоса поглядывая на девушку. Хорошо бы сейчас поспать, но я знал: стоит лишь мне улечься — сразу захраплю громогласно. Мысли эти перемешались в моем сознании с удивительными историями, рассказанными Нам Бо. Но как бы там ни было, поищу-ка, где бы прилечь. Будка сама, как назло, была очень маленькая, и почти всю ее заняла сама хозяйка. Да и прилично ли мужчине лежать с женщиной в одной будке? Хотя все равно, вдоль тут уже не уляжешься, а поперек — некуда ноги девать.

Я перетащил вещмешки, оружие и все прочее в другой угол и улегся в ногах девушки, изогнувшись, как рак. Уже засыпая, вдруг услышал, вроде кто-то зовет меня по имени. Я покосился на девушку, потрогал свой подбородок, заросший густой щетиной, и совсем было заснул, как вдруг услышал лязг затвора. Вздрогнул и вскочил, испуганный. Девушка с раскрасневшимся лицом наставила дуло карабина прямо мне в грудь.

— Кто вы такой? — Голос резкий, глаза широко раскрыты.

— Я из Армии освобождения. — Рукой я попытался отстранить ружейный ствол. — Не стреляйте... я...

Не знаю, какой вид был у меня в эту минуту, но девушку явно разбирал смех; однако внешне она ничуть не смягчилась. Хорошо хоть, карабин отвела — это был «СКС»¹. Снова лязгнул затвор, и на землю упал патрон.

— Как?! — закричал я, изумленный. — Вы дослали патрон?

— Еще бы! Вы кто такой, почему лежите здесь? — Голос ее звучал еще резко, но гнев с лица сошел.

— Я только-только добрался сюда. Искал вас все утро, с ног сбился.

— Связные ничего не передавали мне.

— Решил сам добраться.

Разговор разговором, но я следил за каждым ее движением. Она положила «СКС» на травяную подстилку и села, прислонясь к стенке окоца. С виду ей было года двадцать два, кожа ее, когда-то, наверно, белая, загорела и обветрилась. Обыкновенная вроде девушка, ничем не выделяется, но я уже заметил особую ее примету — розовую родинку на шее. Родинка эта мне почему-то понравилась. Она словно высветляла ее лицо. Наверно, поэтому девуш-

¹ «СКС» — самозарядный карабин Симонова.

друг с другом, тогда ремешки будут плотно обтягивать ступни. Перед дорогой Нам Бо проинструктировал меня обо всем, жаль только не сказал насчет сандалий.

— Съешьте наконец пирожок. Что вы им любуетесь?

— Я должен есть один?

— Кушайте, я уже поела.— Девушка как будто вздрогнула и оглянулась туда, где был вход в будку.

— Уж не самолеты ли?

— Это «старая ведьма», пусть летает,— ответил я беззаботно, но на душе у меня заскребли кошки.

— Что за легкомыслие, здесь вам не джунгли. Сложите-ка все вещи к стене, увидят — сразу откроют огонь. Вон они уже близко...

Девушка вскочила, стала на колени и принялась обеими руками отодвигать мешки и вещи в угол.

Разведывательный самолет «Л-19», который мы прозвали «старой ведьмой», приближался, размеренный гул его, папоминавший болезненный стон, становился все громче.

Сомнений не было: самолет летел в нашу сторону.

Девушка встала, схватила «СКС», укутала голову парашютной тканью и, прижавшись к стене, смотрела в небо.

— Слушайте,— сказала она,— если самолет подлетит отсюда, мы прижмемся к этой стене, а если оттуда — к другой. Заметите, что он выключил мотор и пикирует на нас, значит, собрался пустить в нашу сторожку ракету. Тут главное — упредить его, выстрелить по нему первым, пилот испугается, отвернет в сторону, и ракета пройдет мимо. А не то подстрелят нас здесь, как кроликов, ясно?

Видя ее замешательство, я напустил на себя уверенный вид.

— А почему бы не поставить плотные двери и не метаться из стороны в сторону?

— Да что вы понимаете в этом! Увидят двери, сразу сообразят: ага, в будке есть люди, и откроют огонь. Ну чего сидите там, недотепа!

Девушка резко обернулась ко мне, потом снова отвернулась к выходу.

— Возьмите оружие, станьте за моей спиной, сюда. Быстрее!

Это была уже не шутка, крик ее прозвучал как команда. Едва успев схватить автомат, я услышал, как она зарядила свой «СКС».

— Заряжайте!— снова крикнула связная, едва я при-
ткнулся позади нее. «Старая ведьма» летела на бреющем,
совсем низко, касаясь высокой травы; я и оглянуться не
успел, как она уже проплывала мимо нашей будки.
Огромная, черная. Я разглядел голову пилота, круглую,
как скорлупа кокосового ореха.

Над джунглями враг никогда не летает так низко.
Правда, в Сайгоне в памятные дни лунного Нового года
Земли и Обезьяны, в шестьдесят восьмом, я видел, как
самолет летел прямо над мостовой, но сделал он это толь-
ко один раз; а здесь, над злополучным полем, он словно
катит по верхушкам деревьев и трав на своих колесах.
Тростник, камыш, трава вихрились за ним. «Старая
ведьма» развернулась и сделала новый заход. Вот так по
нескольку раз она всматривается в каждую вышку. Еще
один заход.

— На ту сторону!— Мы оба перепрыгнули в окоп,
прильнули к стене. Опять с ревом надвигался самолет —
черная громадина, за стеклом круглая голова пилота.
На этот раз плоские крылья чуть не коснулись крыши
будки, могучий вихрь, обрушившийся на нас, казалось,
вот-вот сорвет двускатную кровлю.

— Что он углядел в нашей будке?

— А кто его знает!

Я подумал о Нам Бо — где он, уж не из-за него ли
самолет так навязчиво кружит над нами?

Да и сам я хорош... Не вразуми меня связная, не на-
кричи, я так и торчал бы столбом посреди будки, рядом
с грудой вещей... И проклятый пилот давно бы заметил
меня.

«Старая ведьма» прилипла как пиявка. Мы то и дело
перебегали от стены к стене, прячась от нее, точно цыпля-
та от коршуна. Но вот самолет описал большой круг
и стал набирать высоту.

— Внимание! Он может выпустить в нас ракету.
Держите его на прицеле, если я выстрелю, вы тоже
стреляйте сразу. Расстреляйте весь магазин.

«Старая ведьма» взревела над нашей головой, потом
выключила двигатель и стала пикировать, но не на
нас.

Раздался грохот, затем шипение и свист. Самолет
выпустил ракету. Черная полоса дыма протянулась на-
искось от него к земле. Сторожка, стоявшая на сваях

вдали перед нами, на одной линии с солнцем, вспыхнула, к небу рванулся огромный клуб черного дыма.

— Кто-нибудь есть там?— спросил я.

— Нет, но вокруг той сторожки целая сеть тропинок. Вот он и выстрелил туда.

Наверно, это была та самая большая сторожка, к которой тянулось множество широких троп,— мы с Нам Бо проходили мимо нее. Постреляв, «старая ведьма» покружила еще на бреющем полете и улетела.

Девушка разрядила карабин, уселась на травяную подстилку и с облегчением вздохнула. Я, следуя ее примеру, разрядил автомат и сел, поджав ноги, на траву, только вздыхать не стал, а поглядел на розовую родинку над самым вырезом, открывавшим ее шею.

— Вам в джунглях приходится так же туго?

— Да туго-то везде, но там «старые ведьмы» не смеют хозяйничать. Изредка налетят «Б-52» или «Ф-105».

— Зато здесь полный набор напастей, от «Б-52» до предательской пули в спину. Так что, товарищ из джунглей, будьте всегда начеку. Многие из вас выглядят здесь сущими недотепами. Как вы думаете, стоит предложить командованию — ежели кто погибнет по своему недомыслию, так и писать в похоронках: «Погиб смертью храбрых из-за головотяпства»?

Я от души рассмеялся ее шутке. Она тоже смеялась, прикрыв рот краешком парашютной ткани.

— Вы одна на этом пункте связи?

— Да разве я связная?

— А кто же?— удивился я.

— Я — это я. Добиралась, как и вы, сюда сама всю ночь, устала страшно, дай, думаю, укроюсь в этой будке, передохну.

— Вы правду говорите или шутите?

— Да разве я когда-нибудь шучу? Ну а вы-то один пришли, откуда у вас столько вещей?

— Нет, нас двое.

— Где же второй?

— Сам не знаю, вроде ушел прогуляться.

— О небо и земля!— Теперь уже девушка удивилась мне.— Может, это по нему и стреляли? Экие все вы там, у себя в джунглях, недотепы! Идите ищите его!

— Да он вовсе не такой недотепа, как я. Воевал тут у вас.

— Воевал тут, не воевал — неважно, идите искать его. И поберегу ваши богатства.

Вдруг в травяных зарослях послышался шорох, рядом, у самой сторожки.

— Вон он возвращается, — сказал я.

Связная обернулась и вскочила, точно подброшенная пружиной.

— Боже мой! Нам Бо! Кто бы подумал!

— Малышка Ба! Ты куда идешь?

Малышка Ба! Я вспомнил, Нам Бо в своих рассказах часто называл это имя.

Он подошел к будке, не сняв темных очков.

— Где вы были, когда самолет прилетал? — спросил я.

— На пункте связи, недалеко отсюда.

Нам Бо пригнулся, вошел в помещение и улыбнулся Малышке Ба.

Она по-прежнему взирала на него с умилением.

— Ты что, все это время в больнице маялся? А теперь куда?.. Почему давно не писал нам? Сам-то хоть получал наши письма? И от моей сестры Шау получил?..

Ба засыпала его вопросами, он не успевал на них отвечать.

— Ну, — вставил он наконец словечко, — а ты куда направляешься?

— Провожая кадровых работников в провинциальный комитет партии.

— Наши-то как, живы-здоровы?

— Живы-здоровы. Ты вернешься к нам на кордон?

— Мне сперва тоже надо в провинциальный комитет, а там — куда пойдут.

— Хорошо, пойдем вместе, и я не уйду оттуда, пока не упрошу их снова направить тебя к нам.

Оба заговорились, позабыв даже о еде, хотя стоять в будке во весь рост было невозможно и приходилось все время нагибаться. Вдруг Нам Бо обернулся ко мне:

— Познакомьтесь, это товарищ Тханг, мой попутчик. А это Малышка Ба, партизанка с кордона.

Тут только я вспомнил: мы с ней наедине успели поговорить о многом, но так и не познакомились. Она теперь не обращала на меня никакого внимания, словно меня и не было в этой тесной будке. Обращалась она только к Нам Бо. Что ж, это было справедливо.

— Вы поели? — спросил он меня.

— Я ждал вас.

— Тогда давайте перекусим, за едой продолжим разговор.

Я достал кусок пластика, заменявший мне дождевик, сложил пополам, разостлал на сухой траве и стал вынимать наши припасы.

— Что тут у вас?

— Мясо...

— Вот придете к нам, попотчуете чем только пожелаете.

— Желая черепаху, поджаренную с солью,— заявил я, раскладывая рис и банки с мясными консервами.

— Придется потерпеть, черепахи будут, когда высадится вертолетный десант,— сказала девушка.

— Я всерьез, а вы опять со своими шуточками. Стоит только подпалить тростники, и бери черепах голыми руками. Зачем вертолеты ждать?

— И я говорю совершенно серьезно, без шуток. Если сейчас подпалить тростники, налетят вертолеты, перестреляют и сожгут нас самих. Слушай, Нам...— Девушка опять обращалась уже не ко мне, а к Нам Бо.— Как только ты уехал во второй раз, противник немедленно перешел в контратаку...

Я решил, что она просто захотела перевести разговор на другую тему, но девушка продолжала:

— Еще до рассвета они три раза бомбили нас, потом обстреляла артиллерия из Биньдыка, наконец появились вертолеты прочесывать поле. Всеи стаей — двадцать одна машина — кружили и кружили над нами, траву брюхами утюжили. С тех убежищ, что были прикрыты похуже, крыши сорвало от винтов. Камыш, тростник перекрутило, стебли то прижимало ветром к земле, то взметало ввысь; пожухлая трава, сухие листья кружились в воздухе. Черепахи, змеи, кобры — все живое тогда всполошилось. Особенно черепахи. Сколько их повыползло из нор! И все-то они не такие вялые, как мы думаем. Черепахи загребали всеми четырьмя лапами, переваливались через вжавшихся в землю людей, заползали в убежища. Сперва мы все ловили их, не обращая внимания на вертолеты, и бросали в ямы, в траншеи, откуда им было не выбраться. Но потом выбились из сил и оставили — пусть ползут куда хотят. Зато уж после налета карателей в каждом доме ели черепах. Вареных, жаренных с солью, фаршированных... Кое-кому черепашины хватило чуть не на неделю.

Слушая ее, я вспомнил анекдот о черепахах, рассказанный мне доктором Тин Инге, и решил было пересказать ей, но вовремя одумался: небылица эта сейчас оказалась бы неуместной.

— Ну, давайте поедим. Отведаем пока мясо лесных тварей, а потом, после вертолетного десанта, будем есть черепах.— Малышка Ба, улыбнувшись, взглянула на меня и, как благодетельная девушка из хорошей семьи, стала оделять нас рисом.

— Расскажи, как там у нас в деревне,— попросил Нам Бо.— Кто жив, кто умер, кто на месте, кто подался на чужбину?

— Ничего тебе не расскажу. Пожалуй домой, сам все узнаешь. Одно скажу тебе наперед...

— Что же — говори.

— Придется ответ держать — почему не писал моей сестре Шау?

В этот самый момент Нам Бо снял темные очки. Я заметил, как девушка вздрогнула, увидев шрам на его лице. Она растерялась, потом склонила лицо, опустив зажатые в пальцах палочки в чашку с рисом. Словно поперхнулась и больше не в силах есть. Наверно, она поняла, почему Нам Бо не писал ее сестре Шау Линь. Часто заморгав ресницами, она покосилась на меня, но ничего не сказала, и лицо ее стало каким-то замкнутым и печальным.

Я тоже начал понимать, в чем дело.

Глава 4

В будке могут разместиться трое или четверо мужчин, но не хватает места для двух мужчин и одной женщины. После трапезы Малышка Ба, уступая нам место, пошла на пункт связи. Собираясь в путь, она сказала нам:

— Вы устали, ложитесь и поспите. Если что, я дам вам знать. Здесь поблизости есть озерцо, под вечер сходите по прохладе туда, помойтесь. А пропитание я беру на себя: наловлю кузнечиков на наживку, рыбы наужу — ужин выйдет на славу.

Вскинув карабин на плечо, она пошла было к выходу, но обернулась и сказала самым решительным тоном:

— Здесь вам одним нельзя ходить. Свяznego ждуть придется еще пять дней — вертолеты насели, мочи нет.

Что ни день — коси траву для маскировки, легко ли! Так что лучше отдыхайте, набирайтесь сил, завтра вечером я сама отведу вас до места. Договорились, Нам?

— А партийный секретарь, товарищ Шау, не раскритикует тебя за опоздание?— спросил я в шутку.

— Да я ведь не гуляла, за что критиковать-то? Наоборот, сестрица меня еще орденом наградит: шутка ли — самого Нам Бо доставлю.— Девушка рассмеялась.

Я все глядел на розовую родинку на ее шее до тех пор, пока она не отвернулась и не скрылась в зарослях травы. Нам Бо улыбнулся и покраснел. Все ясно, подумал я и решил: нынче же ночью все выведаю у него, а сейчас — спать, спать...

Всю вторую половину дня мы проспали как убитые. Девять вертолетов — целая стая — пролетали над будкой, как жабы скакали туда-сюда над полем, а мы знать ничего не знали. Услышав гул вертолетов, Малышка Ба прибежала с пункта связи, глядит — мы почиваем себе сладким сном, а вертолеты перебрались подальше; не стала будить нас, присела рядом и охраняла наш сон. Под вечер мы выкупались в озерце и прямо-таки ожили. Потом я поймал десятка полтора кузнечиков и отдал Ба для наживки. Вскоре она вернулась с водоема — бывшей воронки от бомбы — с целой вязкой анабасов: без малого два десятка «зобастых» анабасов, каждый длиной пальца в три. На ужин была жареная рыба и даже кислая хлебка. Наелись мы до отвала.

Ночь выдалась тихая. Высокое небо, свежий ветер. Нигде не бывает такого упругого, свежего ветра, как на этом поле. Деревья, травы шелестели, и чудилось, будто ветер принес сюда шум и плеск Меконга. Малышка Ба снова ушла на пункт связи. В будке остались лишь мы вдвоем. Мы улеглись — в длину — на дне окопа, разстлав гамаки поверх сухой травы; получилась очень мягкая постель. Сквозь щели в крыше виднелись звезды.

— Послушайте, Нам, что у вас было с Шау Линь?

Услышав мой вопрос, Нам Бо сел, закурил сигарету, потом снова улегся.

— Вы и без моих рассказов узнаете все, когда доберетесь до места. Ответь я: да нет, ничего между нами не было,— я бы солгал. Но если сказать, что я любил ее, а она любила меня,— этого тоже толком не докажешь.

— В любви так часто бывает, — подтвердил я, и тогда Нам Бо рассказал вот что:

Сам-то он понял, что любит Шау Линь, еще два с лишним года назад. Как-то его пригласили ночью в провинциальный комитет партии для подготовки второго наступления весной шестьдесят восьмого года. На обратном пути, возвращаясь из-под Биньдыка, он зашел навестить Шау. После смерти отца она уступила свой дом соседке, матушке Хай, у которой разбомбили жилье. Сама-то она все равно почти не бывала дома.

Завернув во двор, он, едва подошел к дверям, услышал ломкий, берущий за сердце голос матушки Хай:

— Это ты, Нам? О небо, о земля! И чего вы с Шау так бегаєте друг от дружки? Садись, садись. Она только-только ушла, вечерело уже. Искупалась, вымыла волосы, белье постирала, перехватила горсточку риса и заторопилась, вижу. Куда ты, спрашиваю, уж не к Нам Бо ли? Она улыбнулась, покорно так, и ушла.

Стоя в дверях, он смотрел на приветливо встретившую его старую женщину, и было на душе у него и неловко, и радостно. Не желая притворяться: мол, зашел просто так, по пути, — Нам улыбался молча, как бы признавая правоту матушки Хай — да, он пришел повидать Шау Линь.

Он снял вещмешок, сел за стол. Матушка Хай, заваривая ему чай, продолжала:

— Ушла она, одна рубашка осталась — повесила ее сушиться вон там, позади тебя.

Тонкая белая блузка «баба»¹ с вырезом на шее в виде сердечка — Шау обычно носила ее в часы досуга — висела сейчас на шесте из верхушки долгостолого бамбука тэмваунг у стены за спиной Нам Бо. Он-то заметил ее еще в дверях и обрадовался. Шау Линь не было дома, но она как бы оставила частицу себя: чем-то знакомым, родным повеяло на него от этой рубашки, висевшей у стены.

— Ну, когда поедете в город — расписываться?

Старуха посматривала то на блузку, то на Нам Бо, то на стакан чая, который держала в руке. По голосу ее чувствовалось: она радуется счастью молодых.

¹ Баба — традиционная одежда южан: короткая до пояса блуза без ворота с длинными широкими рукавами и длинные широкие штаны без карманов.

— Да мы еще ничего не сказали друг другу, между нами нет ничего, матушка!

— Знаю-знаю. Вон плод на дереве — зреет и не знает, что зреет, а люди видят: он созрел. Была бы только меж вами любовь, а слова — зачем говорить их. Все одно — не объяснились еще, стало быть, объяснитесь после.

Кроме этого случая, связанного, в общем-то, больше с белой блузой баба, Нам ничего не рассказал мне о своих отношениях с Шау Линь. Я понимал: для него поделиться и этим — уже немало. Мы знакомы совсем недавно, но за пять дней тяжелейшей дороги я убедился: кто-кто, а уж Нам вовсе не рубаха-парень — сдержан, замкнут, застенчив.

Но даже по одной этой истории, по тому, как он вспоминал и рассказывал ее, можно было понять: он любит, любит всерьез. Правда, Нам Бо рассказал еще, что за то время, пока его не было здесь и он не видел Шау, он написал ей длинное письмо, но не успел отослать, как его ранили. Тут он прервал рассказ о своей любви к Шау Линь и начал новую, совершенно другую историю. В мрачные времена правления Зьема, после издания декрета № 15/19, сам Нам Бо вместе с еще одним подпольщиком скрывались в тайном убежище, выкопанном посреди сада. Сливы в саду как раз зацветали тогда розовым цветом. По ночам, сменяя друг друга, они ходили в деревню налаживать заново связи с населением. И вот пришла очередь товарища. В темноте, в черной тени деревьев, они подняли крышку убежища и вылезли наверх, в сад. В подземелье, само собой, стоял кромешный мрак, но и наверху царил такая же темень, только чувствовалось: ей нет ни конца ни края. Как и в прежние ночи, они пожали друг другу руки на прощанье — ведь всякий раз, расставаясь, думали: а ну как уже не встретятся никогда. Товарищ ушел, словно растаял в ночном мраке. Нам Бо, оставшись один, присел у входа в убежище. Его почему-то снедало тайное беспокойство, сердце тревожно колотилось в груди. Вскоре уже он не мог усидеть на месте. Нет, нынешней ночью что-то решительно было не так. И прощальное рукопожатие товарища, вспоминал он, было крепче и дольше обычного. Нам Бо показалось даже, что он разглядел в темноте его глаза. Тот смотрел на него каким-то странным испытующим и долгим взглядом. И еще что-то неясное мучило его. Сердце снова тревожно

забилось, да так, что он едва смог перевести дух. Смутное предчувствие томило его.

Он покинул убежище, оставил сад, смутно розовевший во мраке распустившимся сливовым цветом, вышел в поле, уселся на межу и застыл, точно в землю врос, прислушиваясь.

Спустя какое-то время вдали, у околицы, послышался собачий лай; он становился все громче и вроде приближался к сливовому саду.

Оказалось, товарища его схватили, он не выдержал пыток, сознался во всем и теперь вел врагов к тайному их убежищу. Наверно, в душе ему было жаль Нам Бо, потому что, проходя мимо дома, хозяева которого укрывали подпольщиков, он громко крикнул: «Не бейте! Не надо, я отведу вас!» Тогда, считал Нам Бо, его спасло только чутье.

Но, по-моему, чутье это суть не что иное, как его острый, сметливый ум, которым я, честно говоря, восхищался.

Мне вспомнилась наша встреча тогда, в доме у доктора Тин Нге. Доктор хотел, чтобы мы погостили у него до утра, но Нам Бо не терпелось сразу отправиться в путь.

— Вас что, берут на спецрейс? Почему такая спешка? — спрашивал доктор.

В джунглях связные иногда делают специальные рейсы на мотоциклах «Хонда» и, ежели повезет, могут подвезти вас. Я тут же решил, что на нашу долю выпала такая редкая удача, и возликовал.

— Да нет, — покачал головой Нам Бо, — никакого спецрейса не будет, просто я хочу выйти пораньше.

— Тогда зачем спешить, завтра и отправитесь, — уговаривал доктор.

— Спешить, конечно, причины особой нет, просто я думаю, нынче ночью в нашу зону явятся «бэ пятьдесят вторые».

— Вы получили информацию?

— Нет, это мои личные опасения. Прошлой ночью мне не спалось, и я слышал, как два «тэ двадцать восьмых» облетели вдоль и поперек наш лес. А сегодня с утра в лесу — тишина. Ежели что случится и мы застрянем здесь, очень будет досадно.

Лишь после этих его слов мы обратили тогда внимание на необычную тишину, стоявшую в лесу. Как водится,

из районов боевых действий, где скоро должны появиться «Б-52», самолеты других типов исчезают, и никогда не услышишь их шума. Затем вдруг доносится низкий, тяжелый гул, и, едва успеваешь сообразить, что это такое, с неба уже сыплются бомбы. Хотя и вовсе не обязательно, чтобы после такого затишья прилетали «Б-52».

— Может, они и не объявятся, оставайтесь, Нам,— стал убеждать его недоверчивый доктор.

— Что ж, можно и остаться.

Но когда Нам Бо дал уже свое согласие, доктор и сам вдруг забеспокоился. Наклонив голову набок, он напряженно прислушался.

— Слишком уж тихо! Ладно, идите оба. Не будь еще этого предчувствия... Нет-нет, надо идти. Если с вами случится что-нибудь, никогда не прощу себе. Ступайте, да побыстрее, мне что-то и самому тишина эта кажется подозрительной. Пожалуй, подготовлю я свое заведение, чтоб не застали врасплох.

Мы отправились в путь засветло, когда еще ярко светило солнце. И остановились на ночь в домике у реки, близ деревенского базара. Ровно в девять вечера мы услышали первые взрывы бомб, сброшенных с «Б-52» километрах в десяти от нас.

Впрочем, не только этот случай заставил меня восхищаться Нам Бо. Мы не раз потом выходили невредимыми из-под бомбежек благодаря подобным метким наблюдениям. Конечно, Нам Бо не исключение. Наверно, почти у всех солдат, стоявших не раз лицом к лицу со смертью, есть эти «антенны души», очень чутко, на больших расстояниях улавливающие опасность.

— А что потом стало с мерзавцем, открывшим врагам ваше убежище? — спросил я (не хотелось, чтоб он подумал, будто меня интересуют только его взаимоотношения с Шау Линь).

— Потом мне пришлось еще раз столкнуться с ним. Собираясь возвращаться обратно в Тростниковую долину — мы создавали там опорный район,— я должен был съездить по делам в Сайгон. Перед отъездом я увидел его на автовокзале. Он расхаживал в пиджаке, в темных очках, как заправский шпик. Наверно, и он заметил меня, не мог не заметить. Я направился прямо к нему, а он смотрел на меня, бледный как полотно. Подойдя, я протянул руку и спросил: «Это вы, Мань?» — «Боже мой,

Нам! — Он обеими руками схватил мою руку, голос его дрожал. — Куда направляетесь, Нам Бо?» — «В Митхо». — «Позвольте, я возьму вам билет, посажу вас в машину». Он так и сделал — взял билет, занял для меня место...

— А когда вас ранило, было у вас накануне какое-нибудь предчувствие? Если было, почему вы не постарались избежать опасности? — Я снова возвращался к прерванной истории.

— А, вы об этом? — Нам Бо приподнялся, достал сигареты, протянул мне одну. Я дал ему прикурить, и он снова лег.

— Предчувствие-то было, только уклониться никак не мог. Мне поручили провести подкрепление к нашим, на кордон. В таких случаях идут даже на верную смерть. Как раз начинался второй этап наступления, опаздывать мы не имели права и решили с боем пробиться к своим.

В ту ночь, рассказывал Нам Бо, его подразделение наткнулось на равнине на американскую засаду. Бой завязался прямо в зарослях тростника. В конце боя, когда вертолеты похоронной команды, ревя, громыхая, мигая огнями, уже садились, чтоб подобрать убитых, а заодно и раненых и доставить их в Биньдык, какой-то янки струсил и побежал к вертолетам, отстреливаясь на ходу. Одна его пуля угодила Нам Бо в левый глаз. Трое бойцов, сменяя друг друга, отнесли его в полевой госпиталь. Тем временем подразделение Нама продолжало пробивать себе дорогу и в конце концов вышло к линии фронта.

Когда Нам Бо принесли в лазарет, он все еще крепко сжимал в ладони пучок травы, за который ухватился, упав на землю. А письмо, предназначенное Шау Линь, осталось в кармане его рубашки.

— Так и не отправили? — спросил я.

— Не отправил.

— И вы не слышали, за эти два года кто-нибудь сватался к ней, добивался ее расположения?

Вопрос был слишком прям, но таков уж мой характер.

— Мно-огие! — одним словом, но протяжно ответил он, и нотки обиды послышались в его голосе. Сигарета во рту у него вспыхнула красным угольком.

Я понял: он не хочет вспоминать прошлое. Снаружи потянуло ветерком. И дуновение это как бы напомнило мне, что сегодняшнюю ночь я коротаю в будке, на сухой

траве, посреди дикого поля — того самого, которого я не видел уже двадцать лет!

Мы оба молчали. Сквозь дверной проем я видел, как ветер ласкает верхушки тростников. А дальше простиралось высокое-высокое небо с мерцающими звездами. Ничего мне не надо, только бы слушал и слушал голоса поля! Стрекошет кузнечик, пролетает птица, крик ее на мгновение разрывает тишину и сразу умолкает; но долго еще будет звучать в твоей памяти и этот крик, и тихий, еле слышный шум ветра... Я довольно скоро уснул. Но и во сне слышал голоса поля, шорох и шелест несчетных растений, тянущихся ввысь, шуршание ростков тростника дэ, рвущихся наружу сквозь слой пепла, оставшегося после бомбежки.

Гладь прудов и заводей колеблут, плескаясь, рыбы, пожирающие добычу; черепахи и змеи выползают из нор; лотосы распускают свои лепестки, наполняя воздух благоуханием; поле распростерлось в истоме, ожидая начала дождей, когда вместе с паводком нагрянут несметные рыбы стаи.

Сон мой глубок и сладок. Я сплю, но по-прежнему слышу невнятный шелест волн, бегущих по тростникам и травам. Я сплю на сухой траве в затерявшейся посреди поля будке и вдруг просыпаюсь от рева вертолетов и сразу слышу голос Малышки Ба, стоящей у входа:

— Если что, идите следом за мной!

Глава 5

На другую ночь, не дожидаясь связного, Малышка Ба отвела нас в провинциальный комитет партии. Она осталась в «отеле» помозолить глаза начальству — может, сообщат, куда, на какую работу нас направят.

— Вот увидите, его снова пошлют к нам,— утверждала она.— Ведь он там у вас, в джунглях, работает в штабе, да и раньше был здесь кандидатом в члены провинциального комитета — самым, между прочим, молодым, а это вам не шутка!

И тоже остановился в «отеле» — во-первых, вместе с Ба веселее, да и от окружающих много чего услышишь. «Отель» парткома представлял собой три расположенные неподалеку друг от друга будки, правда более благоу-

роенные, чем пункты связи; рядом, на том же поле, разбросаны были жилища здешнего люда. В удобства «номеров отеля» входили убежища и траншеи; впрочем, были здесь и лежанки, застеленные циновками, и даже чайники, были и люди, заботившиеся о питании постояльцев.

От «отеля» до «резиденции» добрались по лабиринту тропинок со связными, чтобы не напороться на вертолетный десант или минное поле. Я был приглашен в комитет на доклад об общем положении в провинции. Потом связные отвели нас с Малышкой Ба на обед, устроенный парткомом в честь возвратившегося в родные края Нам Бо. Сам он поселился и работал прямо в «резиденции».

Мы с Малышкой Ба жили в разных «номерах», но частенько заходили друг к другу и коротали время за разговорами.

— Говорят, у Шау Линь много поклонников?

— Да уж, нехватки нет.

— А кто сейчас ей мил?

— Вам-то зачем?

Отвечает вроде резко, но резкость эта не звучит грубо, даже ласкает слух, вот что опасно! За эти, в общем-то, свободные дни она выстирала, высушила и уложила в вещмешок старую, цвета увядшей травы блузку, надела другую, цвета семян огородного базилика, ладно шитую по моде и плотно облегавшую ее тело, и выглядела теперь еще более цветущей и привлекательной. У новой блузки был точно такой же вырез — сердечком, не скрывавший розового родимого пятна. И, само собой, мне снова пришлось в голову: нет, не будь этой родинки, лицо ее так не светилось бы.

— Небось хороша, раз у нее столько поклонников?

— Я женщина — и то влюблена в нее.

— Неужто? Ну тогда она наверняка разлюбила Нама.

— Если разлюбит — сразу отрекусь от нее.

— Как это — отречетесь?

— Он дрался с американцами, был ранен, за что же бросать его?

— Со стороны-то легко судить, а для нее это дело кровное, и она думает по-другому.

— Кровное, не кровное — все одно. Если бросит его — я от нее отрекусь. — Она распрямила ладонь и резко взмахнула, словно отрубила.

— И все-таки вы — человек посторонний, потому

рассуждаете так. Придет время, сами увидите, как все сложно.

Глаза ее стали совсем круглыми, она ответила враждебно, резко:

— По-вашему, время мое еще не пришло? Нет, я говорю и о себе. Мой жених был изувечен пострашнее Нама.

Я вздрогнул.

— Правда?

— Зачем мне вам врать?

Она не отвела взгляда, только веки чуть-чуть покраснели... Выходит, я ничего не знаю о ней.

— Мой жених был ранен, потерял ногу. Он написал мне, хотел со мной расстаться. О, как я рассердилась на это письмо! Написала ему ответ, отчитала. Сказала ему: как выпишешься из госпиталя, сразу сыграем свадьбу, сама тебя прокормлю.

Худо дело, если глаза мои не отличают незамужнюю девушку от замужней женщины.

— А где он сейчас?

Она заморгала.

— Погиб. Госпиталь получил приказ перевезти тяжелораненых на моторке в другое место. А вертолет летел очень низко, над самым полем, и его не заметили... Потом один боец сделал мне предложение. Человек он серьезный, обходительный, но я рассердилась страшно. Неужто не мог подождать, пока я утешусь хоть немного?

— Ну а он где?

— Женился в прошлом году, я так за него рада.

После этого разговора я заходил к ней реже, чем в предыдущие два дня. На третий день даже заскучал: все ждешь и ждешь без толку. Благо Нам Бо закончил свои дела и пришел навестить нас вечером. Тучи затягивали небо, и вот-вот должен был хлынуть ливень. Не успели мы с Малышкой Ба нарадоваться: здорово вышло — партком снова направил Нам Бо в родные края, на старые места боев, как Нам огорошил ее, сообщив, что случилось у них в деревне с неделю назад. Капитан Нгуен Ван Лонг провел новый карательный рейд, не встретив на сей раз ни малейшего сопротивления со стороны партизан, ни единого выстрела не прозвучало, ни взрыва мины. Ничего подобного здесь еще не бывало. Ведь в деревне осталось немало партизан и у них доста-

точно было винтовок, гранат, мин, фугасов. Подразделения Лонга прошли как бы по безлюдной пустыне. С великой pompой отпраздновал он в собственном доме месяц со дня рождения своего первенца! Никто не мог понять: почему партизаны не открыли огонь? И уже поползли слухи: «Не выдержали... Сломались...» При этом все чаще называли имя главного руководителя — Шау Линь... Нам Бо считал себя оскорбленным, Малышка Ба тоже; даже я — вроде человек непричастный — чувствовал себя задетым.

— Это что, мнение провинциального комитета, Нам? — спросила девушка.

— Партком никогда не делает таких поспешных выводов.

— Но тогда кто же?

— Некоторые товарищи.

— Вот им бы и хорошо побывать там, на месте, может, дошло бы — кто чего стоит! — Ба была вне себя.

— Что скажете Тханг, — обратился он ко мне, — запутанное дело? Я хотел этой же ночью отправиться туда. Но у меня завтра совещание. Значит, выходим в ночь на послезавтра.

Раздосадованный, он ушел назад в «резиденцию».

В будке остались лишь я и Ба. Она молчала, лицо ее было угрюмым, словно она и меня стыдилась.

Нам Бо разбудил меня в пять утра. Ливень хлестал как из ведра. Обычное дело — начинались дожди. Над Тростниковой долиной нависло низкое, черное от туч небо.

— Вы готовы? — спросил он меня.

— Как, сейчас?

— В такой ливень у самолетов крылышки подмокнут, а мы к вечеру будем дома, — ответила мне Ба. На ней опять была рубашка цвета увядшей травы; у обоих вещмешки за спиной, оружие — на плечах, дождевики — в руках. Они уже были готовы.

Я сложил гамак, накомарник, уложил в вещмешок и только хотел затянуть шнур, как Малышка Ба сунула в него связку новогодних пирогов¹.

— А это откуда? — спросил я.

¹ Речь идет о пирогах, приготавливаемых к празднику Тет; их формуруют из клейкого риса с начинкой (мясо, бобы или сахар), заворачивают в листья и варят. Пироги могут сохраняться впрок.

— Купила вам — каждому по связке. В такой дождь о горячей пище и речи быть не может.

— И когда купили?

— Только что.

— Почему не разбудили меня раньше?

— Хотела дать вам поспать. Можно идти, Нам?

— Пошли.

Она встряхнула кусок пластика, накинула на плечи, повесила карабин дулом вниз и вышла.

Мы шли под дождем, дорога была скользкая, но безопасная. Как предсказала Ба, у вражеских асов «промокли крылья», они отсиживались где-то: не видно было ни единого самолета, не слышалось шума двигателей. Только изредка доносилась далекая канонада, заглушаемая дождем и ветром.

Не только мы трое, но, наверно, почти все, кто собирался куда-нибудь по делу, дожидались этого часа. Бойцы, люди, останавливавшиеся на пунктах связи... В нейлоновых накидках всех цветов: синих, черных, серых, бурых, как рыбный соус... Все, высыпав на дорогу, шагали кто куда. Идти было очень скользко, чтоб не упасть, приходилось упираться носками сандалий и пальцами ног в землю, но никто не разувался: дорога была усыпана острыми, как бритва, ракушками. Впереди нас оскальзывались, позади шлепались оземь; смех, прибаутки смешивались с шумом дождя — веселье, да и только.

Дожди в эту пору всегда сильнее. Кругом не видать ни зги. Деревья и травы умывались в свое удовольствие. Дождавшись большой воды, анабасы, сомята, пятнистые длинные рыбы лок выбирались прямо на дорогу.

Несколько бойцов, шедших нам навстречу, — как видно, родом из мест, бедных рыбой, — с радостными криками бросались ловить их, падали и весело смеялись.

Дорога, прорезав тростниковые чащи — мне чудилось, будто этот тростник дэ повсюду преследует нас, — углубилась в стоявшую стеной высокую траву дынг, пожирающую заброшенные поля, пересекла заросли высоченной сыти и, попетляв по межам среди полей, двинулась напрямик через поросшую сорняками пустошь.

Мы шли и шли, пока не прояснилось. Дождь словно ударил вспять, и небосвод, высокий, точно выгнутый куполом, без единого облачка, сиял синевою. Ярко светило солнце. Оно клонилось уже к закату.

Перед нами лежало поле, заброшенное не так давно — два года назад, когда неприятель угнал всех жителей здешней деревни в «стратегическое поселение». Раньше тут сеяли сорта риса, носившие женские прозвища: «небожительница», «владычица лесов», «госпожа с запада»...

Вражеские самолеты, бездействовавшие из-за дождя, теперь виднелись повсюду, куда ни глянь: гулко ревушие стремительные «фантомы», черные медлительные, словно плывущие по небу «Т-28», черные и белые «старые ведьмы», кружащиеся на бреющем полете над дорогами, и вертолеты, вертолеты — их было много, как стрекоз. Самый опасный враг в болотах — вертолеты.

Продлись дождь еще хоть часок — мы бы успели добраться до места.

Гряда пышных зеленых деревьев, обрамлявшая берег Меконга, — издалека она как бы сливалась с линией горизонта — возвышалась поодаль, отделенная от нас рисовым полем. Там находились деревни, еще оккупированные врагом. А сад, тянувшийся вдоль канала с того места, где канал выходил на поле, относился уже — подумать только! — к той самой партизанской деревне, где жила Шау Линь. Отсюда до нее километр с небольшим. В Вамкине у развилки дорог расположился штаб неприятельского военного подокруга. Уже почти достигнув цели, нам пришлось из-за прояснившейся погоды остановиться на пустыре, где остались только развалины домов, пепелища, фундаменты разобранных строений, обвалившиеся убежища и траншеи, здесь и там густо поросшие тростником дэ.

Малышка Ба привела нас к разрушенному дому. Но бомбоубежище там хорошо сохранилось и могло защитить от обстрела с вертолетов.

— Нам, а ты помнишь, чей это был дом?

Нам Бо поглядел на мокрые от дождя остатки крыши из листьев, свисавшие с верхушки обугленного деревянного столба, потом перевел взгляд на убежище. Это была добротная щель, обшитая стволами кокосовых пальм, за ними шел слой глины, смешанной с полбовой; в убежище можно было разостлать двуспальную циновку и повесить большую — для целой семьи — противомоскитную сетку. Снаружи убежище густо заросло травой.

— Как не помнить! — ответил Нам Бо.

— Ах, какое горе! Ладно, отдохните здесь, а я пойду вперед, надо известить сестрицу Шау.

— А нам нельзя с тобой?

— Я и сама давно здесь не была, не знаю, где, в каких местах партизаны поставили новые мины. Чего доброго, еще напоремся на них, все погибнем зазря.

Девушка сунула свой дождевик в вещмешок, нарубила кинжалом тростник и, став у входа в убежище, попросила меня замаскировать ее зеленью.

— Обряжайте как хотите, лишь бы «старые ведьмы» да вертолеты не углядели.

Я совал листья, стебли тростника в маленькие карманы на ее вещмешке и чувствовал себя таким счастливым, словно она дала мне разрешение ухаживать за нею. А сама она тем временем спрашивала Нам Бо:

— Ты помнишь Бай Тха?

— Как не помнить!

— Я за всей этой суетой позабыла рассказать тебе, только сейчас вспомнила, когда заговорила о минах. Ведь Бай Тха-то и напоролся на наши мины.

— Неужели?

— Счастье еще, что уцелел. Правда, левую ногу задело, и он теперь хромает. А любопытным — как тут без них — объясняет: мол, напоролся на американские мины. Он и сестрице Шау примерно то же сказал. «Подика,— говорит,— отличи американские мины от наших гранат. Да ведь если вдуматься — из-за кого, как не из-за этих проклятых янки, наши и ставят-то мины?»

Ничего не скажешь — справедливо.

— А где теперь Бай Тха? — спрашиваю я.

— Угнали вместе с другими в поселение. Вы закончили?

— Да.— Мне было приятно, будто я украшал ее к празднику.

— Спасибо. Так что оставайтесь-ка оба здесь. Если услышите взрыв, знайте — я напоролась на мину. Только вы не беспокойтесь, я не зря изучала пример нашей Хонг Гам.

Малышка Ба ушла. Мы сели у входа в убежище и от нечего делать принялись грызть лепешки. Нам Бо прислонился к стенке и смотрел вдаль — там, где виднелась гряда деревьев, была деревня Михьонг. Съев четверть лепешки, он сказал:

— Рельеф и местность вообще — что надо, а мы никак не управимся с янки. Чудеса!

Желая рассеять его печаль и раздражение, я постарался перевести разговор на другую тему.

— А чье это было убежище, Нам?

— Да одной женщины, ее звали Но. Давно уже, когда янки только ввели сюда войска, они хотели согнать народ — всех до единого — поближе к реке: здесь, мол, в садах да посадках легче укрывать вьетконговцев. Ну а кто не ушел из деревни, тех расстреливали с вертолетов, летавших вдоль реки днем и ночью. Тогда вся деревня перебралась на открытое место, поближе к полям, потом люди устроили демонстрацию, направили представителей к властям и сказали им: бросить деревню — значит и землю бросить; мы переселились в открытое поле — тут все видно как на ладони. И с тех пор вот уж который год все деревни, что стоят вдоль каналов в Тростниковой долине, перебрались к самым полям. С воздуха дома, люди просматривались свободно — и наконец неприятель успокоился. Если, бывало, попадет под подозрение чей-нибудь дом, вертолет сядет прямо напротив двери, полицай высунется из кабины и допросит с пристрастием. А бывает, вертолет зависнет прямо над домом — разгребут граблями крышу и смотрят сверху вниз, проверяют. Люди живут то ли наполовину законно, то ли наполовину незаконно — поди разберись. Но бойцы, партизаны, кадровые партийцы не отрываются от народа. И — не поверишь — по ночам здесь прямо-таки веселье. Среди поля во всех домах зажигаются огоньки, как звезды на небе. В каждом доме включают транзистор и слушают Ханой или радио «Освобождение». Когда я еще работал здесь, частенько заходил в этот дом. Хозяйка-то, Но, доводилась мне родней с материнской стороны.

Я слушал Нам Бо и смотрел вслед Малышке Ба — ведь на слуху, как говорится, были и кружившая в небе «старая ведьма», и звено вертолетов, снижавшихся над дальним полем, — точь-в-точь три черпака из скорлупы кокосового ореха.

— Во время паводков кому приходится тяжелее всего в этой Тростниковой долине, как полагаете? Женщинам с малолетними детьми. Гляньте-ка, вон он — след от воды на стенке убежища: от пола метра полтора с лишком. Убежища, траншеи — все затопляет, бывало. Люди

целыми днями сидят на помостах, живут прямо в лодках. От бомбежек да от вертолетов спасешься, только ныряя в воду, а ведь дети нырять не могут. В тот год, когда я приехал сюда, вода залила убежища если и не до верха, то до самых входов, так что во время обстрела приходилось нырять в воду.

Малышка Ба миновала заросли тростника и теперь шла вдоль поля. Вдали от одного из зависших в небе «анчоусов» протянулась вниз черная полоса дыма. Вертолет вел огонь ракетами.

— Да-а, хочешь спрятаться в убежище, изволь понырять. У моей сестрицы Но был ребенок, совсем маленький, не нырнешь же с ним в убежище. И всякий раз, как начинался обстрел, она клала свое дитя в таз и вталкивала в убежище. Сердце разрывалось от этого зрелища.

Малышка Ба снова вошла в заросли высокой травы, видно было, как колебались над ней зеленые стебли.

— А когда в убежище становилось нечем дышать, хочешь не хочешь — выныривай наружу. Из деревенских женщин кто имел малолетних детей, должны были вечно держать при себе нейлоновый мешок. Как начнет обстрел, сунут ребенка в мешок, затянут потуже края и ныряют вместе с ребенком в воду, потом вынырнут, откроют мешок, дадут малышу дух перевести и опять в воду. И так, с ребенком в мешке, ныряют да выныривают, покуда самолеты с вертолетами не улетят совсем. Тогда, в шестьдесят шестом году, из-за тайфуна паводок выдался особенно сильный, вода поднялась настолько, что затопила даже самые высокие холмы в поле и негде было хоронить мертвых. Их заворачивали в нейлоновые мешки, тщательно склеивали края, потом укладывали в сундуки и втаскивали на верхушки деревьев. Лишь когда наступил сухой сезон, мертвецов сняли с деревьев и предали земле.

Малышка Ба ушла уже далеко, ее и видно-то не было — наверно, достигла той гряды деревьев.

Три вертолета летели в нашу сторону. Приближалась, гудя, и «старая ведьма».

Вертолеты прошли у нас над головой, а черная «старая ведьма» описывала круги над садиком. Вертолеты летели как бы в два этажа: «анчоус» — длиннющий и черный-пречерный — держался повыше, а «анабас» и

брюхатая «сельдь» шли поближе к земле. Они сделали заход, потом еще и еще один — все никак не улетали. «Анабас» завис над зарослями тростника, сквозь которые только что прошла Малышка Ба, винты его поднимали целые вихри, и тростник склонился до самой земли. Потом он поднялся повыше, отлетел в сторону и снова повис, уткнувшись носом в тростники совсем неподалеку.

— Да, Тханг, этаким манером он, пожалуй, как жаба обскочет все вокруг! — сказал мне Нам Бо. — Оставайтесь пока в убежище, а как окликну вас, выходите.

Каждый раз, когда вертолеты приближались к нам, Нам Бо подползал к выходу с автоматом, ставил его на боевой взвод и напряженно следил за ними, а стоило им удалиться, выходил из убежища и смотрел вслед. «Анчоус» по-прежнему держался повыше — громко гудя винтами, он прикрывал остальных.

Я стал у входа в убежище, глядя на удаляющиеся вертолеты, потом перевел взгляд на Нам Бо — он стоял поблизости в редкой заросли тростника, держа в руках автомат. Да, от моего пистолета здесь было мало проку, он мог согдиться лишь для самозащиты.

— Поделитесь со мной гранатами, Нам.

Он снял с ремня одну гранату, гладкую, лоснящуюся, и протянул мне. Я взял ее и больше не стал прятаться в убежище.

Черная «старая ведьма», кряхтя, летела вдоль канала. Вертолет, смахивавший на анчоус, вдруг, не снижаясь, стал кружить над одним местом, как стервятник. Глядя на него, хотелось выругаться.

Брюхатая «сельдь» — в чреве ее сидели солдаты — начала снижаться над полем. Вертолет открыл огонь.

— Тханг! Он сейчас высадит десант!

Вертолет на бреющем полете пронесся над полем метрах в трехстах от нас, потом набрал высоту. Когда он снова стал снижаться, из сада раздались выстрелы. Как птица, услышавшая свист пуль, вертолет круто взмыл в небо, лихорадочно вращая лопастями. Стрельба из партизанского сада продолжалась.

Завязался бой. «Старая ведьма», удалявшаяся в сторону большой реки, повернула назад, три вертолета поднялись повыше и, пикируя туда, откуда стреляли партизаны, открыли шквальный огонь. Черный «анчоус» стре-

нительно приблизился к саду и выпустил ракетный снаряд. Внизу за клубился дым.

Трассы партизанских пуль стягивались петлями вокруг вертолетов и прижимали их к земле.

Партизаны вызвали на себя огонь противника, чтобы дать нам уйти из окружения...

— Вы только что прибыли?

Шау Линь — девушка, о которой я столько слышал, которую так жаждал увидеть, — стояла передо мной. Уже смеркалось, но я хорошо разглядел ее. Ладная, неширокая в кости девушка, лицо смуглое, волосы стянуты узлом. Вроде ничего особенного. Примечательны были только ее глаза, глубокие и мерцающие. Свой вопрос она задала тихим, чуть дрогнувшим голосом, надавливая большим пальцем на ремень висевшей на плече винтовки.

— Как там наши, все живы-здоровы? — вопросом на вопрос отвечал Нам Бо; он стоял прямо перед нею, сняв очки.

Я вдруг понял, что лишний здесь так же, как и стоявшие вокруг партизанки. Странное дело, среди них была и Малышка Ба. После боя мне казалось, будто я не видел ее уже очень давно. Две другие девушки кинулись здороваться с Нам Бо. Эти второстепенные лица вдруг выступили на первый план. Они засыпали Нам Бо вопросами.

— Ты где пропадал, ни слуху о тебе, ни духу?

— Мы все соскучились по тебе до смерти.

— Экий же ты бессовестный! Нет чтоб черкнуть хоть строчку.

— Человек работал в штабе, какое ему дело до всякой там деревенщины!

— Ничего, мы знали, рано или поздно ты вернешься.

— Не так-то легко покинуть эту землю, правда, Нам?

Я понял: все адресованные моему другу упреки, обиды и пылкие приветствия девушек-партизанок на самом деле исходят от Шау Линь. Шау стояла позади подруг, но глаза ее блестели так, словно она стоит рядышком с Нам Бо. Бездонные и сверкающие, они сияли, как две луны. Глаза, лучащиеся лунным светом! Я подумал: Нам Бо, ты видишь лунный свет в этих глазах!

— В провинциальном комитете, — снова заговорил

Нам Бо,— мне сказали, что, когда в последний раз на-
грянули каратели, наши партизаны ни разу не выстре-
лили в них, даже гранаты не бросили. Я изумился, не
понимая, в чем дело.

— Я все объяснила Шау, пусть теперь сама растол-
кует Наму,— вмешалась Малышка Ба. Она стояла рядом
с Шау все в том же дорожном костюме с карабином «СКС»
за плечом.

— Да, каратели приблизились к деревне, но не вошли
в наш сектор обороны, зачем же было открывать огонь? —
сказала нам Шау Линь, по-прежнему стоя поодаль.—
Мы ждали их заранее и заняли намеченные позиции.
Но они все время болтались в поле, даже сюда, где мы сто-
им сейчас, не дошли. Прочесывали местность вон там,
подальше. Я уж решила сперва: может, они обнаружили
какое-то наше подразделение и стягивают туда свои
силы? Но оказалось, они просто боялись столкнуться
с партизанами и операцию свою проводили кое-как.
Прямо не верилось, что они так надломились. Забились
в тростник километрах в трех-четырех от нас — даже
пулей не достанешь. Зачем было зря стрелять?

Нам Бо слушал, поддакивая и кивая головой. Вот
как, оказывается, все было на самом деле. Только на ме-
сте узнаешь, до чего все просто. Партизаны не открывали
огня, потому что противник избегал входить в сопри-
косновение с ними.

— Ты должна четко доложить обо всем, чтобы това-
рищи «наверху» знали.

— Да писала я, но ты ведь знаешь мой слог — сжато,
две-три фразы, и все.

— Что ж, напиши заново, товарищ Тханг поможет
тебе.— Нам Бо перевел взгляд на меня.

Шау Линь все еще стояла на прежнем месте, глаза ее
лучились светом. Она сказала:

— Зачем, лучше время на другое потратить. Рано или
поздно узнают правду, не беспокойся.— Она говорила
мягким, спокойным голосом, нисколько не тревожась теми
несправедливыми слухами, которые люди распростра-
няют о ней. Да, человек на передовой ведет себя иначе,
чем в тылу, все его действия и помыслы направлены на
борьбу с врагом — смертельную, не прекращающуюся ни
на миг; все прочее, всякие там досадные и запутанные
обстоятельства представляются ему мелочами, которыми

можно пренебречь. Шау так и не сдвинулась с места, она стояла позади всех, но я вслушивался в ее слова, и мне казалось, будто я вижу ее теперь лучше, яснее; свет только что зажегшихся в небе звезд был здесь ни при чем. Не знаю, о чем думал Нам Бо, но через некоторое время он сказал:

— Все-таки этот вопрос нужно разъяснить, чтобы руководство знало, как все было на самом деле.

— Ладно, договорились. Теперь пойдете в деревню, уже можно. Пошли, девушки. Только держитесь поодаль друг от друга, на случай артобстрела.

Шау приказала Малышке Ба идти впереди, за нею двинулись три партизанки. Я догнал их. И до меня доносились обрывки разговора Шау с Нам Бо:

— Тетушка Тин еще жива, Шау?

— Жива, конечно. Разве Малышка Ба ничего не говорила тебе?

— Я не знал, что делается в деревне, а расспрашивать не хотел. Боялся, вдруг Тин умерла.

— Слушай, на днях Тин приняла роды у жены Лонга.

— Да ну?!

Я знать не знал, кто такая Тин, о которой справлялся Нам Бо, но уловил радость, звучавшую в его голосе.

— Сейчас все тебе расскажу...

Какой приятный голос у Шау, прямо за душу берет. Неудивительно, что...

Глава 6

Тетушка Тин была известная всей деревне старая повитуха. Вот что случилось с нею — если считать по дням — сорок дней назад.

Тогда, в полночь, вдруг постучали в дверь. Тин — она уже улеглась — затаила дыхание и прислушалась. Это явно были чужие. Наши бы предупредили ее заранее. Да наши и не стучат так. Но тут и не враги. Они не стали б стучаться в дверь, а уж если бы и стучали, то не так осторожно.

Тук-тук-тук... Стук становился все громче и настойчивее.

— Тетушка Тин, отворите!

Голос незнакомый, но, судя по всему, это не вор, не

грабитель. Тин, двумя пальцами подергав дочь за нос, разбудила ее, потом громко отозвалась:

— Кто там? Подождите минутку.— Она встала с постели, чиркнула спичкой и зажгла маленькую керосиновую лампу со стеклом, напоминавшим утиное яйцо.

Дверь открылась, перед старухой стояли два рослых солдата с ружьями в руках. Она вздрогнула, попятилась. «Боже, я выдала себя?» — подумала Тин, но сразу опомнилась.

— Куда это вы собрались так поздно? — Она с тревогой подумала о своей младшей дочери, вступившей в пору девичества, и по привычке приготовилась к сопротивлению.

— Скажите, пожалуйста, не вы ли Тин — Девятая? — с неожиданной вежливостью спросил солдат, и у нее сразу отлегло от сердца.

— Да, я Девятая. Но в этом хуторе много «девятых». Которую именно вам надо?

— Я ищу повитуху.

— А-а! — Она облегченно вздохнула. Все становилось на свои места.— Проходите, выпейте чая. Что случилось с вашей женой?

— Нет-нет, уважаемая, моя жена здесь ни при чем. Супруга господина капитана...

— О боже, я и днем-то плохо вижу, а сейчас ночь глубокая. Значит, вы телохранители капитана? Проходите в дом.— Она посторонилась, готовая пропустить солдат.

— Спасибо, мы в другой раз зайдем. У супруги господина капитана уже начались схватки.

— Ну, господин капитан как-никак наш сосед по хутору, я его знаю. Он ведь человек американцев.— Тин умышленно сделала ударение на последнем слове.— Почему он не отвезет свою жену в город, родила бы в американской больнице? Я-то всего лишь деревенская повитуха, принимаю роды у бедных соседок. Ладно, проходите, вышейте чая.

Она хотела задержать солдат, разузнать у них кое-что, но в душе уже нарастала тревога за женщину, которой пришло время рожать. Тин вышла в другую комнату, сказала что-то дочери и вернулась с сумкой, в которой были сложены все ее профессиональные принадлежности.

— Очень вас просим, поторопитесь. А уж мы, если позволите, зайдем к вам в другой раз.

— Что ж, пошли.

Два солдата карманными фонарями освещали выложенную булыжником дорогу, тянущуюся вдоль реки. Женщина шла посредине, между ними. В деревне привыкли называть ее повитухой. Она занималась этим делом с двадцати лет. Сперва носила сумку и коробку с бетелем за родной теткой, та и обучила ее своей профессии.

Вот уже около сорока лет Тин принимает здесь роды. И хоть ее называют по старинке повитухой, никто в деревне не сомневался в ее профессиональном мастерстве. В сорок девятом году она училась на акушерских курсах, организованных провинциальным отделом здравоохранения. Тин не говорила ни по-французски, ни по-английски, но умела читать рецепты, писанные по-латыни, верно произносила названия лекарств и научилась правильному обращению с больными. Она также делала целебные снадобья по прописям, полученным в наследство от тетки, — дешевые и эффективные «медикаменты» для бедных односельчан. За долгие годы работы она не допустила ни единого промаха, о котором пришлось бы сожалеть. Благодаря ее помощи самые трудные роды проходили благополучно. В деревне все, от мала до велика, уважали ее. Даже в особенно мрачные времена, когда на каждый дом вешали белую или черную дощечку, солдаты марионеточных войск, включая самых отъявленных головорезов, знали не только о том, что Тин при народной власти работала в общинном медпункте, но и, конечно, о старшем ее сыне, партизанском командире, погибшем в бою с французами у речного устья. И все-таки повитухе ни в чем не препятствовали. Она, как прежде, уходила из дому с зарей и возвращалась поздним вечером. Ясное дело: ведь и у головорезов есть жены и они иногда нуждаются в услугах Тин. Да и сами предатели — и уже подвергшиеся заслуженной каре, и уцелевшие, как, например, влиятельный ныне депутат Фиен, — родились на свет с ее помощью. В папках с делами арестованных не прочтешь ни одного показания, которое касалось бы ее. Раньше, когда этот хутор еще не был так густо населен, ее маленький домик на сваях стоял в тени мангового дерева. Когда создали «стратегическое поселение», манговое дерево по-прежнему осеяло ее дом. И когда явились американцы и построили базу в Биньдыке, домик Тин остался на старом месте. Она с дочерью, живя в своем свайном

домике, всегда находилась в сфере контроля «государства» их повседневная жизнь проходила под бдительным оком сыщиков и шпионов всех мастей, но никто не видел и не слышал, чтобы она была связана с Вьетконгом. И хотя, как уже говорилось, Тин одно время работала в общинном медпункте, она не видела никакого повода для опасений и не считала нужным быть осторожной и сдержанной в речах, как некоторые другие люди, имевшие хоть какое-то отношение к войне Сопrotивления. В контрольных списках полиции и местной власти она не фигурировала среди лиц, «прикрывавшихся» новыми профессиями. Нет, имя Чан Тхи Тин стояло в списке «перевоспитавшихся бывших участников Сопrotивления». Это не значило, что ей ничёго не угрожало. Однажды и ее арестовали — случилось это во время кампании по «разоблачению коммунистов». К несчастью или счастью, сам начальник полиции пригнал за нею машину в лагерь. Его жену уже третий день мучили схватки, но она все никак не могла разрешиться от бремени. Когда начальник полиции захотел отвезти жену в провинциальный центр, мать отговорила его.

— Ты что, решил везти ее в больницу, чтоб ей там ножом располосовали живот? Нет уж, надо во что бы то ни стало найти повитуху Тин!

— Да она же в лагере.

— В лагере — не в лагере... Вызволи ее оттуда, она тебе и жену, и ребенка спасет.

— Вряд ли она поможет.

— Паршивец! Уж я-то, твоя мать, знаю, что говорю. Тебе самому не появиться б на свет, не будь этой тетки. Давай поезжай, да поскорее!

Курсы по «разоблачению коммунистов» работали прямо в лагере. На них должны были ходить матери участников Сопrotивления и тех, кто перебрался на Север, жены кадровых работников и бойцов Народной армии, даже девушки, помолвленные с участниками Сопrotивления. Солдаты привели Тин в помещение охраны.

— Господин полицейский, зачем меня вызвали? Разве я занимаюсь недостаточно усердно?

— Тетушка Тин, да зовите меня сыном, племянником. Я приехал пригласить вас к себе, жена моя вот уже третий день мучится и никак не родит.

— Но я же здесь на курсах, как я могу отлучиться!

— Об этом предоставьте позаботиться мне. Пойдемте к машине.

Полицейский двумя руками тихонько подталкивал ее к выходу.

— Пойдемте, тетушка Тин. Домой, домой...

— Как домой? Я еще недоучилась, мне уходить нельзя.

— Я все беру на себя, тетушка Тин.

Тут вмешалась мать полицейского:

— Поезжайте, поезжайте домой, уважаемая. Все очень просто — вы спасаете жену и ребенка моему сыну, а он за это освобождает вас.

— Как можно? Нет-нет, люди скажут еще, что господин начальник полиции дает мне поблажку. Если уж господин начальник отпускает меня домой, пусть об этом объявят на курсах и всем чиновникам, всем солдатам в деревне — без всяких обиняков; мало ли что, не сегодня завтра господина начальника полиции могут перевести в другое место (сама-то Тин подразумевала, что патриоты того и гляди отправят начальника полиции в мир иной), надо, чтобы тот, кто сменит его, тоже все знал.

— Ну это совсем не трудно, если даже он не похлопочет, я сама все сделаю. Я, моя невестка и внуки, мы позаботимся о вас.

Так имя Чан Тхи Тин появилось в списке «перевоспитавшихся бывших участников Сопротивления».

А тот головорез-полицейский поплатился-таки за свои злодеяния.

Теперь вот ее вызвали к жене капитана. Шагая среди ночи по выложенной булыжником дороге в сопровождении двух солдат, она ощущала свежий ветер, холодивший лицо, и слышала доносившийся с реки плеск волн. Тин погрузилась в глубокое раздумье. Мысли ее переходили с одного предмета на другой. Она вспоминала историю с начальником полиции, думала о капитане Лонге, о его ребенке и обо всем, что могло еще произойти.

Его дом на сваях, самый большой и высокий в здешних краях, оставил ему отец. О доме этом, построенном из дерева, Тин слышала еще в детстве, будто он стоит всех домов, по одну сторону улицы, что возле базара. Стены и пол — из дерева, а крыша черепичная. Четыре больших помещения и кухня. Впервые, спустя лет сорок, Тин подошла к лестнице этого дома, собираясь оставить на земле, у нижней ступеньки, деревянные сандалии.

Капитан и его мать ждали ее на лестнице. Мать когда-то была подругой Тин. В деревне ее звали Ут Нью — Меньшая и Младшая, потому что она не только была младшей дочерью в семье, но и младшей женой помещика. Это была невысокая и щуплая старая женщина. Она спустилась по лестнице и радушно встретила Тин.

— Что вы, что вы, проходите в сандалиях, Тин. Соседи, а в кои-то веки вы в гостях у нас. Мы ведь с вами ровесницы, а вы вон как молодо выглядите.

— Что с вашей снохой, Ут?

— У нее начались схватки.

Ут Нью взяла Тин за руку и повела вверх по ступеням. Но все же Тин не забыла снять деревянные сандалии на последней ступеньке, прежде чем войти в помещение. Посреди комнаты горела калильная лампа, и в свете ее ярко поблескивали полированные половицы из черного дерева.

— Здравствуйте, тетушка Тин! — приветствовал ее, наклонив голову, мужчина лет под сорок в голубой пижаке.

Это и был капитан Лонг. Выглядел он сейчас совсем не так, как всегда: перед нею стоял просто муж, растерянный, встревоженный, как и все прочие мужья, не находивший себе места во время жениных родов.

— Ах, тетушка, жена моя мается ужасно. Вцепилась руками в кровать и стонет!

— Да? Почему же вы не отвезли ее в больницу? Там ведь условия получше.

— Э-э... Так-то оно так...

— Он и хотел сперва увезти ее, да я не дала, — прижалась Ут Нью. — На дворе вон ни день ни ночь, машину будет трясти в дороге, да еще, чего доброго, угодили бы в засаду.

— Кто же поднимет руку на роженицу?

— Знаю-знаю, но в машине ведь ехали бы и сын, и солдаты — все вооруженные. Далеко ли до беды...

— Я, уважаемая, совсем уж решил ехать, но вспомнил потом про вас и понял, везти ее куда-то там ни к чему... Тем более я и сам обязан своим существованием именно вам. 7

— Неужто вы знаете об этом?

— Откуда ему знать! Я ему напомнила.

— А-а.

— Прошу вас, пройдите к жене. Она так мечется.

— В какой она комнате?

— Здесь.— Капитан, указав рукой на дверь, повел повитуху в спальню своей жены. От волнения он спотыкался на гладком полу.

Ведь жена его мучается схватками, а не он, почему же у него волосы дыбом торчат? Тин, следуя за капитаном, разглядывала его с головы до ног. Она вспомнила вдруг, что он привез сюда с собой всего двух солдат. Никого, выходит, не боится. Как же так? Досада и беспокойство грызли Тин.

— Та самая комната,— прошептала она...

Рассвело... Капитан Лонг с матерью занимали разговором повитуху. Старушки сидели рядом на длинном резном китайском диване, украшенном изображениями драконов, а капитан расположился поодаль в европейском кресле, обитом вишневым бархатом, оно было ниже дивана и более основательным с виду.

— Какое счастье, что здесь, по соседству, есть вы...

Произнося слова благодарности, капитан то и дело вскакивал с кресла, слышав детский плач, доносившийся из спальни. Тин не сводила с него взгляда. Нет, теперь она видела в нем уже не мужа, не отца только что появившегося на свет ребенка. А ведь еще часа два назад, когда он метался, не находя себе места от криков и стонов жены, или когда лицо его озарила счастливая улыбка при первом крике новорожденного сына, он был близок ей, она разделяла его боль и радость. Но сейчас перед нею сидел капитан Лонг в военной фуражке цвета хаки, пистолет в кобуре висел у него на боку. Теперь это был враг, и она вспоминала все его преступления, совершенные за два последних года, с тех пор как он приехал сюда после ухода американцев. Ведь всему этому она была свидетельницей.

Тин вспомнила, как однажды утром, во время карательного рейда, которым командовал капитан, она вместе с соседями по хутору глядела на клубы дыма, поднимавшиеся над рассыпанными по полю домами под грохот артиллерийских залпов, взрывы бомб и рев самолетов, и кто-то вдруг спросил ее:

— Ах, Тин, зачем вы тогда не придушили его?

Что могла она ответить на этот вопрос? Она стояла как

вкопанная, и непослушные слезы текли по ее щекам. Какая ирония судьбы — более тридцати лет назад именно она, Тин, помогла ему родиться на свет. Чем он отличался тогда от других детей? И какой ребенок не заслуживает ласки, заботы, любви? Даже дурные черты в ребенке не могут вызывать ненависти. А ведь Лонг был сыном бедной девушки, которой пришлось всю жизнь расплачиваться за долги ее родителей. Родители ее матери арендовали землю у отца Лонга. Давно, с семнадцати лет, Ут, юная миловидная Ут, была отдана в дом отца Лонга как прислуга, в счет погашения долга. На ней лежали все дела и заботы по дому: она вытирала пол, готовила еду, стирала; ела она внизу, где положено быть прислуге, и спала тоже внизу на бамбуковом топчане. Отец Лонга — сын богатого землевладельца — преуспел в науках, но так и не смог сделать карьеру и вернулся в родную деревню. Тут он — от нечего делать — занялся учительством. Ходил он обычно «по-деревенски» — в шелковой блузе баба светло-коричневого цвета. Был не скупой, любил игры, развлечения, денег никогда не считал. Он возглавлял в деревне общество любителей футбола, увлекался музыкой, пением. Во время войны с французами пожертвовал фронту Льен-Вьет часть своих земель и вступил в местную его организацию. В деревне его считали более или менее здравомыслящим помещиком. Жена его также происходила из помещичьей семьи, жившей на другом берегу реки, и вышла за него по воле родителей. Она родила ему трех дочерей, но он все хотел сына. Однажды он объявил во всеуслышание: «Женщину, что родит мне сына, буду, как говорится, на руках носить». Что на уме, то и на языке. Кого было ему бояться? Когда дочь арендатора забеременела от него, жена закатила сцену ревности, но он был не из тех, кто боится жен. «Родит девочку, — сказал он, — уволю ее и без твоих напоминаний». И стал дожидаться ребенка от дочери арендатора.

Родись капитан, сидевший сейчас перед Тин, девочкой или будь он вторым, третьим сыном в семье, еще неизвестно, как сложилась бы его жизнь. Счастливо или несчастливо? А так, пусть и рожденный дочерью арендатора, он был сыном — и единственным — помещика, жаждавшего наследника и продолжателя рода.

Тин хорошо помнила ту ночь, хоть и прошло более тридцати лет. Она еще держала в руках крохотное крас-

нокожее существо в родильной комнате внизу, как снаружи донесся голос:

— Мальчик или девочка?

— Мальчик, уважаемый!

Дверь тотчас распахнулась.

Отец Лонга, в обычной своей коричневой блузе баба, ворвался в комнату, весь дрожа от радости.

— Дайте мне его! — Двумя руками взял сына и сам перенес его наверх, в большой дом. Вспоминая прошлое, Тин подумала: да, в ту ночь судьба капитана была решена его отцом и стала такой непохожей на жизнь многих других людей. Ведь, родись он девочкой, так и остался бы в нижних помещениях и рос бы как дочь служанки, спал на застеленном циновкой бамбуковом топчане, не выше, чем в пяти пядях от земли. Но поскольку он родился мальчиком, да еще при таких чрезвычайных обстоятельствах, его перенесли в большой дом, вознесенный над землей выше человеческого роста, и почивал он на железной кровати с матрацем и цветным одеялом. И имя ему дали, подчеркивающее его превосходство над всеми прочими людьми: Лонг. То есть Дракон. Нгуен Ван Лонг: Дракон среди туч (так объяснял это словосочетание его отец). Ему в отличие от других детей никто не говорил «ты», даже самым нежным тоном, — все окружающие были с ним на «вы». Его, совсем еще несмышлениша, отец наделил властью, о которой сам он в ту пору не имел ни малейшего представления. Как и все остальные дети, он смеялся и веселился, когда был сыт; вопил и плакал, когда чувствовал голод и боль. Плач его и крики, само собой, звучали для домочадцев приказами, требовавшими беспрекословного повиновения. Даже мать, родившая его на свет, боялась его. Ведь это благодаря ему она перебралась в большой дом, и опять же благодаря ему старшая жена не смела обращаться с нею как со служанкой. А когда старшая жена умерла, мать Лонга заняла ее место и стала полноправной супругой своего мужа, который тем не менее всегда оставался для нее хозяином.

Теперь из прежнего ребенка вырос убийца в капитанских погонах, командир отрядов «умиротворения» во всей округе, и убийца этот сидел прямо перед Тин. «Знай он, кто я на самом деле, убил бы меня собственноручно», — думала повитуха, жуя бетель.

Сегодня же она помогла родиться на свет отпрыску

капитана Лонга, тоже мальчику, первенцу; и этого ребенка будут любить и холить, как любили и холили его отца. И к нему, как ко всем детям, никто не сможет питать злого чувства. Но кем он станет, этот младенец, когда вырастет?

В отличие от всех прочих случаев, когда Тин помогала благополучно разрешиться от бремени женщинам, жившим по соседству, она не чувствовала сейчас ни радости, ни облегчения, ни удовлетворения своей работой; наоборот, словно какой-то крючок вонзился в ее грудь. Ей хотелось встать и уйти. Но она привыкла так жить, ежедневно сталкиваясь с врагом лицом к лицу. Ут Нью, мать капитана, что-то говорила ей, но она ее не слушала. Вдруг она спросила Лонга:

— Вот и родился у тебя сын, какое имя ты собираешься дать ему — французское или американское?

· Не сдержалась, хотела задеть его этим вопросом, чтобы дать выход обуревавшему ее чувству. Но, к великому ее огорчению, капитан не рассердился, не обиделся. Он улыбнулся с видом человека, великодушно относящегося к тем, кто ниже его и по неведению может сказать глупость:

— Я, тетушка, такой же вьетнамец, как и вы. Он мой сын, зачем же давать ему французское или американское имя?

Ответа этого на вопрос об имени для сына было вполне достаточно, и тут ему следовало бы остановиться. Но, вероятно вспомнив о чем-то, капитан после минутной паузы снова взглянул на Тин и добавил:

— Земляки здесь, в деревне, еще не понимают меня. Я не люблю французов, и это ясно. Ведь я не работал на них ни единого дня. Я поступил на службу, только когда образовалось национальное правительство. По сути дела, я вовсе не изменял родине. Если скажу, что ненавижу американцев, мало кто мне поверит. Но запомните, тетушка, в нашей национальной армии вовсе не все обожают американцев. Кое-кому из них случалось получать от нас пощечины, вы небось слышали об этом. Да если бы я любил янки, преклонялся перед ними, моя жизнь сложилась бы совсем иначе.— Он развел руками, пожал плечами, но эти нарочитые жесты только усилили ее неприязнь к нему.— Вы здешняя, вы должны сами видеть. Американцы явились сюда, к нам, и чего они добились?

В конце концов нам пришлось попросить их уйти.— (Как у тебя язык поворачивается говорить такое? — чуть не вырвалось у старой Тин).— А с тех пор как мы сами взялись за дело, что мы видим в здешних местах? Умиротворение! — кратко, одним словом, подытожил он с очень самодовольным видом.

При этих его словах перед мысленным взором Тин встали горящие дома и трупы убитых...

— Вы-то сами, тетушка, видите это? — переспросил капитан.

Нет, невозможно было и дальше позволять ему хвастаться своими злодеяниями, и Тин прервала его:

— Я поняла тебя, но, если ты по-прежнему будешь разъезжать туда-сюда, берегись. Ведь ты теперь не один, ты должен думать о сыне.

— Вы правильно говорите, Тин,— вмешалась Ут Нью, мать капитана.— Сколько раз я ему говорила то же самое, да разве он послушает. Времена-то вон какие неспокойные. Помните, уважаемая, как в позапрошлом году партизаны взорвали мину не где-то там, а тут, рядом, перед самым домом Тхон. Убили несколько американцев и полицейского? Пейте чай, Тин, угощайтесь.

— Спасибо, не беспокойтесь, я вон еще с бетелем не управилась.

На самом деле ей просто не хотелось прикасаться к стеклянному стаканчику со сладким чаем, приготовленным для нее капитаном.

Конечно, пока она ничего не могла с ним поделать и хотела припугнуть его, но он не испугался. И рассмеялся самодовольно, запрокинув голову и облокотившись о ручки кресла. Держался он вызывающе:

— Да если бы я не смел носа высунуть из форта, боялся разъезжать по дорогам, как бы наша округа могла называться «умиротворенной зоной», тетушка?

— Хватит! — в сердцах возвысила голос мать.— Вот укокошат тебя партизаны, поплатишься за свою удачу.

Капитан не обиделся, не устыдился, а знай себе хохотал, запрокинув голову. Враги, с которыми она встречалась в деревне, даже самые свирепые, и те иногда выглядели растерянными, встревоженными, никто не был так самоуверен и доволен собой, как этот Лонг.

— Если вечно всего опасаться, как вы, мама, запросто богу душу отдашь — не молодчики из Вьетконга убьют,

так собственные нервишки доконают.— Капитан рукой очертил круг вокруг головы.— За примерами далеко ходить не надо, возьмем нашу умиротворенную зону. Сколько здесь осталось вьетконговцев? Десяток, не больше. Кто у них верховодит? Эта девчонка Шау Линь. Чтобы разделаться с ними, хватило бы одного хорошего артиллериста. Но это отнюдь не лучший выход. Я хочу, чтобы они сами вернулись к мирному труду, как все деревенские жители.

Тин улыбнулась: капитан-то ведь сам знает, что говорит чушь.

— Шау Линь, она тоже человек непростой,— сказала мать Лонга.— Зря ты недооцениваешь ее. Я вот слыхала, партизаны объявили ее героиней. Нет, ты явно недооцениваешь ее.

Капитан Лонг уже не просто кивал головой, но, сидя в кресле, наклонялся всем телом. И обращался теперь не к матери, а к старой повитухе.

— Когда я приехал сюда, мне рассказали, что во время одной экспедиции союзнических войск Шау Линь задержали. Но она принялась болтать что-то, указывая на буйволов в поле. Союзнички смотрят: вроде чернушка деревенская. Ну и решили: она тех буйволов пасет, и отпустили. Да, обвела их вокруг пальца, только меня ей не провести.

«Ладно, ты еще встретишься с нею»,— сказала про себя Тин...

Шау Линь тихим, мягким голосом пересказывала нам все, что услышала от старой Тин. Но, так и не закончив свой рассказ, вынуждена была прервать его. Мы подошли к саду. Малышка Ба с партизанками перепрыгнули через садовую канаву и пропали из виду. Луна только что взошла.

— Послушайте, Тханг! — негромко окликнул меня сзади Нам Бо.

— Да? — Я обернулся.

— Когда мама рожала меня, Тин тоже принимала у нее роды.

— Правда? Значит, те, кому она помогла родиться на свет, стоят сейчас, как говорится, по обе стороны баррикад.

Я шел, покачивая головой. Мысль эта показалась мне занимательной.

Не успел я толком узнать все о жизни Нам Бо, как мне рассказали уже о Шау Линь; а когда я встретился с нею, то, не успев даже разглядеть ее как следует, оказался посвященным в историю повивальной бабки. И теперь я жаждал увидеться с нею, старой матерью, живущей и борющейся лицом к лицу с врагом.

— Прыгаем, товарищи! — скомандовала сзади Шау.

Я так был занят своими мыслями, что позабыл про садовую канаву.

Когда я занес ногу, перепрыгнул через канаву и вошел в сад, испещренный пятнами лунного света, одна из мыслей, родившихся по дороге, как бы осталась позади, по ту сторону канавы, там, где закончился наш путь.

А вспомнился мне слепополуденный визит к доктору Тин Нге в день нашего ухода. Доктор сказал мне тогда: «Раз уж вы будете спутником Нам Бо, приглядитесь, узнайте: не разрушит ли эта пуля его счастье. Проследите, так сказать, ее дальнейшую траекторию...» Должен признаться, я сразу ухватился за эту идею, словно нашел драгоценный камень, и всю дорогу носился с нею, лелеял ее. Временами она овладевала всеми моими помыслами. Я беспокоился, тревожился, волновался, страхась: а вдруг влюбленные расстанутся? Мне страстно хотелось бы увидеть, как двое этих людей еще крепче полюбят друг друга, и утвердиться в правоте моего заранее сформулированного монолога: «Видишь, Нам Бо, пуля могла лишить тебя глаза, могла даже убить тебя, но она не в силах разрушить твоё счастье. Как бы далеко ни проникла вражеская пуля, ей все равно не задеть нашу душу!»

Теперь, когда эта пара встретилась, я стал думать уже по-другому. Конечно, быть может, эта пуля еще больше сблизит Нам Бо и Шау Линь; но возможно, именно из-за нее они и расстанутся. Так нередко бывает в жизни, и ничего особенного здесь нет. Самое главное сейчас для всех — для Нам Бо, Шау Линь, тетушки Тин, для Бай Тха, для всех партизан — тех, кого я знал, о ком только слышал, но пока не видел воочию, и тех, о существовании которых еще не имел представления, да и для меня самого, — самое главное для всех — это как сложится в дальнейшем жизнь каждого в общем русле судьбы их родной деревни.

Прыгнув через канаву, я оглянулся на них. Ну а Нам Бо и Шау Линь, думают ли они так же, как я? Легким прыжком они преодолели канаву.

Бултых!

Что-то упало в воду? Я обернулся: то был плод манго. И, глядя на серебристые круги, расходившиеся по воде, я поймал себя на мысли, будто это упала и сгнула та самая пуля: путь ее кончился, она вышла из тела Нам Бо и из моего тела, где тоже сидела до сих пор, и зарылась в ил на дне канавы, вглядываясь в которую я видел теперь лишь блики лунного света...

Глава 7

Полночь.

Я лежу, вытянув ноги, в гамаке, все еще ощущая во рту вкус кисловатой рыбной похлебки, которую нам дали на ужин. Давно не едал я такой вкусной ухи и наелся до отвала. Конечно, в любой лесной речушке можно поймать рыбу и сварить уху, но нигде больше не найдешь этой диковинной плоскоголовой рыбы во без единой чешуйки. Ее принес старый Хай — надо же было отметить возвращение Нам Бо! И потом, ухе, сваренной в лесу, всегда не хватало аромата трав и овощей, растущих только здесь, на равнине. После ужина Шау Линь приготовила каждому по чашке кофе. Крепкий кофе после обильной трапезы и сигарета «Руби» бодрят меня необычайно. Зато потом из-за них я долго не могу сомкнуть глаз.

Этой ночью или завтра неприятель мог попытаться отомстить партизанам за отпор, оказанный вертолетам под вечер. Я рассердился было на себя — надо же, сам подрываю свои силы, едва лишь ступив на незнакомую мне землю. Но потом сразу почувствовал удовольствие: еще бы, благодаря бессоннице слышу музыку ночи. Ночь в лесу. Ветер утих, но меж деревьев по-прежнему шуршат опадающие листья, глухо ударяются оземь падающие плоды, журчит ручей, трубят олени на поляне... Здесь ночью ветер звучит по-особому: в его пении слышится сонный плеск волн и свежее дыхание реки. Но вот вместо крика оленей доносится лай собак, разбуженных выстрелами; стучат по крышам из листьев сорвавшиеся с веток спелые плоды манго; раздаются сомнамбули-

ческое пение петуха под луной. И тебя обдает милым сердцу теплом, запахом влажной после дождя листвы, ароматами созревающих в саду плодов. Но самое приятное — слышать дыхание товарищей, тоже лежащих без сна.

Во время ужина партизаны один за другим приходили повидаться с Нам Бо. Правда, надолго оставлять свои боевые посты им нельзя было, потому они успевали лишь с радостной улыбкой поздороваться, справиться в двух словах о самом насущном и условиться зайти в другой раз. И Малышка Ба, моя первая знакомая, тоже ушла. Она уплыла в лодке на другой берег канала — там был и дом ее, и ее боевой пост.

В заброшенном свайном домике посреди мангового сада, где помещался штаб здешнего ополчения, нас оставалось только трое: Нам Бо, я и наша хозяйка Шау Линь — командир партизан и секретарь общинной партиячейки.

Мы с Нам Бо повесили гамаки углом друг к другу в подполе меж сваями, прямо над бомбоубежищем. А Шау Линь подцепила свой у кухни, над другим убежищем, поменьше, совсем недалеко — метрах в двух — от моего гамака.

Я слышал, как Нам Бо ворочался в своем нейлоновом гамаке. Его бессонница была мне понятна. Но Шау Линь, которая вовсе не пила кофе, потому что, как она сама говорила, ей достаточно одного глотка, чтобы не заснуть до утра, — Шау Линь тоже не спала. Она лежала под противомоскитной сеткой, растянутой вдоль гамака, спустив одну ногу на землю, тихо раскачивала гамак и время от времени вздыхала. Не укоризны ли моему другу Нам Бо звучат в этих вздохах? Я снова ругаю себя — теперь уж за то, что остался здесь. Но какой у меня был выход? Винить-то себя легко, но, не будь меня здесь, эти двое расположились бы небось на ночлег совсем далеко друг от друга.

Я догадываюсь, им до смерти хочется поговорить. Ну конечно, так оно и есть. Вон Шау приподнимает край сетки, садится, расправляет на груди распущенные волосы.

— Нам, тебе не спится? — тихо спрашивает она.

— Кофе ты сварила слишком крепкий, — отвечает Нам Бо, потом тоже приподнимает полог и садится.

Шау Линь встает, обходит гамак и, вернувшись с ма-

леньким табуретом, ставит его чуть поодаль от своего гамака.

— Садись-ка, Нам, я тебе все расскажу.

Со времени их встречи и до сих пор они еще не оставались наедине ни на минуту. Нам Бо уселся на табуретку, Шау Линь — в гамак, их разделяло расстояние не больше протянутой руки. Нам Бо — он сидел спиной ко мне — заслонил от меня Шау. Нет, я не хотел быть любопытным, всему виной была чашка кофе, приготовленного самою же Шау Линь.

Перед домом, за оградой, маленькая тропинка вела к каналу; там на берегу есть мостки у воды под сенью трех кокосовых пальм. Почему бы в такую ночь им не пойти туда для задушевной беседы? Я думал об этом и старался дышать размеренно и ровно, прикидываясь спящим.

— С тех пор как ты уехал... — Она говорила тихим, прерывающимся голосом, словно раздумывая, с чего начать. — ...Всего-то два года минуло, а чего только не случилось в нашей общине!

Что такое, неужели они опять завели разговор о деревенских делах?

— Когда ты там, в джунглях, услышал, что янки убрались из дельты Меконга, подумал, наверно: ну, теперь легкая пойдет у них жизнь! Ты, конечно, был далеко отсюда, ничего удивительного, что подумал так. Я, хоть и оставалась здесь, сама думала так же! Но вышло все по-другому. Было невыносимо тяжело. Мы, девчата, шутили меж собой: мол, все мы воодушевлены «смертельно». И, как раз когда нам было самое время воспрянуть, все наши силы ушли на наступление шестьдесят восьмого года. Потом в Париже сели за стол переговоров, и американцам пришлось уйти из дельты. Не успели еще мы сил поднабраться, как неприятель развернул операцию по «умиротворению» — срочное умиротворение, особое умиротворение. Нас били с тыла. На каждую винтовку у нас оставалось не больше двадцати патронов. На всю общину — два десятка мин. Истратишь все, что есть, в первом же бою. У каждого было по две гранаты. А противник все стягивал сюда войска. Возвратился этот Лонг. Да, я забыла сказать тебе, Ба тоже вернулся тогда и опять стал полицейским, слышал ты об этом?

— О возвращении Лонга я узнал еще у нас в штабе. Ну а про этого Ба мне сегодня рассказала Малышка.

— Ага. Послушай же дальше. Вертолеты летали тогда стаями днем и ночью, опускались и поднимались, точь-в-точь стрекозы над водой. Прочесывали местность из конца в конец. Солдаты ихние прямо извелись в бесконечных перелетах. Сядут, бывало, вертолеты, высалят пехотинцев, а они улягутся вповалку где-нибудь на меже, и через мгновение стоит громкий храп. А иные, случалось, ворвутся в чей-нибудь дом, рухнут на топчан и спят мертвецким сном. В этих карательных экспедициях одна рота специально занималась тем, что искала и раскапывала подземные убежища и тайники. Командовал ею один перебежчик. Искали они так: рота вытягивалась в цепь — солдат от солдата на дистанции вытянутой руки, — и они, передвигаясь на корточках шаг за шагом, перебирали руками каждый стебелек травы, каждый листик старательнее, чем куры, ищущие корм. В первый день я не знала об этом и осталась в убежище. Слышу, они подходят все ближе и ближе. Мне казалось, будто тысячи, миллионы вшей ползают по моей голове, волосы встали дыбом, кожа на голове невыносимо зудела, нервы напряглись до предела. Когда я услышала, как шуршат их пальцы по земле, мне показалось, у меня по спине вдоль позвоночника поползли муравьи. А пальцы тем временем подобрались к самой крышке убежища. Положение безвыходное. Жизнь или смерть. Я взяла гранату, выдернула чеку и сунула в отдушину. Благо убежище сделано было добротнo, на совесть, и я осталась жива. В моем убежище отдушина была такая узкая, что граната еле-еле вошла в нее. Сунув туда первую гранату, я взяла в руку другую и тоже выдернула чеку. Что ж, думаю, один нас ждет конец — и меня, и врагов, будь что будет. Я погибну, но и вам тоже смерть. Могла ли я тогда думать иначе? А сама веткой казуарины проталкиваю гранату вверх по отверстию. Сперва медленно, потом делаю резкое движение. Оглушительный взрыв. Открываю толчком крышку убежища, выскакиваю наверх. Озираться вокруг некогда. Только потом припомнила, что гранатой уложила наповал троих солдат и вроде еще четверых ранила. Уцелевшие припали к земле. Я пустилась бежать. Отбежав немного, обернулась и бросила вторую гранату. Я была уже довольно далеко от них, когда позади раздались выстрелы. Стреляли беспорядочно. Уж не знаю, куда там они целились, но обе шта-

нины у меня оказались разорваны в клочья, рукава тоже были прострелены в нескольких местах, но сама я осталась целой и невредимой. Помню, после этого прошло уже дня три или четыре, а я все спрашивала себя, впрямь ли я жива, я ли это сижу, хожу, разговариваю? Вот как у меня все вышло. А Кюю, секретарю нашей партячейки, не повезло. Он тоже откинул крышку убежища и бросил гранату, но там неподалеку оказалась еще одна группа пехотинцев, и командовал ею этот проклятый Лонг. Солдаты, искавшие подземные убежища, не успели даже открыть огонь, да только, как на грех, там, в саду, был Лонг. Осколки гранаты впились в манговое дерево, рядом с которым он стоял; один осколок даже разорвал ему рукав, а самому Лонгу хоть бы что. Вот досада! Лонг увидел Кюя, бежавшего к канаве, и выстрелил в него из пистолета. Кюй бросился в воду, но оттуда уже не выбрался. Они на вертолете доставили его тело к себе в штаб и там шумно отпраздновали свою победу, свой первый «триумф». Из Сайгона приехал корреспондент газеты «Тиен туйен»¹, взял у них интервью, фотографировал, снимал для телевидения. Все газеты превозносили Лонга — «отважного героя». Люди видели по телевидению, как он в том же пятнистом маскировочном комбинезоне с разорванным рукавом отвечал на вопросы журналиста. С тех пор он еще выше задрал нос.

Ночную тишину вдруг разорвали артиллерийские залпы. Противник, словно услышав, что Шау Линь заговорила о нем, всполошился и поднял стрельбу. Снаряды свистели в воздухе, один упал и разорвался по ту сторону канала, другой совсем недалеко от нас, третий в поле. Я, привыкнув к артобстрелам на фронте, лежал себе и особенно не тревожился. Потом, видя, что эти двое не двигаются с места, и вовсе успокоился.

Как только умолкли орудия, вновь затопила все вокруг тихая ночь, и стал слышен шелест листьев в саду.

— В тот день, — опять заговорила Шау Линь, — каратели обнаружили больше двадцати убежищ, почти все они были давно заброшены. Но все равно солдаты хвалились, что распознали якобы тридцать шесть различных по устройству тайников Вьетконга. Мы поняли, больше прятаться в них нельзя, и все вместе решили: если враг

¹ «Фронт».

знает тридцать шесть типов наших тайных убежищ, мы должны изобрести тридцать седьмой. Ты долго отсутствовал; ну как, догадываешься, что за тридцать седьмая разновидность убежища? Это — бегство, ускользание, отрыв от неприятеля. Тогда, в тех условиях, держаться до конца в подземельях означало одно — тебя наверняка обнаружат. Особенно опасно это было для тех, кто прибыл сюда издалека, кто пришел со связными и останавливался у нас дожидаться переправы через Меконг. Ты помнишь? Раньше, когда янки только высадились здесь, они вели обстрел вдоль канала, и всем пришлось переносить дома в открытое поле, чтобы, как говорится, жить «на законных основаниях» у американцев на виду. А теперь, проводя все эти операции по «умиротворению», они обстреливают и сжигают даже те дома, что стоят далеко в поле. И все равно, народ не хочет уходить, перебирается обратно — из полей в прибрежные сады. Тогда они бульдозерами сравнивают с землей сады. И люди уходят, но вовсе не из-за бомбежек и обстрелов. Их просто вынуждают переселяться в другие места, увозя на вертолетах все их добро, вплоть до последнего кувшина риса или рыбного соуса. Загоняют буйволов в огромные, расстеленные по земле сети, стягивают кошелем края и увозят на специальных кранах-вертолетах. Глянешь с земли: беда — несчастные буйволы висят в сети под брюхом вертолета и только головами дергают, пытаясь рогами пропороть сеть и вырваться на волю. Прямо сердце разрывалось от жалости, как увидишь ноги с копытами, болтающиеся в воздухе. Кое-кто из земляков, уходя, просил передать нам: «Мы пошли за нашими буйволами, а не за врагом!» Эти негодяи до того дошли — создали специальную роту, которая только и делала, что насиловала женщин. Был такой случай: у нашей Но все отобрали, даже пиалы и палочки для еды, но она уперлась — не уйду из деревни, и все тут. Ну и послали к ней молодчика из этой роты. Сам черный, как сажа. Пришел, разделся донага и тычет пальцем в дочку Но. А ей только-только двенадцать лет исполнилось. Испугалась до смерти, бросилась к матери, прижалась — не оторвать. Но обняла дочь, глянула на солдата. «Раз так, — говорит, — уводите куда хотите...» Раньше, когда ты еще здесь работал, днем, бывало, сидишь на позициях, а ночью выйдешь в поле — кругом огоньки горят, в каждом доме

радио включено: музыку слушают, последние известия. В одном доме тебя компотом угостят, в другом чаем попотчуют... Прямо душа радуется. Ну а потом, как началось все это, глянешь вечером в поле: все будто вымерло. Прямо скажу — самое тяжелое было для нас время.

— Есть у вас связь с нашими земляками там, в поселении? — впервые подал голос Нам Бо.

— Да, но только со считанными людьми.

— Я хочу отправиться туда, наладить контакты, восстановить, как говорится, нашу социальную базу. Как ты считаешь, в теперешних условиях возможно это?

— А почему нет, только подожди, сперва я сама схожу туда — все подготовлю. Там ведь многие знают тебя в лицо — кто надо и кто не надо. А ты пока оставайся здесь сколько нужно, заодно и сил наберешься. Здоровье вон хуже некуда. — Шау Линь говорила тихо, не торопясь, и в голосе ее слышались забота и нежность.

Но тут ночной покой снова нарушил гул и гром — транспортный самолет «дакота» появился на небольшой высоте со стороны огромного поля, он шел прямо вдоль канала. Из чрева самолета лилась музыка — записанные на пленку песни-агитки, призывавшие людей отступить от Вьетконга, положенные на мотивы старинных чувствительных напевов. Голоса певцов и аккомпанемент сливались с надрывным гулом мотора в какую-то чудовищную какофонию. «У-у-у... трень-брень... трень-брень... где ты, любимый мой... у-у-у... трень-брень...» Звуки эти буквально раздирали уши. Самолет, следуя изгибу канала, описал круг над садами, но тут отзвучали шесть стихотворных строк куплета, в небе зазвучал монолог — теперь уже в прозе: «Вернитесь на путь истинный... Дух смерти витает...» Слова сотрясали ночь. «Дакота» удалялась, описывая новый круг над каналом. И вдруг на другом его берегу я услышал выстрелы, стреляли трижды. Я едва не рассмеялся: перед мысленным взором моим возник, как живой, знакомый партизан из Лонгана... Да уж, никому не по душе эти «дакоты» с призывными речами и песнопениями — только сон отбивают да терзают слух. Как-то я устроился на ночлег вместе с этим партизаном. Вдруг откуда ни возмись «дакота»! Она шла прямо на нас. Партизан вскочил, выбежал наружу и выстрелил в нее из винтовки. Трассирующая пуля огненной искрой взмыла ввысь. Но проклятый самолет

Эти манго «тхань ка» были сладки, а главное — до того пахучи, что больше хотелось их нюхать, чем есть. Я взял один плод, надкусил черенок и стал зубами сдирать кожуру. Потом повернулся лицом к саду — для приличия — и стал уплетать сладкую мякоть, как в детстве. Съел два плода, а третий положил себе в карман брюк — буду нюхать потом.

«Старая ведьма» продолжала кружить над полем, раскинувшимся за садом. Я спросил Шау Линь:

— Кого это недавно обстреляли?

— Да били по домам — там, в поле. У нас вы это каждый день услышите. А теперь пойдемте со мной, покажу вам местность и подземные тайники.

Она подвела меня к тайнику посреди мангового сада. Руками отмела слой палых, засохших листьев и сказала:

— Вон видите свинцовую проволоку? Она прикреплена к крышке убежища. Попробуйте вытащить крышку. Нам утром говорил мне: там у вас в джунглях тайники ни к чему и вы к ним не привыкли. Поэтому он велел вам все показать и толком объяснить.

Я ухватился за свинцовую проволоку и потянул на себя крышку. Она оказалась довольно тяжелой. Вход в убежище был узким. Я заглянул вниз, оттуда потянуло сырым запахом земли.

— Спуститесь туда, посмотрите.

Я последовал ее совету. Спустил ноги в яму, спрыгнул на дно, весь съежился и с трудом протиснулся через зиявший сбоку узкий вход. Чиркнул спичкой. Подземелье оказалось довольно просторным, здесь могли разместиться три человека. В убежище приготовлены были две бутылки питьевой воды и кувшин сушеного риса. В четырех углах — четыре отдушины. Собственно, это вставленные в грунт самодельные дюралево-трубчатые, в них вряд ли просунешь гранату. Я пошуровал в отдушине тонкой бамбуковой палкой, вспоминая, как Шау Линь удалось вырваться из рук карателей — об этом она прошлой ночью рассказала Нам Бо.

— Ну как, посмотрели? Поднимайтесь.

Я вылез из тайника и принялся стряхивать пыль с рубашки и брюк.

— А у Нама есть тайник? — спросил я.

— Они с Малышкой Ба прячутся вместе. За него не беспокойтесь, уж он-то привык. Каждый должен знать

свое убежище. Это — наше с вами. В случае чего будем прятаться вместе.

Тут она подняла на меня глаза и, как бы угадав мои мысли, продолжила:

— Мы, партизаны, по своему опыту знаем: если в убежище только одни мужчины или одни женщины, можно скорей задохнуться. А там, где скрываются мужчина и женщина, вместе,— дышится легче.

Об этом я слышал впервые и удивленно воскликнул:

— Ну и ну! Это еще почему?

— Кто знает, так, видно, богом устроено. Объяснить я вам ничего не могу, но это действительно так. Вот придут каратели, сами увидите.

А не лучше ли было бы так: Нам Бо с нею в одном убежище, а мы с Малышкой Ба — в другом?

Понимая, до чего неприлична эта моя мысль, и не зная, как скрыть свое смущение, я сделал несколько шагов и перепрыгнул через канаву.

Тем временем Шау Линь снова закрыла вход в тайник и разровняла слой сухой листвы. Потом спросила меня:

— Вы слышали, ночью я рассказывала, как враги ищут тайные убежища?

— Слышал,— признался я.— Где это все было?

— Вон в той стороне, далеко отсюда.

— Раз они так дотошно ищут, зачем прятаться в этих тайниках?

— Вообще-то каратели не в каждой экспедиции ищут тайники. Да и мы сами прячемся в них только в крайних случаях. Чтобы драться с врагом, надо оставаться на земле, не так ли?

Мы с нею сидели и разговаривали в тени, под одним и тем же манговым деревом, разделенные садовой канавой.

Я устроился прямо на земле и смотрел на Шау Линь, а она сидела в сочной траве у самого входа в убежище, обхватив руками колени. Легкая парашютная ткань, накинутая на плечи, окутала ее до пят.

— Я слышала от Малышки Ба, вы родом с той стороны реки?

— Да.

— И очень давно не видели свою семью?

— Да.

— А ваши родители живы?

— Мать умерла, когда я еще был маленьким. Отец, говорят, сейчас живет в Сайгоне. Все мои сестры вышли замуж, детей нарожали и живут кто где, в деревне осталась только одна, старшая.

— Когда захотите повидать ее, дайте мне знать. Я попрошу верного человека сходить за ней.

— Хорошо бы, конечно, но думаю, лучше повременить немного.

— Вы бывали когда-нибудь в этих краях?

— Да, в детстве. Мой дядя женился на женщине с верховьев Докванга. Помню, в сорок четвертом году, когда умерла бабушка, мы проплывали здесь на лодке — искали дядю. Рынок у устья был тогда маленький, жалкий, два ряда хижин — и все.

— Теперь там целый поселок. Дома под черепицей, есть электричество. Но люди, которых туда согнали отсюда, с берегов канала, живут в теснотище страшной.

— Как бы мне побывать там? Хочу узнать, что такое стратегическое поселение.

Я говорил, говорил, а сам лишь дожидался предложения, чтоб повернуть разговор на их дела — ее и Нам Бо. Только теперь я разглядел ее как следует. Нет, она не красива, даже хорошенькой ее не назовешь, но есть в ней что-то свое, особенное. Сегодня утром на ней была блуза баба из легкой белой ткани, черные сатиновые брюки, волосы она стянула узлом... Фигура тонкая, но крепкая, лицо смуглое, румяное — внушает симпатию. Но нечто особенное, свойственное ей одной, заключалось вовсе не в чертах лица, не в оттенке кожи или волос, а в глазах, черных, как косточка сладкого плода нян. Глазах мерцающих, бездонных и огромных. Они светились тайной радостью — Шау Линь хотела бы скрыть ее и не могла, — радость эта то угасала, то вспыхивала опять, всякий раз, когда смыкались и вновь открывались ее ресницы. Я так и не придумал, как навести ее на тему, не дававшую мне покоя, а она вдруг сказала:

— Если хотите понасть туда, это можно устроить. Есть два способа — тайный и легальный.

— У меня есть их паспорт.

— Неужели? — Шау Линь глядела на меня широко открытыми глазами. — А он при вас? Дайте посмотреть.

Я достал паспорт из кармана, придвинулся к самой канаве и протянул его девушке.

— Как похоже! — Она повертела в руке паспорт в пластмассовой корочке. — Наши сделали или взаправду — их?

— Наши.

— Очень похож! — Она щелкнула языком. — Когда вам его сделали?

— В шестьдесят восьмом году, я тогда вошел с нашими солдатами в Сайгон. Паспорт мне дали на всякий случай — вдруг заблужусь в городе.

— Да, с таким паспортом можно идти туда, будь у меня такой документ, я и сама бы ходила. — Шау вернула мне паспорт. — Спрячьте. При случае организую вам поездку. Хотя сделать это очень-очень нелегко. Этот полицай Ба свирепствует всюду. Вечно найдет зацепку проверить незнакомого человека. На автобусной ли стоянке, на пристани, на базаре, в харчевне, в чайной — везде у него свои люди. Кто ни приедет из Сайгона — незнакомый вроде, — сразу приглашает на полицейский пост, не сунешь денег — там и застрянешь.

— Он здешний или приехал откуда?

— Да нет, приезжий, но вроде что-то связывает их с Нам Бо.

— Правда? Уж не родня ли они? А может, чего не бывает, меж ними кровная месть?

— Об этом лучше спросите самого Нама. Если я что и узнала — только от него.

Я и впрямь вознамерился было при случае расспросить Нам Бо, но сразу понял: нет, не имеет смысла. Все, что касается Нам Бо, в такой же мере относится и к ней, к Шау Линь. Да и потом, мне очень хотелось посидеть еще в тени мангового дерева, у садовой канавы, слушая в тишине голос девушки.

— А почему бы вам самой не рассказать мне?

Она посмотрела на меня, и ее глаза вновь вспыхнули радостью. Я знал: ей ужасно хочется говорить о Нам Бо, рассказывать обо всем, что связано с ним, произносить его имя.

— Эту историю Нам рассказал мне на одном из пунктов связи. Мы пришли туда с девушками из отряда встретить его.

Я вспомнил про сторожевую будку, где, как рассказывал мне Нам Бо, он и встретился с этой отважной партизанкой.

— Мы с ним хоть и из одной деревни, но он жил по-дальше, у реки, а я здесь, у канала. Слышала, конечно, о нем, но в лицо не знала. Нет-нет! Больше рассказывать не буду!..

— Как же так? Только начали — и пожалуйста!

— Вы небось сами все знаете.

— Эту историю я не слышал, честное слово.

— А почему тогда смеетесь? Я знаю, он все вам рассказывает.— Шау резко встала и отвернулась, словно желая скрыть свою радость и стыдясь ее.

Я понимал: настаивать не надо, но мне хотелось посидеть еще и послушать ее. Причем сам Нам Бо теперь не так интересовал меня, как другие люди, ну, скажем, эта повивальная бабка.

— Не хотите рассказывать — ладно, хоть посидите со мной. Я хочу спросить вас о другом.

— О чем? Говорите,— сказала девушка, но не села, а посмотрела вверх, на усыпанные плодами ветки манго.

— Хочу расспросить о старой Тин.

— О повитухе из поселения?

— Так точно!

— Завтра устрою вам встречу с нею.

— Неужели? — радостно переспросил я.

— Сказано — завтра вечером. Да, я еще хотела обсудить с вами вот какое дело.— Шау Линь уселась на прежнее место и взглянула на меня:— Мы с Намом говорили об этом утром. В поселение приехал журналист из Сайгона. По слухам, он из одной деревни с вами, с той стороны реки. Он дружит с этим Лонгом и остановился у него. Станный он тип, этот журналист, хочет пробраться к нам, в партизанскую зону, и изучать движение Сопротивления. Уж который день голову ломаю, не знаю, как быть. Он хочет встретиться со мной, но я ведь и в поселении бываю, нельзя же допустить, чтобы он знал меня в лицо. Как-то столкнулись мы с ним на пристани, в лунную ночь, я даже спросила его кое о чем, но он не знал, кто я. Теперь, раз вы с Намом здесь, если журналист опять попросит, вы вдвоем его и принимайте.

— Сколько ему лет?

— Немного. Примерно, ваш ровесник.

— И родом из моей деревни?

— Так говорят.

— Если он мой ровесник и земляк, очень может быть, что мы с ним однокашники. Как его зовут?

— Хоай Шон.

— Какой он из себя?

— Длинный, худющий, беззубый, как наркоман.

— А может, это...

— Что, вспомнили?

— Не уверен. В детстве был у меня одноклассник с такой же внешностью, только звали его не Хоай Шон, а Хон. Мы даже кличку ему дали — Щербатый.

— Он мог и сменить имя — ведь нынче и наши люди, и они то и дело меняют имена и фамилии.

— А откуда вы знаете, что он хочет пробраться в нашу зону?

— Он говорил об этом Лонгу, а тетушка Тин услышала и рассказала мне. Вроде решил даже, если не найдет проводника, идти наобум, пока партизаны сами не схватят его. Увидитесь с тетушкой Тин, сразу во всем разберетесь.

— Ну вот, послушал вас, и ждать стало невтерпеж.

— Завтра вечером.

— Точно, завтра вечером? — радостно переспросил я.

— Точно. Мы обо всем договорились, завтра вечером она придет в условленное место и отведет меня в поселение. А Ут До — Младший До, помощник командира партизанского отряда общины, проводит вас. Все, что касается стратегического поселения, спрашивайте у тетушки Тин, а уж про партизанские дела расскажет вам Ут До.

— Ут До? Это не он ли вчера обнял Нам Бо и поднял в воздух?

— Верно. Он большой весельчак.

Глава 9

Ут До вывел меня из сада, где несколько партизанок собирали плоды манго.

Хотя на мне были резиновые сандалии, подошвы мои, едва я ступил на дорогу, словно бы ощутили прохладную землю. Грунтовая дорога! Впервые после двадцати долгих лет я снова шагаю по ней, такой знакомой и родной с детских лет. Широкая грунтовая дорога, идущая вдоль берега канала мимо нашего дома. По ней свободно проез-

жали повозки, и в любое время дня слышался размеренный стук копыт да перезвон колокольцев... И в деревнях у поселка за каждым домом мостки на канале, причал с шалашом для рыбаков и челноком. Теперь весь деревенский люд отсюда угнали, на дороге ни души, и она тянется вдаль длинная и тоскливая. Ее во всю ширь устилают палые листья. На мостках и причалах вдоль берега канала никто не черпает воду, не стирает, не моет голову — кругом запустение и тишина. Лишь кое-где на жердях у мостков висят еще черпаки из скорлупы кокосов с длинными ручками.

Мы шагаем вдвоем по пустынной дороге мимо обвалившихся домов, выжженных садов, идем против течения, а в канал прибывает большая утренняя вода с Меконга, мутная от ила.

Печаль и тоска постепенно овладевают мною, и, чтобы избавиться от них, я завожу разговор с моим спутником.

— Скажите, Ут До, у вас есть жена, дети? — спрашиваю я, косясь на фотографию девушки, качающуюся в сделанном из бутылки колпаке коптилки — Ут До нес ее в руке.

— Эх, не будь этих ряженных янки, я б уже свадьбу сыграл!

— Что вы говорите? — Я поворачиваюсь к нему — шутит этот вечно веселый парень или говорит всерьез? Янки они и есть янки, но ряженные шуты? Мы по-прежнему шагаем плечом к плечу по безлюдной дороге.

— А вы у себя, в джунглях, не слыхали разве про двух американских ряженных шутов в наших краях?

— Да уж про американцев все мы чего только не наслушались, но вот о ряженных — нет, не слыхал. Даже Нам Бо ничего мне о них не говорил.

— Так они ведь и объявились-то два года назад, когда Нама уже забрали «наверх».

— Но почему вдруг «ряженные»? — Я снова поворачиваюсь к Ут До.

— Вот в том-то и суть!

— Та-ак. Ну расскажите же.

— После всеобщего наступления шестьдесят восьмого года объявились здесь, у нас, двое ряженных янки...

Я опять оборачиваюсь к Ут До — всерьез это все или в шутку?

Вот уж который день, как пришли мы в эту де-

ревню, а я по-прежнему не в своей тарелке. Все — и природа, окружающая меня, и люди, и даже такие вроде бы мелочи, как свежая рыба во или сушеная рыбешка шат, зеленые или спелые плоды манго, когда-то такие привычные, а теперь открытые заново,— все, все трогает, берет мне душу. Даже партизанки замечали, что я иногда становлюсь как бы сам не свой. А сегодня утром, прежде чем идти на собрание, Ут Чам — Младшая Чам, самая молодая из партизанок — небось по чьему-нибудь наущенью вдруг ни с того ни с сего подбежала ко мне, сунула мне в руку свежий плод арековой пальмы и сказала:

— Ешьте, Тханг, ешьте, такая вкуснятина!

И не успел я понять, что к чему, как другая девушка, Тхань, добавила:

— Ешьте, но только, как доедите, не стреляйте в нас, ладно?

И девушки, все как одна, уставились на меня, а я, наверно, выглядел таким растерянным, что они прямо покатались со смеху; смеялись они долго, колотя друг дружку по спине, даже лица и уши раскраснелись.

Так ничего и не поняв, я тоже рассмеялся, тут партизанки захохотали еще громче. У Младшей Чам из глаз полились слезы. Малышка Ба вся прямо зарделась — так ей было стыдно передо мной. А Шау Линь отвернулась, скрывая улыбку. Только потом мне объяснили. Когда американские части высадились в Биньдыке, янки стали патрулировать по Меконгу. Этим заморским воякам, что ни увидят, все здесь было в диковину. Как-то двое американцев — один молодой, другой постарше, — плывшие в моторной лодке, увидели на реке женщину — она везла на базар плоды арековой пальмы. Сбавили они скорость, подошли к ее лодке, потом перегнулись за борт и ухватили каждый по целой грозди плодов. Глаза горят, а сами точно утки крикают: «О'кэй, о'кэй!» Догадавшись, что они хотят купить обе грозди, женщина сказала:

— Арек жуют только с бетелем, так его не едят.

Солдаты, ясное дело, ничего не поняли, показывают ей три пальца — мол, платим три пиастра. Женщина покачала головой:

— Это с бетелем жуют, не едят, зачем покупать?

Но солдаты, опять ничего не поняв, переглянулись и пять пальцев показывают. Хозяйка снова давай головой мотать и объяснять им словами и жестами:

— Эту штуку жуют с бетелем, так просто не едят... Очень терпко, вяжет во рту... Нет, не продам даже за доллар.— Уже не говорит, а криком кричит, как будто так эти двое скорее ее поймут. Только они ведь не глухие, просто болваны. Решили: хозяйка говорит им — слишком мало даете. Переглянулись, пошептались, потом молодой поднял обе руки — десять пальцев.

— Да поймите вы, это арек, не манго! Ни к чему покупать!

Тот, что постарше, вытаращил на нее свои мутные зенки. Молодой достал бумажник, вынул деньги, швырнул их женщине в лодку, и они — каждый с гроздью ареков в руке — оттолкнули свою лодку, включили мотор и через мгновение были уже на середине реки. Понимая, что солдаты ошиблись, женщина испугалась не на шутку. К счастью, лодка ее как раз подошла к устью канала, и она, изо всех сил загребая веслом, свернула туда.

А те двое на середине реки решили полакомиться фруктами и сразу поняли, что купили не то. Разозлились и выстрелили женщине вслед...

— Ясно, утром меня разыграли с плодами арека, теперь новый номер — ряженые янки. Не так ли? — спросил я.

— Да нет, я правду говорю. Что я, девчонка, чтобы разыгрывать вас?

— Ну если правду — рассказывайте.

— А дело было вот как. После всеобщего наступления в год Земли и Обезьяны, по-новому — в шестьдесят восьмом, американский командующий базой Биньдык заявил: «Раз ви-си ведут партизанскую войну, Америка тоже начнет партизанские действия». Переводчики сказали об этом всем местным жителям, а они передали нам. С тех пор каждый день ни свет ни заря, в четыре-пять часов утра, три вертолета, мигая огнями на хвосте, прилетали из Биньдыка сюда, к нам, потом улетали дальше, высматривали, рыскали, кружили то тут, то там. И один из таких трех вертолетов всегда опускался и высаживал двух янки. Попробуйте их углядеть. Одеты были оба в зеленые маскировочные костюмы, даже лица вымазаны зеленой краской. Спрыгнут с вертолета, юркнут сразу в тростник, в камыши или в траву, а то и на поле, где рис стоит, или в сад, и «партизанят» против нас.

— Но почему вы назвали их ряжеными янки?

— Да ведь личина-то у них вся заляпана краской, как у ряженных или шутов.

— Так, теперь понятно.

— Их хоть и было только двое, а покоя они не давали всей округе. Залягут где-нибудь в засаде, выстрелят вдруг, убьют человека и смоятся. Одежда и лица их прямо сливались с зеленью, никому не удавалось их выследить. Стреляли в кого попало, без разбора: наш ли это боец, старик или ребенок. Такое уж было у них задание — убивать людей в освобожденной зоне, сеять страх и панику. Много они не стреляли. Пальнут из карабина, уложат одним патроном человека — и сматывают удочки. Стреляли в людей, что косили сыть на циновки, пахали в поле, собирали хворост в саду или плыли в лодке по каналу. Сегодня они в одной деревне, завтра в другой, то далеко устроят засаду, то близко, в поле укроются или в саду... Их и было-то только двое, а казалось — они везде и всюду. От Биньдыка до наших мест что ни день гибли люди от рук этих проклятых янки. Вообще-то они не решались стрелять в бойцов Освободительной армии, избегали партизан, все больше страдал от них простой народ. Боялись этих чертовых ряженных даже больше, чем «шлюхиной пушки». Вы хоть знаете, что это такое?.. Бывает, шлюхи явятся «обслужить» вражескую часть и надумают развлечься — из пушек пострелять. Ну, у этих «пушкарей» нет ни законов войны, ни правил — палят и днем и ночью, куда душа пожелает. Попробуй от ихнего огня укрыться...

— Да знаю, знаю. Рассказывайте, что дальше-то было.

— Эти проклятые ряженные изводили народ часов с четырех-пяти утра и дотемна. В сумерки возвращались три вертолета, рыскали над полем на бреющем полете, пока не сбросят наконец трос и не поднимут их на борт. По утрам их высаживали в одном месте — само собой, каждый раз новым, — а вечером подбирали в другом. Как тут придумаешь, где устроить засаду? Да и потом, у них радиосвязь... Вот и распоясались вовсю. Командование кордона, партизанское начальство в уезде и в общине отдали приказ: во что бы то ни стало разделаться с этими сукиными сынами.

Увлечшись разговором, мы не заметили, как переменялась погода, спохватились только, когда уже хлынул

дождь. Мы раскрыли нейлоновые накидки, набросили на себя и двинулись дальше. Идти приходилось теперь против ветра.

— Что дальше? — спросил я.

— Партизаны, сами знаете, живут и воюют только вместе с народом, а эти выродки решили «партизанить» в одиночку против нас. Неужто же, думали мы, нам их не одолеть?

— Да никакие они не партизаны, просто тайные убийцы.

— Точно, тайные убийцы и есть! Тайные убийцы! — Ут До понравились эти мои слова, и он, повторив их несколько раз, прибавил шагу и заговорил с еще большим жаром:— Разделаться с ними было нелегко. Однажды они застрелили человека близ расположения роты наших территориальных войск. Рота немедленно окружила местность. Кольцо все плотнее сжималось вокруг того места, откуда послышался выстрел. Мы были уверены: теперь уж им крышка. Обстреливали каждый кустик, охотились за ними, как за хорьками, но так и не нашли. Чуть стемнело, снова прилетели вертолеты, один опустился пониже, сбросил трос. Оба янки — они, как оказалось, лежали в зарослях неподалеку оттуда, где мы их искали,— вскочили, пристегнулись к тросу, забрались в вертолет и улетели в Биньдык. Ну, не обидно ли? В другой раз они в полдень убили восемнадцатилетнюю девушку, она плыла в лодке вот по этому самому каналу. Узнав об этом, мы собрали всех партизан и даже мирных жителей деревни, прочесали оба берега канала, обшарили каждый кустик. И что же, вечером эти двое опять вылезли откуда-то, поднялись на вертолет и улетели. Девушка, убитая на канале, была моей невестой. Мы с ней должны были пожениться в этом году, на праздник Тет.

Мы оба, Ут До и я, продолжаем идти против ветра. Ветер несет падающие неведомо откуда капли дождя и бросает их нам прямо в лицо, на одежду. Капли дрожат на скуластых щеках Ут До, как разбившиеся слезинки. Он снова прибавляет шагу, походка его становится тверже, слышно, как шлепают по земле резиновые сандалии. Я опять гляжу на коптилку с колпаком, сделанным из бутылки, Ут До держит ее в руке. Фотография девушки в широкой конической шляпе, сплетенной из пальмовых

листьев, и черной блузе баба качается из стороны в сторону. Она всегда при нем, по каким бы дорогам он ни ходил.

— Так что же, в конце концов удалось вам их уничтожить? — спрашиваю я нетерпеливо и нарочно громко, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

— Да не сумею мы их уничтожить, какие мы были бы партизаны?! Я поклялся себе, если не найдем этих сукиных сынов, сам отправлюсь в Биньдык и убью их раньше, чем они поднимутся в вертолет. Командование партизан пяти общин, расположенных вдоль Меконга, собралось на совещание и разработало план совместных действий. В полночь партизаны всех пяти общин вышли в поле, разбились на группы и устроили засады в местах, где противник обычно высаживал раненых янки.

На рассвете снова появились три вертолета. Они летели на большом расстоянии, почти в километре друг от друга. Снижались, садились на землю то здесь, то там, потом снова взлетали и кружили, кружили в воздухе добрых полчаса. Один на бреющем полете пролетел мимо зарослей тростника дэ, где лежал я. А я, глядя ему вслед, весь дрожал. Поднял винтовку, достал патрон и изготовился — появись янки, я бы сразу открыл огонь. Но мне не повезло: возле моей засады вертолет совершал отвлекающий маневр. Зато другой вертолет недалеко от меня быстро опустился на землю и тотчас же взлетел. Товарищи, сидевшие там в засаде, потом рассказали мне, что успели заметить, как один янки спрыгнул на землю. Боясь обнаружить себя, они решили не открывать огонь, пока вертолет не улетит, но когда тот удалился, янки уже улизнул. А еще подальше вертолет кружил очень долго, то снижался, то поднимался снова, наконец прошел над самыми верхушками тростников, второй янки выпрыгнул из вертолета, но не успел и коснуться земли, как две пули уложили его наповал. Там лежали в засаде Шау Линь и молодая Тяу. Они выстрелили одновременно, одна пуля угодила ему в голову, другая — в грудь. Вертолет, высадивший его, мгновенно развернулся и открыл огонь. Вскоре подоспели и два других. Пятерым в поле с пятью винтовками не устоять было против трех вертолетов! Я со своей группой сразу побежал через заросли тростника, потом через поле на помощь товарищам. На всем огромном поле пяти общин партизаны открыли огонь.

Как ни маневрировали вертолеты — повсюду их встречал плотный огонь с земли. Пилоты растерялись, вызвали на помощь истребители-бомбардировщики с шариковыми бомбами. Но когда появились самолеты, мы, используя каждый холмик, куст, выемку, стали для них невидимы и недосягаемы.

— Ни с кем ничего не случилось? — спросил я.

— Все были ранены!

— Такой жестокий был бой?

— Нет, не вражеским огнем и не осколками бомб. Просто острые листья тростника и травы изрезали всем лица.

— Значит, убили только одного.

— Погодите, это еще не конец. Тот, что смылся, так перетрусил, даже выстрелить не посмел ни разу. Никто не знал, куда он девался. Но всем было ясно: теперь ему крышка. Так и вышло. А напоролся он на мальчишку лет двенадцати. Собрался паренек кузнечиков на наживку накопать для рыбалки. Отправился в сад. И надо же было янки очутиться в этом саду. Залез в чащу кустарника, съежился весь, сидит не шелохнется. Мальчуган стоит посреди сада — прислушивается. Чу, кузнечик стрекочет! Пошел на звук, глядь — нора. Он и давай ее сразу раскапывать. Вот-вот кузнечика схватит, да только тот как сиганет вдруг из норки — прямо из рук ушел. Прыг-скок, и в кусты. Мальчишка за ним. Счастье еще, углядел он сразу янки в этих кустах. Смотрю, говорит, за листьями — глаза! Зеленые, неподвижные... Сперва решил, кошка. Глядь — ствол карабина рядом поблескивает! В другой раз янки небось бы выстрелил. Но тут побоялся. Мальчишка похолодел, бросился было бежать, да, к счастью, опомнился. Вернулся себе, этак не торопясь, назад, присел и опять, как ни в чем не бывало, давай землю рыть: мол, другую нору раскапывает. Сообразил ведь — если уйти сразу, янки почует недоброе. Потом отошел в сторону и там роет. Сайгонский солдат — тот допер бы: откуда в саду столько норок с кузнечиками? А американцу, решил паренек, все равно невдомек: где какие норы, да и зачем кузнечиков копают.

— Ишь, какой смысленый!

— Да уж, дети теперь пошли — сущие мудрецы. Короче, покопался он в одном месте, в другом, в пятом,

в десятом — и все на виду, все спокойненько. А сам уходит все дальше. Вроде уже и бежать можно бы, так нет, он еще и песню затянул, чтоб уж совсем натурально все выглядело. Допел куплет — и давай бог ноги. Благо, партизаны по домам разойтись не успели. Ну, кинулись мы все. Шау Линь, конечно, за главную. И народ вместе с нами. Похватали кто косу, кто мотыгу, тесак или на худой конец палку. Оцепили сад и пошли. Каждый кустик обшаривали, будто на хорька охотимся. Нет, думаем, не уйдет. Так он знаете что отколол напоследок? Со страху ошалел небось, а тут видит: канава садовая. Брошусь, решил, в канаву, нырну поглубже и под водой уйду вплавь. Да только канава мелка была, уткнулся он головой в дно, илу наглотался. Тут уж деваться ему было некуда. Вскочил — карабин на изготовку. Но наша пуля быстрой оказалась, разнесла ему череп.

— Вы стреляли или кто другой?

— Эх, если б я! Не успел нажать на спуск, вижу — он уже трепыхается. Ну, не обидно ли?

— Да ладно, кто ни убил его — все хорошо.

— Сам знаю, но, застрелил его я, душа моей невесты успокоилась бы. Старики говорят: души умерших остаются среди живых. И если мы утолены мстью, души умерших тоже довольны. Но когда мы не утолены, души их жаждут мщения. Сколько ночей я все думал об этом... Ладно, не о том речь. Янки так взбаламутил всю канаву, словно в ней буйвол купался. Вытащили мы его из воды, видим: надето на нем сразу две рубашки. На одной нарисованы сплошь тростник да камыш, на другой — рисовые ростки и древесные листья. Две рубашки, выходит — четыре стороны, и каждая расписана по-своему. Нарисовано все — и побеги, и листья, и ветки, от всамделишных не отличишь. А на лице краски мазками наложены: серая, зеленая, бурая.

Когда оба ряженных янки не вышли на связь, начальство ихнее в Биньдыке сразу поняло, в чем дело. Но решило схитрить: мол, все у них в порядке. Нашли они двух других янки, вырядили в точно такие же костюмы, обмазали лица краской и сунули в вертолеты. Под вечер вертолеты эти, как и раньше, покружили над нашей округой, то снижались, то поднимались, а когда вернулись на базу, было объявлено, что Вьетконг бросил-де против двоих американских солдат целый полк, но они, уничто-

жив чуть ли не роту «ви-си», благополучно вернулись с задания. Вот, мол, смотрите, любуйтесь!

Только одного они не учли: у нас ведь остались трупы тех двух янки. Уж не знаю, как там у вас, в джунглях, а здесь, на равнине, американцы, какие бы ни понесли потери, никогда не оставляют на поле боя трупы своих солдат. Если не могут вывезти их, сжигают напалмом, чтоб и следов не осталось. В сайгонских войсках, там, конечно, по-другому. Ну а тут вон какая улика: два трупа, оружие и все прочее.

Слышим мы, как вражеская пропаганда превозносит «подвиги» двух этих ряженных убийц — мол, они и наших положили видимо-невидимо, да еще умудрились вернуться на базу целехонькими, — такое нас зло взяло! Живет здесь по соседству один старик, звать его Хай Ко. Помните, он еще рыбу здоровенную притащил на уху в ту ночь, когда вы пришли сюда, к нам? Весельчак и балагур. Случилось как-то ему повстречаться с бывшими соседями, их теперь в стратегическое поселение угнали, и передали они ему все эти слухи. Явился он к нам и просит: выдайте трупы тех ряженных янки. И знаете, что он с ними сделал? Запряг быков в повозку, накидал в нее золы, положил сверху оба трупа и погнал ее спозаранку напрямик к поселению. Едет себе по большаку вдоль реки, повозку на ухабах бросает из стороны в сторону, а он, как встретит кого, объявляет: так, мол, и так, везу американцам трупы их ряженных убийц. Народу набежало — тьма! Глядят во все глаза, спрашивают, что да как. Старик тычет кнутовищем в обсыпанных золой мертвяков и рассказывает со всеми подробностями: как они тайком людей наших убивали — кого и когда, всех называет по имени, ну и, понятно, сообщает под конец, как партизаны разделались с окаянными оборотнями. Едет он от деревни к деревне и видит: до американского поста уже рукой подать. Хлебнул водки для храбрости из припасенной на случай фляги, подхлестнул быков своих и подъезжает к самым воротам. Выходит тут переводчик ихний, а старик ему и говорит: «Иду это я по полю, глядь — лежат люди ваши и некому их похоронить. Жаль мне их стало, дай, думаю, отвезу сюда, к вам».

— И они ничего старику не сделали? — спросил я.

— Да нет, они тогда старались народ к себе располо-

жить. Сам американский капитан к старику вышел, поговорил с ним, потом достал из бумажника десять долларов и протянул ему. Ну а старик взял их и говорит: «Деньги эти не американские вовсе, они по правде народу моему принадлежат, и я их ему возвращу!» Переводчик не посмел слова его капитану перевести. А старик все стоит с повозкой своей, не уезжает. Наконец переводчик взмолился: «Да полно вам, дядюшка, возьмите доллары и выпейте на них в свое удовольствие. Зачем вам препираться с ним?..» А старик как крикнет на него в сердцах: «Нет, переведи-ка все слово в слово! Чего боишься, я ведь говорю, не ты?!» Повернулся тот к капитану, и они залопотали о чем-то. Тут лишь старик согласился уехать. «Я знал, — рассказывал он потом, — этот холуй, конечно, не то говорит. Да черт с ним, думаю. Хорошо, хоть на нем душу отвел, решил бы еще — Хай Ко на доллары ихние польстился. А бросишь деньги, дураком сочтут».

— И они больше не засылали к вам убийц? — спросил я.

— Да нет, струсили и не рыпались больше, пока совсем не убрались.

— Ну и что, поспокойнее стало?

— Это еще как сказать... Разное было. Объявился тут один янки, Лошаком его прозвали. Вы не слышали про него?

— Нет, расскажите, — попросил я, принаравливаясь к его шагу. — За разговорами как-то меньше устаешь.

— Гм-гм, — откашлялся Ут До. — Ладно, слушайте. Янки, у них у каждого есть, конечно, свои имя. Да только пока выговоришь его — язык сломаешь. Мы им клички давали. Этого все звали Лошак — бегал, как конь. Сколько лет ему было, не поймешь. Ну, с американцами всегда так, лица у них какие-то смурные — не то стар, не то молод. И ростом Лошак этот вымахал с бамбуковый шест высоченный. Повадился он ходить дозором, и все в одиночку. То на один хутор припрется, то на другой, и сады обойдет, и поля.

— А что ж партизаны дали ему разгуливать? — возмутился я.

— Да ведь он ходил-то вокруг стратегического поселения, рядом с постами своими. Уж если в кои-то веки отойдет чуть подальше, чешет потом назад во весь дух. Одно слово — Лошак.

— Ну и что?

— А вот что. До жратвы был он ужасно охоч. Утку увидит ли, курицу, сразу хватать — и в мешок. Сладкий мангкау углядит на дереве, или папайю, или еще какой плод — лишь бы поспелее был, — тоже с собой тащит. Как завидит уток деревенских в поле, сразу коршуном на бедных кидается. И уж которую наметит себе уточку, та из рук его не уйдет. Сколько раз на мины партизанские нарывался — и хоть бы что. Как заденет ногой проводок от мины — сразу бежать галопом. Разорвется мина, а его уж не достать. Шел он однажды, глядь — девушка молодая в саду хворост собирает. Кинулся в сад. Она — бежать, он за нею. Да разве от него убежишь. Схватил ее, изнасиловал, а потом задушил. Народ в поселении, как вышел ее хоронить, демонстрацию устроил. Ну а янки в ответ много домов пожгли, хутора целые. Решено было его убрать, и поручили это дело мне. Нам Бо вам, наверно, рассказывал?

— Нет-нет, продолжайте.

— Да-да, подошел я к стратегическому поселению, притворяюсь, будто уток пасу. В руке хворостина, на голове шляпа из пальмовых листьев, передо мною, понятно, десяточек уток, побрякивая, к полю ковыляет. Я его еще издали заприметил — жердину эту. Шагает в пятнистом костюме маскировочном, карабин в руках у него маленьким, как игрушка детская, кажется. Подходит и останавливается рядом со мной. Замечаю: я ему головой только по грудь буду. Заквакал он что-то по-своему, сам глазами меня так и жрет: видно, признал чужака. Задрал рубашку мою, по штанам похлопал — нету ли, мол, оружия? А я — он-то по-нашему не понимает — чешу его почем зря: «У-у, подонок, мать твою, я — партизан и сегодня тебя укоюшу! Хватит, поизмывался над земляками моими. Слышишь?..» Оскалился он — улыбнулся, значит, — и прыг вниз, на поле. Утки от него врассыпную, но он, само собою, одну сцапал. А я тем временем нагнулся, нашарил припрятанную в траве гранату и сорвал зубами кольцо. Потом швырнул ее в Лошака. Он рухнул и забился, как рыба, выброшенная на землю, утки и вовсе разбежались по полю, а я со всех ног кинулся прочь. Янки потом постреляли вслед, просто так, для острастки.

— А его-то вы наповал уложили?

— Паповал.

Мы оба шли, глядя вниз, на дорогу.

— Мне бы хотелось сходить на реку, можно это? — спросил я после довольно продолжительного молчания.

Вопрос мой никак не был связан с рассказанной им историей о Лошаке, тем не менее ответил он сразу:

— Нет, пока никак нельзя.

— А вы сами бываете там?

— Очень редко, и то тайком.

— И близко отсюда река?

— Близко. В ненастные ночи здесь слышен шум волн.

— Вон как...

Дорога, убегавшая вдоль канала к Меконгу, была по-прежнему безлюдна. Лишь мы вдвоем, накрывшись нейлоновыми накидками, шагали по ней против ветра и дождя, сопутствуемые нескончаемыми историями Ут До.

Глава 10

Когда Ут До привел меня наконец на свой наблюдательный пункт, расположенный в манговом саду, дождь только-только перестал. Впрочем, то, что для вящей значительности именуется наблюдательным пунктом, на самом деле — небольшой расчищенный участок земли под низкорослыми манговыми деревьями с густыми кронами. Солнечный свет не проникал сквозь листву, и, стало быть, с самолета-разведчика здесь ничего не разглядишь. Даже вертолетам, спустись они к самым верхушкам деревьев и раскрути до отказа свои винты, не разворошить ветвистые кроны и не высмотреть ничего на земле. Убежище — глубокое, с толстыми, хорошо утрамбованными стенками — надежная защита от артобстрелов и бомбежек; в нем можно повесить два гамака, здесь же хранится рис, другие припасы, посуда. Рядом — стрелковый окоп. Ходами сообщения здесь служат садовые канавы.

— Устали? — спрашивает Ут До. — Подвесьте гамак и ложитесь отдохнуть.

Я развязал шнур и прицепил свой гамак к бамбуковым стоякам небольшого дома, построенного здесь, на НП; на них же повесил дождевую накидку и флягу. Дождь, заставший нас в дороге, оказался недолгим и не успел даже размочить как следует землю, зато посбивал множество

плодов манго. «Надо будет потом сходить собрать их, пригодятся землякам»,— подумал я, озираясь вокруг. Сад сверкал застывшими на листьях каплями дождя, переливавшимися на солнце. Птицы чаочао, почуяв медовый дух манго, весело прыгали и распевали на ветках.

— Проголодались?

— Ага.

— Вот беда, и угостить-то вас нечем.

— А рыбный соус есть?

— Чего-чего, а рыбного соуса целая бутылка.

— Мелко нарубленные плоды манго с рыбным соусом— чем не еда? — сказал я, чувствуя, как от одних этих слов у меня разыгрывается аппетит.

— Ну, зря я вас так напугал. Как говорится, и нищий блюдет свою честь. Могу предложить вам сушеную рыбу шат.

— Ух ты! — Я даже губами причмокнул.— Да у нас в джунглях такая рыба считалась прямо-таки божественным угощением.

— Если хотите, вечером вместе с вами сходим глянуть на стратегическое поселение. А сейчас ложитесь лучше в гамак и отдохните. Я пойду рис сварю.

— А нельзя сперва поглядеть на поселение?

— Что ж, пойдете.

Я затянул ремень, и мы вместе с Ут До двинулись в путь. Шагая следом за ним, я перебрался через две канавы и, выйдя из сада, дошел до протока, ответвлявшегося от большого канала; извилистые берега его сплошь заросли длинными колючими листьями травы оро и камышом.

— Вон глядите!

Я посмотрел вдаль и тотчас зажмурился: глаза до боли слепил солнечный свет, отражавшийся от сотен, от тысяч жестяных крыш, лепившихся впритык одна к другой, точно рыба чешуя, на другом конце поля. Это были жилые дома в поселении. Черт возьми, куда подевался привычный сызмальства облик деревни: дома, крытые листьями или черепицей, помосты — повыше, пониже, проглядывавшие сквозь зелень деревьев? Глянешь на них издалека, и сердце радуется! Вот там, передо мной, тоже вроде деревня, хоть и именуемая «стратегическим поселением». Но отчего кажется она такой чужой, что даже смотреть на нее неохота? Часто моргая, я ладонью, как козырьком,

прикрыл глаза и разглядел прохожих на улице. Оттуда, из поселения, доносился неясный гул — не то человеческих голосов, не то автомобильных моторов. А может, там вдали кто-то рыдал и плакал. Явственно слышались выстрелы и рокот приземлявшегося вертолета.

— Вон за той улицей, за деревьями, у речного устья, — базар, рядом — военный штаб, — объяснял мне Ут До. — Отсюда до первого их поста ровно тысяча четыреста пятьдесят три метра и три сантиметра.

Я посмотрел на Ут До и рассмеялся: экая немислимая точность.

— Да я вовсе не шучу. Расстояние тщательно измерено — для наших артиллеристов.

— Как, скажите на милость, можно измерить в таких условиях расстояние с точностью до сантиметра?

— Но это так!

— Может, у вас был какой-нибудь сверхсовременный дальномер?

— Никакого дальномера у нас не было.

— Чем же вы измеряли тогда?

— Велосипедным колесом.

Не выдержав, я расхохотался и хлопнул парня по плечу.

— Думаете, я вру? Если не верите, спросите у Шау Линь.

— Да вы сами расскажите про этот научный эксперимент.

— Все просто было, обошлись без науки. Перевязали обод переднего колеса белой лентой, и отсюда до начала арыка, где стояли пушки, Шау Линь покатила на велосипеде напрямик до самого поста. Ехала и считала в уме, сколько раз белая лента касалась земли: один оборот, десять, пятнадцать, сто... До первого поста колесо проделало... э-э... забыл, сколько оборотов. Но если помножить число оборотов на окружность колеса, выходит ровно тысяча четыреста пятьдесят три метра и три сантиметра.

— Если хотите узнать число оборотов, — с ученым видом посоветовал я, — достаточно разделить тысячу четыреста пятьдесят три метра и три сантиметра на длину окружности колеса. Получите искомое число.

— Да уж вам виднее. Но только благодаря этим измерениям артиллеристы наши весной шестьдесят восьмого снаряды словно руками в цель укладывали. Мы сами,

как поглядели, нарадоваться не могли. Теперь,— продолжал он,— там все цели промерены. У Шау Линь в блокноте про каждую записано. Если пробудете тут подольше сами увидите, как пушки по ним ударят.

— Скажите, а где вы прикончили Лошака?

— Да вон там.— Он ткнул пальцем в сторону видневшегося за жестяными крышами поля.

— Где же теперь их заградительные посты?

— Здесь больше нет их постов, осталась лишь база в Биньдыке. Но они контролируют весь район. Время от времени являются сюда, расположатся лагерем, проведут операцию — и снова уходят.

Я снова прикрыл ладонью глаза.

— Что-то я не вижу ни заграждений, ни колючей проволоки.

— Все разрушено уже, снесено.

— А они что, не восстанавливают? — спросил я, по-прежнему стараясь разглядеть хоть что-нибудь за слепящими отблесками жестяных крыш. Наконец мне удалось различить маленькие, одетые в белое фигурки, двигавшиеся от домов к полю.

— Тут не только мы поработали. Они сами все доломали.

— Как, и они тоже?

— Да. Они тоже извлекли кое-какой опыт из прошлого. Наверно, сказали сами себе: нет, любые стены и заграждения из колючей проволоки можно в конце концов разрушить. Главное, от чего зависят победа или поражение, — это людские умы и сердца. За кольцом колючей проволоки народ чувствует себя как в тюрьме. Люди задыхаются в неволе. Вот тут-то, поняли американцы, и срабатывает как нельзя лучше «вьетконговская пропаганда». Значит, долой заграждения. И теперь, идя в поле, люди не должны проходить через КПП. Хочешь сходить в другую деревню, на соседний хутор, — иди, никто тебя не удерживает.

— Демагогия.

— Верно, демагогия. У них всегда так: террором ничего не добьются, пустят в ход демагогию; и она не действует — возвращаются к террору. Да и наши, сайгонские, «миротворцы» ведут себя точно так же. Если явятся куда дня на три, на пять, можно и впрямь подумать: эти только о мире и радеют. Где надо — дороги

подправят, помогут в доме прибраться; если у чьей-нибудь хижины мостки на реке расшатались — повалят деревья и новые смастерят; детей малых вымоют, искупают... Короче, все делают точь-в-точь как и мы, когда идем в народ. Да только их не надолго хватает. К концу недели распоясываются и предстают перед всеми в истинном своем обличье: учиняют разгулы, дебоши, воруют, а где не украсть по-тихому — грабят, к женщинам пристают, насильничают.

— Значит, люди там передвигаются свободно? — спросил я, следя глазами за «старой ведьмой»: она прилетела откуда-то из раскинувшихся вдали полей и теперь снижалась над полыхавшими на солнце жестяными крышами. Вопрос этот интересовал меня чрезвычайно.

— Янки отказались от проволочных заграждений, зато ставят новые — из снарядов и бомб. Они все поделили на зоны. Есть зоны — они их считают своими, — где люди могут передвигаться свободно. Только должны ходить в белой или светлой хлопчатке, чтоб видно их было издалека. В зеленом или в черном появляться запрещено. — Ут До показал рукой на проток, по которому бежала вода, и я заметил маленького глазастого краба, рывшего себе норку. — Вот она, граница, — сказал он. — По эту сторону наша зона, по ту — ихняя. Как увидят кого тут, у границы, вроде нас с вами, сразу стреляют без разбора. А стоит нам переодеться во все белое да перебраться на ту сторону — поглядят и пройдут себе мимо.

Выходит, подумал я, нового здесь только одно название — «умиротворенная зона». А по сути все точно так же, как в шестьдесят восьмом, когда я, добираясь до Сайгона, шел мимо стратегических поселений. Иной раз канал, обсаженный кокосовыми пальмами, что делил деревню надвое, был границей между стратегическим поселением и освобожденной зоной, которую противник тоже рассматривал как «зону свободного огня». В общем одно и то же.

— Надо бы нам с вами перебраться как-нибудь на ту сторону — в белом, конечно. Глянем, что к чему, — сказал я, надеясь, что Ут До охотно согласится. Но он яростно запротестовал, словно взорвался вдруг:

— Ну нет, вы это бросьте! Решили небось — плевое дело? Я пару раз попробовал — чуть на тот свет не отправился. Помню, однажды сел в моторку с женщинами, они

на базар ехали. Сам — как положено — в белой рубашечке. Ут Чам, тоже партизанка наша, завела мотор. Уселся я посередине чин чином. На носу одна старушка села. Следом за нами и другие лодки завели моторы, и помчались мы по каналу наперегонки. А утро только-только забрезжило. И вдруг, надо же, увязалась за нами «старая ведьма». Догнала и давай кружить на бреющем над самыми лодками. Представляете, каково? Сижу себе, делаю вид, будто мне на все наплевать, а самого дрожь пробирает. Слышу, сзади Ут Чам твердит мне: «Сиди, Ут До!.. Сиди спокойно!..» Ну а я глаз не свожу со «старой ведьмы». Если, думаю, выключишь двигатель, тварь, и соберешься ракету пустить, я сразу сигану в воду. А она прямо как прилипла. Вдруг вижу — набирает высоту, потом выключает двигатель и пикирует прямо на нас. Совсем было за борт кинулся. Хорошо, Ут Чам как крикнет: «А ну, сядь! Не дури!» Прыгнуть-то я не прыгнул, но лодка накренилась здорово и зачерпнула воды бортом. Правда, пилот «старой ведьмы» ничего не заметил, да и пикировал он не на нас, а на лодку, что шла последней. Стрелять, однако, не стал. Благо, в той лодке плыли одни женщины и девушки, привычные к этим «легальным рейсам». Сидят себе, как ни в чем не бывало. Растеряйся они, пилот сразу бы углядел, обстрелял — не успели б даже выпрыгнуть из лодки. Вот какая у них проверка. Когда «старая ведьма» поднялась и улетела прочь, я сразу сказал Ут Чам: «Причаль-ка к берегу, я сойду. Нет, не ужиться мне с ними, и „легализоваться“ я не смогу». С тех пор зарекся я ходить туда «легально». И вам с этим делом шутить не советую.

— Между прочим,— сказал я, чтоб поддержать беседу,— когда мне пришлось пробираться в Сайгон, я как-то тоже часть пути прошел «легально». Помню, иду по меже в белой рубашке, и заметил меня сверху вертолет. Снизился он прямо над моей головой, от винта вихрь такой, волосы у меня дыбом взметнулись. Я понимал: дашь слабицу, побежишь — пилот сразу откроет огонь. Собрался с духом и спокойно иду дальше. Вертолет сел прямо у меня под носом, высунулся из кабины янки и спрашивает что-то. Я догадался: документы хочет проверить. Но у меня-то — никаких бумаг, ни черта! Что ж, думаю, рискну: достал из кармана бумажник и протянул ему. Янки — ему лень во все вникать — видит мое спокойствие и даже бумажник не взял. Махнул рукой, мол, все в порядке, и сра-

зу поднял вертолет. Я от радости ног под собой не чуял.

— Ну, вы по сравнению со мной просто молодец.

— Был тогда один товарищ, тоже шел «легально», как я. Вертолет снизился над ним, а у него прямо руки-ноги затряслись. Тут вертолет второй заход сделал, и этот товарищ бросился бежать. Хорошо еще, рядом партизаны оказались и прикрыли его своим огнем.

— Да, они на психику дают. Думают, если ты партизан — нервы не выдержат, сорвешься. Нет, по мне, уж лучше в бою: я в них стреляю, они — в меня.

— А вот в Тэйнине был случай. Шел тоже один подпольщик, сел рядом вертолет, и янки высунулся: давай, мол, документы. Всего расстояния-то между ними — руку протянуть. Документов у парня не было, зато пистолет висел под мышкой.

— Эх, тут бы и взять янки живьем!

— Нет, это не вышло бы. Он выхватил пистолет и всадил в пилота пулю. Машина была одноместная. Вторую пулю он вогнал в бак с горючим. Вертолет сразу вспыхнул.

— Да-да, вспомнил, я тоже слышал эту историю. И я б на его месте выстрелил. Как же еще!

— Ну а из ваших кто-нибудь ходит «легально» на ту сторону? Дел-то ведь там немало.

— Больше женщины ходят, им все нипочем. Мимо охранников идут — и хоть бы хны. Бывает, конечно, если надо, и наш брат ходит — тут уж бестолковой меня нету.

— А как же вы Лошака убили?

— Это другое дело. Я его уколошил, можно сказать, на ничейной земле — рукой подать. А здесь прямо в логово ихнее лезть надо.

Я промолчал — что тут скажешь? И стал следить за прилетевшими откуда-то издалека вертолетами. Их было три. Два держались пониже, один повыше, кружа над полем, где белели человеческие фигурки, склонившиеся к зеленым всходам. Люди словно не замечали назойливых машин.

— А где,— спросил я,— дом капитана Лонга?

— Да вот он! — Ут ткнул пальцем туда, где из-под огромной зеленой кроны выглядывал угол черепичной кровли.

— Значит, от устья до его дома километр, не больше?

— Девятьсот тридцать пять метров!

Точность эта снова меня рассмешила. А он в сердцах, как и прежде, воскликнул:

— Верно говорю! Весной шестьдесят восьмого наши пушки стояли прямо у него во дворе, оттуда и огонь вели. А расстояние измерено тем самым велосипедным колесом.

— И мерила тоже Шау Линь?

— Нет, не она, а Малышка Ба. Молодчина девушка!.. Недавно, — добавил он, — в армию просилась, в женский артиллерийский расчет. Мы с Шау Линь еле ее отговорили.

— Так, ну а где дом тетушки Тин, повивальной бабки? — спросил я.

— Там же, в садах, что за домом Лонга. Отсюда не видно.

Три вертолета покинули поле и шли теперь над деревьями, тянувшимися вдоль реки.

— Вы небось совсем проголодались? — спросил Ут До.

— Да уж...

— Пошли назад, сообразим что-нибудь поесть.

— Подождем чуть-чуть.

Дома и улицы стратегического поселения выглядели чужими, далекими. Да и глаза от долгого напряжения разболелись, но уходить мне почему-то не хотелось. «Умиротворенная» деревня... Нет, надо вырвать ее из рук врага!..

Поев сушеной рыбы шат и крошева из манго в рыбном соусе, мы с Ут До не стали предаваться полуденному отдыху, а пошли собирать опавшие плоды манго для сельчан. Мы складывали в три разные кучи зеленые еще плоды, чуть тронутые желтизной зрелости и совсем спелые.

Глава 11

— Эй, сестрица Бай¹, тетушка Тин пришла!

Мужа сестрицы Бай зовут Бай Тха. Самой ей уже за тридцать, у нее трое детей: сын и две дочки; и она снова в положении. Этой ночью у нее стоворились встретиться Шау Линь и тетушка Тин. Семья Бай всегда жила на этом хуторе, оказавшемся теперь на краю стратегического поселения. Здесь, на обоих берегах канала, было десятка че-

¹ Седьмая.

тыре домов. Самый крайний из них стоял поближе к протоке, разделявшей две зоны, посреди безлюдного пустыря. Днем сюда, случалось, захаживал неприятель, но по ночам двери каждого дома были широко открыты для партизан и подпольщиков — для них приберегали все самое вкусное.

Бай не была ни партизанкой, ни кадровым работником; но, если надо было революции, она соглашалась взяться за любое дело: работала связной, добывала информацию, караулила, когда шли совещания, укрывала подпольщиков... Она ни от чего не отказывалась, но при одном условии: человек, дававший Бай поручение, должен быть ей по душе. Она и сама говорила об этом без обиняков: «Уж если мне кто люб, я для него все сделаю». Правда, незаметно было, чтобы она вообще кого-нибудь недолюбливала. Подпольщики, партизаны — все нравились ей, всех она жалела. Бай Тха, муж ее, был человек флегматичный и немногословный, зато сама она с годами не растратила хлопотливость свою и общительность.

Вот и сейчас завела она одну из нескончаемых своих историй. Сделав вынужденную паузу — ей, как хозяйке, пришлось встать, наполнить плодами манго тарелку и поставить ее на середину топчана, — Бай тотчас сказала:

— Шау Линь и вы, ребята, ешьте, угощайтесь. А я расскажу вам, что дальше было. Приходят, значит, они «завоевывать доверие народа». Ладно, думаю, желаете расположить нас к себе, валяйте, пробуйте. Дам вам такую возможность. Натаскала во двор узловатых пней с корневищами, пусть порубят на дрова. Как увижу их в воротах, сразу сую топор в руки и говорю: «Здравствуйте, братцы-миротворцы! Хвала небесам, явились наконец нам в помощь. Видите, я на сносях, нарубите дров, сделайте милость». Ну вот, не далее как нынче утром явились. Один ухватил топор, раскорячил ноги и давай рубить. Топор-то тупой, дерево твердое. Зазвенит топор — да от пня и отскочит. Рубил он, рубил, пока на ладонях волдыри не вскочили. Тогда с проклятиями отступился — и вон со двора. До вечера ходили мимо дома «миротворцы», и который ни глянет во двор на кучу пней, сразу нос воротит.

Тут-то и прервал ее голос Ут Чам, караулившей во дворе. Услышав о приходе тетушки Тин, Бай опустила ноги с топчана, взяла фонарь со схваченным проволокой стек-

лом, стоявший перед семейным алтарем, и снова обернулась к гостям:

— Знаешь, Шау, когда вчера мне передали твою просьбу пригласить сюда тетушку Тин, я долго не могла придумать никакой причины. И в конце концов попросила детей одолжить у кого-нибудь моторную лодку и съездить к повитухе, сказать: у меня, мол, начались схватки. Хотя какие тут схватки на седьмом месяце? Да видно, придется этой ночью родить. — Она засмеялась, потом сказала: — А ты, Нам, не признавайся сразу — посмотрим, помнит тебя тетушка?..

— Ладно уж, бери фонарь и ступай, — поторопил жену Бай Тха, прислонившийся к стене рядом с Намом.

— Привет всей честной компании! — Тин вошла в дверь. Она оказалась довольно высокого роста, лет шестидесяти, седые волосы гладко зачесаны назад, широкий лоб, впалый уже рот, маленький, чуть вздернутый нос и неожиданно яркие, блестящие, как у девушки, глаза. На ней была белая блуза баба. С виду никак не скажешь, что она деревенская повитуха; скорее она походила на старую учительницу — умную, сдержанную и строгую. Следом за нею вошла молоденькая девушка. Казалось, двадцатилетняя юность тетушки Тин воплотилась снова в движениях и облике дочери. Ут Чам обнимала девушку за плечи. Они так и вошли, обнявшись, в дверь и уселись рядышком на скамейке у стены.

Шау Линь, Ут До, Бай Тха и чада сестрицы Бай, все трое, поздоровались с тетушкой Тин и справились о ее здоровье. Один Нам Бо — по наущению хозяйки — сидел молча.

— Ну а ты, молодец, что, онемел? — спросила Тин у Нам Бо. — Думал небось, не узнаю тебя. Ты когда вернулся? Все, все мне известно про твои раны и хвори.

Нам рассмеялся, мы — тоже, причем веселее всех смеялась сестрица Бай. Я только диву давался: как это ей в ее положении удалось сохранить такую живость.

Она поставила фонарь обратно на алтарь, принесла стул и придвинула его в самому топчану.

— Прошу вас, тетушка, присядьте.

— Оставь, сама сяду.

— Это я, тетушка, велела Наму не выдавать себя. А ну как вы бы его не признали?

— Как же мне их не помнить. — Тин села на стул и по-

вернулась к хозяйке. — Хоть я и стара, шестой десяток разменяла, как говорится, но память еще хоть куда. Если уж встречу того, кому помогла родиться, сразу вспомню все до малейшей подробности — как он на свет явился. Ну а такого, как Нам, разве забудешь!

Хозяйкина рука с чайником — она наливала чай тетушке Тин — замерла. Бай, покосившись на Нама и Шау Линь, сказала:

— А вы расскажите, пусть они оба послушают.

— Ладно уж, поговорим о другом. Я вот чему удивляюсь: как попадется мне мой повитыш, сразу вижу, на чьей он стороне. И обратила внимание: те, кто к врагу переметнулись, или вовсе не узнают меня, или делают вид, что не узнали, словно я и недостойна-то вовсе была помогать им на свет родиться. Я сперва не придавала этому значения. Ну не я, так другая приняла бы роды, ведь не мать же я им родная, не носила их, не маялась, вроде и помнить меня ни к чему. Ан нет, все ведут себя, словно сговорились. Странное дело.

— Неужто вам, тетушка, непонятно: вы ведь их вроде приворожили, — сказала Бай и добавила: — Вы пейте, пейте чай. А это что там еще за барышни сидят в обнимочку? Ну-ка идите сюда, поешьте манго. Так уж и быть, ночуйте у меня обе.

Тин отхлебнула горячего чая и поглядела на меня:

— А с вами, сынок, мы как будто не знакомы еще?

— Это товарищ Тханг, тетушка, — ответил за меня Нам, — нас с ним направили сюда из штаба.

— Ах вот как...

Глава 12

Она попила чаю и разговорилась. Заслушавшись ее, мы просидели до поздней ночи.

Вот ее рассказ о капитане Лонге, начальнике подокруга.

Встретив Тин, он стал похваляться перед нею именем, которым нарек сына. «Вы, тетушка, спрашивали меня, какое имя дам я сыну — французское или американское? А я вам ответил: я вьетнамец и имя ему должен дать вьетнамское. Знайте же, я назвал его Нгуен Лонг Зианг. Лонг — это мое имя, оно значит «дракон». Зианг означает

«река». Ведь мальчик родился на берегу Меконга, по-нашему — Реки Девяти Драконов». Тин тогда нехотя поддакивала ему, не вникая в его слова, но потом стала повнимательнее к нему присматриваться. Вскоре подошло время справлять год со дня рождения ребенка. Только тут капитану не повезло: в этот радостный для него день ему пришлось отправиться в карательную экспедицию.

Бабушка младенца, госпожа Ут Нью, и его мать, памятуя о заслугах тетушки Тин, конечно, пригласили ее на торжество. «Дождалась я все-таки,— говорила Ут Нью.— Пусть сама-то скоро сойду в могилу, зато есть у меня теперь внук-наследник». Госпожа Ут Нью сказала тетушке Тин: она, мол, решила отпраздновать день рождения внука согласно обычаям предков. С полуночи в кухне горел огонь, и лишь к девяти часам утра все было готово.

Каждый из гостей, завидя поднос с приношениями духам предков, рассыпался в похвалах. Ут Нью и мать младенца были очень довольны собой. На подносе пестрели все виды сваренного на пару клейкого риса: иссиня-черный рис кэм, желтый рис с шафраном, зеленый — с толченым горохом. Замешенные на дрожжах паровые блинчики были совсем прозрачные — еще бы, сахарного песку на них не жалели. Зарезали двух свиней: молочного поросенка — совсем маленького, не больше человеческой стопы, — для ритуальных приношений и — чтобы потчевать гостей — чушку весом в добрый центнер. Ну и, конечно, блюдо, без которого не обойтись в такой день, — кисель из пальмового сахара с крохотными рисовыми коржиками. Приношения предназначались Великой матери-прародительнице, охраняющей младенцев, и двенадцати животным, именами которых называются годы по календарю, — от мыши и буйвола до свиньи. Поэтому каждое жертвенное яство подавалось на тринадцати тарелках, а расставлены они были на огромном медном подносе, его и руками-то не охватишь. Посередине подноса возлежал поросенок в темной поджаристой корочке, казалось, он все еще тщится спастись от смертоносного пламени; вокруг него теснились посудыны с клейким рисом разных цветов, лепешки из сваренной на пару рисовой вермишели и кисель. Поднос принесли снизу, из кухни, двое здоровенных мужчин.

На большом алтаре в просторной центральной комнате дома горели тринадцать свечей, а в курильнице дыми-

лись тринадцать благовонных палочек. Сподобившиеся приглашения родичи, близкие и дальние, и соседи все подходили и подходили. Внизу, у лестницы, выстраивались рядами туфли и сандалии — кожаные, деревянные, резиновые. Гостиная была переполнена. Гости поважнее, вроде депутата Фиена, начальника полиции Ба, издавна возглавлявшего здесь секту хоахао¹, и прочие лица, считавшиеся столпами режима, восседали в креслах и на цветных циновках — только не натуральных, а нейлоновых, что гарантировало удобства их ягодицам и соответствовало современному вкусу.

Яства, громоздившиеся прежде на подносе, расставлялись теперь на длинной старинной циновке.

Госпожа Ут Нью в долгополом черном платье старинного покроя приветливо встречала каждого гостя.

Виножник торжества в полосатой тельняшке и темных штанишках был вылитый морячок; только впереди штанишки были распахнуты и выглядывал «птенчик» — пусть все убедятся: дитя мужского пола. Малыш был упитанный, розовый, с милотвидным личиком.

Его передавали из рук в руки, ласкали, целовали. Мать его, молодая женщина лет двадцати пяти, не в пример прочим военным женам, не была ни наглой, ни вульгарной. Когда-то в Сайгоне она окончила колледж и до сих пор среди здешних деревенских жителей казалась чужой и какой-то странной. Вот и сейчас, в этом многолюдье, она видела одного лишь своего сына и, стоя на ступеньке лестницы, которая вела во внутренние покои, не сводила с него глаз, радостно улыбаясь ему. Но и Ут Нью, как ни была она занята приемом гостей, то и дело поглядывала на внука, замечала каждое его движение, каждую гримасу.

Все было готово, накрыто, гости расселись, не хватало лишь одного человека, но без него никто не притрагивался к палочкам для еды. Речь шла, конечно, о капитане Лонге отце мальчика; он в это самое время командовал кара

¹ Хоахао — синкретическая секта, истоки вероучения ее восходят к буддизму; строилась она на идее классового мира и единения верующих на основе национального сплочения. Одно время имела собственные вооруженные силы и активно участвовала в политической борьбе; численность секты в начале 70-х годов достигала примерно 1,5 млн. человек.

тельной операцией против затерянной в полях соседней деревушки.

— Бедный малыш! — восклицала Ут Нью.— Надо же, именно сегодня отцу его пришлось уйти в поход.

Сидя с гостями, она места себе не находила от волнения, всякий раз поворачиваясь к тетушке Тин, сетовала, горестно прищелкивала языком и тяжело вздыхала. С тех пор как у капитана родился сын, обе женщины вдруг подружились. Да и мать ребенка, несмотря на всю свою столичную утонченность, нежданно-негаданно стала подругой младшей дочери повивальной бабки.

Обе старушки все время старались сесть рядышком, и Ут Нью, с кем бы ни заговорила она, не забывала про Тин. Расскажет какую-нибудь историю и тотчас обернется к приятельнице за подтверждением: «Не так ли, сестрица Тин?» А то призовет ее в свидетели: «Вот сестрица Тин не даст мне соврать...» Или: «Уж кто-кто, а Тин знает меня...»

Тем временем из соседней деревушки доносился шум боя: то реактивный снаряд грохнет, то застрочит пулемет с вертолета. Время от времени над самым домом разворачивалась «старая ведьма» или агитационная «дакота». И каждый раз, услышав стрельбу, старая Ут Нью знала: огонь ведется по команде ее сына. Тревожась за него, она спрашивала:

— Это из чего стреляют, сестрица Тин?

Изболевшись душой, она с завистью посматривала на высокопоставленных гостей.

— Вы только гляньте на них, сестрица,— сказала она Тин,— эти люди тоже служат «национальному государству», а живут спокойненько, в свое удовольствие. Только он, бедняга... — и она досадливо щелкнула языком.

«Глянуть» тетушке Тин предлагалось прежде всего на двоих гостей, развалившихся в креслах. Первый — начальник полиции Ба, мужчина лет пятидесяти, темнокожий, с отвисшим, как у изваяний единорога, носом посреди широкого угловатого лица. На нем был полицейский мундир цвета хаки. Второй — депутат Фиен, ему вот-вот должно стукнуть шестьдесят, пузатый, с заплывшим жиром лицом, на котором едва виднелись щелочки вечно прищуренных глаз. Этот поклонник «народных традиций» щеголял в сшитой из легкого шелка баба. Страж порядка о чем-то разглагольствовал во всеуслышание, законодатель

внимал ему, степенно кивая головой. Эти двое вместе с капитаном Лонгом составляли «триумвират» подокруга.

Тетушка Тин знала подноготную всех троих. Начальник полиции — сущий изувер, убивал людей, тянул деньги с живого и с мертвого. Депутат — такой же душегуб и стяжатель, коварный и злобный. Но ей не все еще было понятно и ясно насчет третьего — капитана Лонга, сына сидевшей рядом с нею старой ее подруги.

Начальник полиции, зная, с каким нетерпением хозяйка ждет сына, перевалился через подлокотник своего кресла и, глядя на нее сверху вниз, сказал:

— Полно вам, тетушка Ут, волноваться нет ни малейшей причины. Сегодняшняя операция — просто предохранительная мера. Мы не войдем даже в соприкосновение с неприятелем. Да и такому смельчаку, как Лонг, все ни почем.

Тут он покосился на депутата: не раскусил ли тот его? Полицейский не любил капитана Лонга. Не то чтобы между ними случались конфликты или они не поделили какой-нибудь лакомый кусок. Нет, подспудное соперничество разгорелось как раз между ними обоими — полицейским и депутатом. Но в глазах начальства «шеф» полиции выглядел менее выгодно, чем капитан Лонг. Да и сам капитан постоянно выказывал ему свое пренебрежение. Будучи намного его моложе, капитан всегда обращался с ним чуть ли не как с подчиненным. И, это было уж совсем явно, колол ему глаза необразованностью его и невежеством. Впрочем, и депутат Фиен в глубине души относился к капитану куда благожелательней, чем к нему. Лонг, считал депутат, как бы там ни было, человек состоятельный, образованный. И потом, депутат ценил Лонга еще по одной причине, и она была поважнее прочих: им с капитаном нечего было делить; что же до славы и престижа — ко всему этому законодатель был совершенно равнодушен. Они, по глубочайшему убеждению депутата, суть лишь мимолетное благоухание, призрачный дым — вот они здесь, и уже их нет. То осязаемое и весомое, что навсегда остается с человеком, — вещи иного рода: это земля, имущество, деньги; их можно потреблять, пользоваться ими, от одного прикосновения к ним тебя пробирает блаженная дрожь. Но именно их и стремится перехватить у него начальник полиции. Рассуждая по справедливости, думает депутат, в «умиротворении» подокруга у капитана Лонга

больше заслуг, чем у прочих, и он далеко пойдет. Депутат и сам не понимал почему, но временами он чувствовал, будто любит капитана, как своего внука. Вот и сейчас в словах утешения, с которыми он обратился к хозяйке дома, звучало искреннее сочувствие:

— Не беспокойтесь, я все время прислушиваюсь — стреляют только наши.

Слушая его, Ут Нью испытала некоторое облегчение, но беспокойство не проходило. Она поделилась своими опасениями со старой подругой: да-да, она наслышана о партизанском отряде, действующем в той деревушке. Им командует девушка по имени Шау Линь. Ут Нью смутно помнила ее еще смуглолицей девчонкой: она всегда сидела на носу лодки впереди своей матери, когда они причаливали к пристани рядом с домом Ут Нью. Сегодня с самого утра ей чудились повсюду наивные глаза этой девочки, черные и блестящие, точно семечки плода нян. Их взгляд, казалось Ут Нью, неотступно преследовал ее, заставляя сильнее прежнего тревожиться за сына. Она занимала разговорами гостей, не отрывала взгляда от внука, а сама все время прислушивалась к далеким выстрелам.

Соседские ребяташки, все как один, убежали в конец сада — поглазеть туда, на дальнее поле. Время от времени кто-нибудь из них подбегал к дому и, глядя снизу, со двора, на собравшихся здесь взрослых, кричал:

— Эй, мама! Там целых девять вертолетов!

— А над деревней да в садах дыма-то не видать? — спрашивали взрослые сверху, опершись на перила.

— Огонь горит всюю! — отвечали дети.

— Что, уж и бой завязался? — выспрашивал кто-то из взрослых.

— Да, дерутся здорово! Чуть не с самого утра! — кричал один из мальчишек.

— Вертолеты бьют ракетами по садам! — уточнял другой. — А солдаты туда не заходят.

— Стреляют вокруг — страсть! — дополнял его третий.

— Ну ладно, — сказал кто-то сверху, — бегите назад да глядите в оба. Если что, сразу дайте нам знать.

Трое ребят, юркнув вниз, между сваями дома, пропустили через сад. В это время четверо других прибежали во двор со свежими новостями.

— Ну что? — наперебой вопрошали взрослые, снова хлынув к перилам.

— Как там, жаркое дело, да?

— Вертолеты строчат сверху вниз, а по ним стреляют с земли. С поля бьют по садам, а из садов отстреливаются.

От канавы за садом, у которой собралась детвора, до деревушки, где шел бой, было километров пять-шесть, и дети, конечно, толком ничего разглядеть не могли. Но каждый излагал дело так, будто все происходило прямо у него на глазах, увлекательно, как в кино.

А гости по их взволнованным словам и жестам пытались представить себе ход «экспедиции», которой командовал капитан Лонг. Хотя, по глубокому убеждению детворы, любое столкновение должно непременно закончиться победой партизан. Ут Нью — она и к детям прислушивалась, и вникала в разговоры шумевших вокруг гостей — разволновалась еще сильнее.

— Угораздило же его именно сегодня ввязаться в этот бой. — Она снова досадливо щелкнула языком. — Нет, Тин, вы только подумайте... — и, не закончив мысль, горестно вздохнула.

— А почему вы не удержали его? — спросила тетушка Тин. — Я бы на вашем месте ни за что его не отпустила. Да в жизни всего раз такой радостный день бывает.

— Вчера вечером он, как пришел домой, обнимал сына сильнее и чаще обычного. Я сразу поняла, он не в духе. Но что поделаешь — военная служба.

Тут из сада целой ватагой ввалились ребятишки.

— Вертолеты! — кричали они.

— Летят назад!..

Все находившиеся в гостиной опять подались к перилам.

— Что? — спрашивали они.

— Что там такое?

Дети, задрвав головы, заговорили все разом, хотя у каждого было, конечно, свое мнение.

— Напоролись на освободительные войска!..

— Даже смотреть страшно!..

— Вертолеты трупы увозят! Нагружены — еле улетели!..

— Мины рвутся — прямо уши глохнут!..

— Вьетконг сегодня собрал такую силищу!..

— Их регулярные части пришли вчера вечером!..

— «Старая ведьма» со страху под самыми облаками летает!..

Гул вертолетов приближался. Девять машин, разбившись на три звена, летели, чуть не задевая верхушки деревьев. Вот они, направляясь к реке, прошли над самым домом. Люди в доме снова прильнули к перилам. Внизу ребятишки, крича и тыча куда-то пальцами, бежали через дорогу к реке.

«Старая ведьма» описала над рекой широкую дугу.

— Итак, дорогая хозяйка, карательная операция закончена,— объявил во всеуслышание начальник полиции, поглядев сперва в поле, потом на свои часы «Сейко» с черным циферблатом, и добавил:— Еще рано, нет и одиннадцати.

Удалявшиеся вертолеты скрылись за грядой деревьев по ту сторону Меконга.

Вскоре со стороны базара показался джип, похожий на огромную жабу. На полной скорости он свернул в переулок, взревел и замер посреди двора.

— Приехал!..

— Отец приехал!..

Гости, в который уж раз, припали к перилам. Одни с нетерпением ждали капитана, понимая, что для него значит сегодняшний день; другие жаждали поскорей узнать все подробности операции, которой он командовал, и понять, не случилось ли чего с их близкими в той деревушке.

Дверца джипа еще не открылась, а капитан уже выпрыгнул из машины. За ним соскочили на землю двое его телохранителей с карабинами наперевес, движения их были слаженны и точны, как у автоматов. Дети уставились на них, изумленно вздернув брови. Последним через распахнувшуюся наконец дверцу вышел из машины высоченный мужчина с висевшей на плече фотокамерой — тот самый журналист. Капитан Лонг был в каске, в очках с толстой оправой и привычной форме карателей — полосатом, как тигриная шкура, комбинезоне с разодранным левым рукавом — памятным знаком великого его подвига. Рукав велено было не зашивать вот уже второй год. Капитан облачался в этот комбинезон только перед боем. Он торопливо взбежал по лестнице, перепрыгивая разом через три ступеньки.

Начальник полиции Ба и депутат Фиен, покинув свои

кресла, ждали его у последней ступеньки. Но он — то ли из высокомерия, то ли просто не заметив их — не поздоровался, не пожал им руки, а сразу направился к сыну, сидевшему на руках у жены:

— Сыночек! Иди же, иди ко мне!

Он протянул руки к ребенку, но тот закричал со страху, отпрянул и уткнулся лицом в грудь матери.

— Ну зачем кидаться на него, — сказала капитану жена. — Прямо как тигр на добычу!

Услышав ее слова, люди, стоявшие вокруг, переглянулись: в полосатом своем комбинезоне он и впрямь был похож на тигра, ставшего на дыбы перед броском на добычу.

— Ну-ну, успокойся, сыночек, не плачь! — утешала младенца мать, поглаживая его по плечу маленькой белой ручкой. — Знаешь, — сказала она мужу, — при виде тебя я и сама испугалась. Чего же ты хочешь от ребенка?

Тут все собравшиеся вздрогнули от резанувшей глаза ослепительной вспышки и, оглянувшись, увидели длинного как жердь журналиста, опускавшего фотоаппарат. Он почему-то улыбался.

— Первый стоящий снимок с самого утра! — заявил он неизвестно кому. — Любящий отец-воин.

— Полно, успокойся, сынок! Видать, ты против моей службы в армии? — сказал капитан, отойдя подальше и глядя на сына. — Что ж, значит, больше воевать не буду. Знаешь, Зианг, маленький мой, этой операцией командовал папа. А кто, по-твоему, распоряжался папой? Папой командовал ты. И по твоему приказу он вернулся на целый час раньше.

— Ладно уж, — пожурила его Ут Нью, — ступай переоденься да помолись. Полдень на дворе, а ты все околе-сипу несешь.

Когда капитан ушел во внутренние покои, долговязый журналист подошел к виновнику торжества и тронул его пальцем за подбородок:

— Здравия желаю, командир!.. — И добавил еще какую-то фразу не то по-французски, не то по-английски. Никто ничего не понял, только мать ребенка густо покраснела.

Тут вошел капитан Лонг, уже в штатском: на нем были серые тергалевые брюки и белая рубашка. Малыш, хоть и не узнавал еще людей в лицо, на сей раз его не испугался.

Лонг взял сына на руки и, стоя среди прохаживавших-

ся взад-вперед гостей, глядел, как мать наливает вино из кувшина в поставленные на алтарь тринадцать маленьких рюмок.

— Видишь, сынок, — ласково говорил он, — как бабушка молится за тебя, чтобы ты рос здоровым и веселым? Прислушайся-ка! Слышишь, да? Ну, улыбнись же! Улыбнись, сынок...

Он целовал сына в пухлые щечки, в крохотный его «стручочек», смеялся, шутил. Потом, подняв глаза, снова увидел мать: в мерцающем свете тринадцати свечей она стояла у алтаря, держа в руках тринадцать курившихся пряным дымком благовонных палочек, кланяясь и бормоча молитвы. Он перестал играть с ребенком и затих в каком-то смутном волнении.

— Всемилоостивейший Будда!.. — взывала Ут Нью. — Тринадцать святых матерей-прародительниц... тринадцать отцов-прародителей.

Прислушиваясь к ее молитве, капитан молча обнял сына. Тетуська Тин заметила на лице его печаль и тревогу.

Глава 13

Среди гостей, приглашенных на день рождения, длинный как жердь журналист с висевшей на плече фотокамерой был самым странным. Проще говоря, чужаком. Его только прошлым вечером привезли на моторке с другой стороны реки, ночевал он прямо в блокгаузе вместе с капитаном, а потом сопровождал капитана — с самого утра и до конца операции. Ему еще не было сорока, долговязый, со впалой грудью, он похож был на сушеную каракатицу; длинные волосы свисали с затылка, впалый рот, нижняя губа торчком — вся серая, как бывает у курильщиков опиума (да он небось и курил), выкаченные глаза, точно улитки, вылезшие из раковин. Вдобавок к своей наружности он был еще и ужасно заносчив. Висевший на плече фотоаппарат вряд ли отягощал его, но ходил он как-то скособочившись. И ни на кого не обращал внимания, даже на начальника полиции и депутата Фиена. Они оба ловили его взгляд, чтобы поздороваться, вступить в разговор, но он упорно не замечал их. Ему и на месте-то не сиделось и не стоялось, все расхаживал, кривобокий, из стороны в сторону; то на потолок глянет, то на реку, то к

алтарю повернется и ни на чем не задержит взгляд. То головой вдруг кивнет, то улыбнется, чему, кому — непонятно. Начальник полиции сидел в кресле, наклонясь вперед, и профессиональным взором наблюдал за журналистом. Тот ему явно не нравился. Вдруг опять сверкнула вспышка. Фотокамера мелькнула перед самым носом у стража порядка, он даже вздрогнул и не успел принять подобающую позу. Смутился ли он или разгневался — неизвестно, но отвернулся и принужденно кашлянул.

После молитвы наконец начался пир — обильный, веселый и шумный.

Вокруг особого подноса с яствами для самых уважаемых гостей уселись депутат Фиен, начальник полиции Ба и журналист со своей камерой. Здесь же сидели хозяева — капитан Лонг и его мать. А уж она не преминула пригласить и усадить рядом с собой старую свою подругу. Тетушке Тин вовсе не по душе было это общество, но ей нужно было знать, о чем пойдет у них разговор — для этого, собственно, она явилась сюда сегодня и собиралась приходить впредь. Перед началом пиршества капитан представил присутствующим господина с фотокамерой: это, сказал он, журналист Чан Хоай Шон; они знают друг друга с детских лет, подружились еще со школьной скамьи. Начальник полиции, широко раскрыв глаза, глядел на газетчика, словно говоря: ах, вот как, ну задирай тогда нос сколько душе угодно. Все, за исключением, разумеется, двух старушек, до краев наполнили рюмки рисовой водкой и чокнулись, произнеся несколько коротких слов. Один лишь журналист поднял рюмку выше головы и опустил, ни с кем не чокнувшись. Ему, казалось, даже лень было подцепить палочкой мясо с тарелки и положить себе в рот. Это создавало страшное неудобство для полицейского: от природы обжорливый, он вдобавок еще проголодался, но не мог навалиться на угощение. И только косился на соседние подносы: уж там-то все уписывали яства за обе щеки.

Вот бы и ему так! Но, как он выразился потом, из-за этого кретина журналиста ему приходилось все надкусывать с краешку, как котенку. В это время агитационный самолет «дакота», выкрашенный в белый цвет, прежде чем покинуть поле боя, снизился и описал круг над деревней. С неба раздались пространные слова прощания, следом полилась музыка. В трепете струн — это было вступ-

ление к старинной печальной песне — звучала прямо-таки скорбь, усугублявшаяся воем моторов. Потом чей-то голос запел.

Капитан Лонг опустил палочки:

— Слышите, Шон? Разве это, с позволения сказать, работа?

По мнению капитана, командовавшего операцией, победоносное ее завершение надо было приветствовать бодрой, героической музыкой.

— Эх, перепутали кассеты! — воскликнул он, подняв глаза к потолку, словно обращался к экипажу «дакоты».

— Нет, — сказал Чан Хоай Шон, — эти молодцы кассеты не спутают. Они своей скорбной песней оплакивают вашу «умиротворенную зону», предрекая: рано или поздно она будет потеряна.

Тетушка Тин еще ни разу не видела людей, которые осмелились бы говорить нечто подобное в присутствии официальных лиц. И невольно прониклась к журналисту симпатией. Начальник полиции — он как раз впился зубами в здоровенный кус жареного мяса — теперь уж оскорбился всерьез, перестал жевать и злобно уставился на журналиста. Однако хозяин дома не только не выразил неудовольствия, но даже рассмеялся; стало быть, и гостю гневаться дальше было бы неприлично. А депутат Фиен сидел себе как ни в чем не бывало, и, глядя в узкие, сощуренные глазки его, никто был не догадался, о чем он думает.

— Чего уж, — говорил капитан журналисту, — они теперь как краб со сломанной клешней. Ничего сделать не могут. Ведь мы с начала и до конца операции ни разу не вошли в соприкосновение с неприятелем. За всю свою солдатскую жизнь ни разу не видел такой безопасной операции, как сегодня. Ни одного раненого, ни единой капли крови...

Он добавил несколько фраз по-английски, но их никто не понял.

Журналист знай себе ухмылялся, сохраняя на лице все ту же пренебрежительную мину. Решив поддержать хозяина дома, начальник полиции спешно проглотил неразжеванный кусок мяса, медленно опускавшийся по его длинному, как у индюка, горлу, судорожно глотнул воздуха и громогласно заявил:

— Смее уверить вас, пока мы трое, столпы порядка и власти, живы, им нечего и мечтать о захвате района.

Журналист задрал голову и рассмеялся:

— Господин начальник полиции совершенно прав, если уж они захватят этот район, вы в живых не останетесь.

Полицейский понял, что ляпнул чушь. Но, будучи человеком полуграмотным, почел за благо не препираться с речистым газетчиком, только покраснел от досады. Журналист тоже не счел этот предмет достойным спора и не выразил ни малейшего удовлетворения одержанной победой. Он взял рюмку с водкой, отхлебнул глоток и, покачивая ногой, уставился в потолок, явно думая о чем-то своем.

— Я, господин начальник полиции, хотел бы посетить вашу тюрьму,— вдруг сказал он.

— У вас там есть знакомые? — спросил полицейский.— Кого вы хотели бы посетить?

Журналист, ничего не ответив, усмехнулся и покосился на хозяина дома: мол, поддержи разговор. И капитан пояснил:

— Господин Чан Хоай Шон хотел бы посетить тюрьму как журналист.

Тот снова затряс ногой, отпил еще глоток водки и спросил с неожиданной запальчивостью:

— А вам известно, господа, почему мы еще не победили Вьетконг? Если, конечно, не сказать, что войну-то мы проиграли...

Он окинул взглядом обоих именитых гостей и продолжал:

— Во-первых, потому что мы слишком жестоки. Во-вторых, мы окончательно погрязли в коррупции и вымогательстве. Я вспоминаю историю всех государств былых времен и, право, не нахожу ни одной столь же разложившейся администрации, как наша.

Начальнику полиции и депутату точно нож вонзили в самое сердце, они и на месте усидеть не могли, и шевельнуться боялись. Полицейский, выпучив глаза, вперил их в журналиста, как бы не узнавая его. Депутат — он до сей поры держался невозмутимо, мол, его дело сторона,— заморгал, завертел своими узкими глазками. Начальник полиции считал себя лично задетым, ведь он-то как раз и был известен своей жестокостью: при французах исполнял обязанности палача в отряде хоахао — резал глотки, закапывал живьем, убивал людей и бросал трупы в реку. На

этом он сделал карьеру, дошел до командира роты, а теперь вон заправляет целым районом. Ну а депутата Фиена уязвило упоминание о коррупции. Раньше он был владельцем крупной фермы. При Нго Динь Зьеме его избрали в депутатскую комиссию. Тогда он еще действовал с оглядкой, остерегался и брал «по-малому», что совали тайком. Сам ничего не вымогал и не требовал. Потом пришли американцы, и он, уверовав, что Вьетконгу теперь не победить, стал грабить направо и налево. Воздвиг себе виллу с холодильниками и телевизорами, рядом, у причала, стоит глиссер, а для передвижения по суше есть мотоцикл «хонда». Недавно начальник полиции приобрел катер, возить пассажиров по реке — как-никак дело доходное. Депутат же «изыскивает» необходимую сумму для покупки автобуса. Они — и об этом знает вся деревня — поделили сферы влияния. Пожива от односельчан — депутату, а уж обчищать людей из освобожденных районов — дело начальника полиции. Неожиданная эскапада журналиста обоим пришлось не по вкусу. Капитан Лонг, единственный из всего «триумвирата», казался довольным.

— Видите, тетушка Тин,— улыбнулся он,— в рядах поборников «национального государства» есть еще достойные люди. Мы боремся с коррупцией.

— Да вы пейте, пейте,— вместо ответа предлагала им Тин.— И вы, господин журналист, угощайтесь.

— Благодарствую, не беспокойтесь, я сам.— Он накрыл ладонью свою рюмку и заговорил с прежним жаром:— До сих пор мы еще держались. Пусть отнюдь не незыблемо, но... Наш режим как корабль в открытом море в непогоду — держится на плаву, но качается, качается все сильнее!

Он закивал головой, словно хмелея. И больше не сказал ни слова, ничего не ел, с пренебрежительным и пресыщенным видом откинулся на спинку кресла и устало глядел на всех.

Начальник полиции Ба, то и дело озиравшийся вокруг, первым встал и попросил разрешения откланяться: его, мол, еще ждут дела. Он сел на свою «хонду» и помчался напрямик к полицейскому посту. Потом уже тетушка Тин узнала, что он остановился у тюрьмы, приказал отворить двери и крикнул внутрь, чтобы все его слышали:

— Слушайте меня, вы! Тут на днях явится в тюрьму один тип. Кто пожалуется на жестокое обращение, пусть от меня пощады не ждет!

От жары ли, от гнева или от выпитой водки он расстегнул на себе все пуговицы и обмахивался полой рубашки. Вытатуированная у него на груди оскаленная тигриная морда казалась менее свирепой, чем собственная его физиономия.

Глава 14

Со временем капитан Лонг свыкся с присутствием в доме тетушки Тин и младшей ее дочери. И стоило им почему-либо не явиться, сама Ут Нью или ее невестка с малышом на руках отправлялись к Тин узнать, все ли у нее в порядке. Конечно, первопричиной этих взаимных визитов был ребенок. Здоров ли он был, весел, или случалось что-нибудь — всегда и по любому поводу требовались советы и присмотр тетушки Тин. Она стала как бы личным врачом мальчика, и даже отец его выказывал ей всяческое почтение.

Вот и наутро после дня рождения, должно быть из-за перемены погоды, у ребенка поднялась температура. В таких случаях капитан, как бы ни был он занят, бросал все и ехал домой — побыть рядом с сыном. Госпожа Ут Нью зашла к тетушке Тин и попросила прийти осмотреть ребенка. Тетушка, само собой, явилась, подруги разговорились, и заодно Тин услышала беседу капитана Лонга с его другом-журналистом.

Старухи, устроившись в доме на длинном китайском диване, жевали бетель. А на веранде, за темно-коричневой стеной из досок — на них пошло дорогое дерево чу, — друзья пили кофе. Капитан сидел в кресле, а журналист расхаживал по веранде: подойдет иногда к столу, отхлебнет глоток, поставит чашку на место и снова ходит взад-вперед. Ходил он медленно, дойдя до стены, резко, как солдат, поворачивал назад и опять шел неторопливым, размеренным шагом. Так они и говорили друг с другом. Вспоминали Сайгон и тамошние злачные места, свое золотое время, когда один был лейтенантом парашютистов, любимцем президента Нго, а другой — модным журналистом.

— Только теперь, — Шон стоял посреди веранды, как актер на сцене, — когда вот-вот стукнет сорок, у меня открылись глаза: что же, собственно, представляет собой наш

идеал? — Он пожал плечами, нижняя губа его еще сильнее выдалась вперед.— Твои ровесники, кем они стали теперь? Генералами! А ты по-прежнему проливаешь кровь... Или возьми моих однокашников. Все как на подбор парламентарии, политические боссы, а я... Я здесь болтаю всякий вздор.

Он повернулся спиной к собеседнику и зашагал к противоположной стене, но вдруг резко обернулся:

— Судя по вчерашней операции, ты стал отличным офицером. Рад за тебя. Противник даже не оказал сопротивления!..

Вчера капитан Лонг вел себя осторожней, чем в предыдущих карательных операциях, проводившихся с тех пор, как его перевели сюда. По идее это была операция по «искоренению» партизан, но он так наметил направления для действий своих солдат, что они практически оставались вне досягаемости партизанского огня. Не решившись бросить их на сады, он предоставил им обыскивать и прочесывать заведомо пустые заросли тростника и бурьяна в диком поле. И сам он тоже курсировал по этому полю под заслоном целого подразделения и надежно прикрытый с воздуха вертолетами... За все годы своей военной службы он лишь однажды испытал такой страх, что потом никак не мог его забыть. Тогда он в чине лейтенанта служил комендантом форта на острове Фукуок. После государственного переворота подобная незавидная участь постигла всех любимцев покойного президента Нго. Парашютные части были расформированы, офицеров отправили кого куда. Лонг, угодивший на этот жалкий, затерянный в океане клочок суши, ожесточился и решил при каждом удобном случае выказывать свое бунтарство. В этом он, надо сказать, быстро преуспел. Так, он перестал отдавать честь даже начальству. Зато всякий раз, зайдя в питейное заведение, прежде чем откупорить бутылку, ставил ее на самое видное место, а сам, щелкнув каблуками, становился навтыжку и козырял, точно национальному знамени. Чем и прославился среди солдатни и завсегдаев пивных, получив кличку «винопоклонник».

Но вот в один прекрасный день на этот богом забытый остров прибыл в качестве советника американский офицер, тоже в чине лейтенанта. Звали его Джим. Он был сослан сюда за контрабандную торговлю. Отныне в ссылке в одинаково незавидном положении томились два лейте-

нанта. Но Джим ни на минуту не забывал, что он является подданным Соединенных Штатов, и жаждал совершить какой-нибудь подвиг, чтобы со славой вернуться в веселый Сайгон. Лейтенант Джим говорил Лонгу: «Я слышал, вы способный офицер, но только талант ваш направлен не на искоренение Вьетконга, а на всякие лихие выходки и бахвальство. В джунгли, где засели партизаны, вы и носа не кажете, зато регулярно совершаете набеги на местные бары и пивные. Не иначе сам господь бог послал меня вам в помощь, чтобы умиротворить весь остров». «Что ж, завтра и начнем!» — ответил ему Лонг. (Историю эту он рассказывал сейчас своему другу-журналисту.) На следующее утро они выступили в поход против ближайшей из партизанских деревень. Двигались по проселку. Впереди шел Джим, за ним Лонг с полусотней солдат. Все местные жители куда-то попрятались. С шести часов и до девяти им не встретилась ни одна живая душа, не раздалось ни единого выстрела. Они все шли и шли. (Так продолжал свой рассказ капитан Лонг.) Вдруг американец обернулся. Он был очень бледен. Лонг даже испугался. «Почему? — закричал Джим. — Почему вокруг такая дьявольская тишина, лейтенант?!» Лонгу невольно стало жаль его. «Здесь ви-си раз два и обчелся, — ответил он. — Я сам исходил все вдоль и поперек и не встречал ни малейшего противодействия. Под конец надоело даже». Лицо Джима сразу повеселело.

Отряд двинулся дальше по безлюдному проселку. «Знайте же, — расхвастался американец, — во имя торжества антикоммунизма я исколесил весь мир. Был в Корее, в Малайе, а теперь...» Он сорвал с головы фуражку и громко крикнул что-то, готовясь во главе отряда преодолеть темневший впереди перелесок. Перехватил — так он выглядел повнушительней — автомат и ринулся вперед... И тут прозвучал выстрел! Неожиданный одиночный выстрел, показавшийся среди этой немыслимой тишины просто ошеломляющим. Лонг, не успев еще сообразить, что к чему, увидел, как американский лейтенант — он мог до него дотянуться рукой — вдруг схватился за грудь, покачнулся и рухнул наземь. Отряд моментально залег и открыл ответный огонь. Но на этом все кончилось. Противник сделал всего один выстрел — этим выстрелом был убит американский советник — и замолчал... После боя — если можно его так назвать — на Лонга пало по-

дозревание: не он ли убил американца. К счастью, один младший лейтенант сил безопасности, свидетельствуя в его пользу, восстановил истину. Это был постоянный собутыльник Лонга, пропивавший ежемесячно треть его зарплаты...

— На поле боя, — сказал капитан, завершая свой рассказ, — если обе стороны ведут перестрелку, я сразу вспыхиваю как порох. Единственное, чего я боюсь, — это внезапных одиночных выстрелов, одной-единственной пули... Планируя вчерашнюю операцию, я знал: сады на берегу канала — боевая позиция партизан. И потому с самого начала боя держался от них подальше. Хочешь верь, хочешь нет, я извелся от страха — все ждал одиночного выстрела. И конечно, хотелось вернуться на день рождения сына.

— Ну что ж, ты умеешь жить! — Чан Хоай Шон снова резко остановился посреди веранды. — А я... Да, чуть не забыл рассказать. Твой начальник полиции не понравился мне с первого взгляда. И интуиция не подвела. Вчера вечером зашел к одному знакомому и услышал прелестную историю. Господин Ба вымогал у него деньги, и тот взмолился: «Сжальтесь, скостите сумму! И благородство ваше зачтется ващим потомкам...» Знаешь, что он ответил? «Кто печется о грядущих поколениях, идут во Вьетконг. А я — изменник, и мне подавай все сейчас же». — Журналист расхохотался: — Человек избрал свой жизненный принцип и действует прямо как рыцарь — в открытую! Ты, друг мой, тоже сам себе судья. Ну а я — я хочу воссоздать историю такой, как она есть. Что творится здесь, на вашей стороне, я уже знаю — желаю теперь взглянуть, каково там, на другой стороне.

Вдруг он повернулся и шагнул во внутренние покои, где шептались на диване старые подруги. Хозяйка все вспоминала прошлое, давно отлетевшие прекрасные дни, когда, после смерти старшей жены ее мужа, она, в прошлом простая служанка, стала хозяйкой дома, супругой деятеля Льен-Вьета. Как часто собирались тогда в их доме друзья... Тин кивала, поддакивала, а сама прислушивалась к голосам на веранде. Глянув на вошедшего журналиста, она сразу поняла: он хочет поговорить с нею, и поздоровалась первой.

— Простите, почтенная тетушка, могу ли я вам задать вопрос?

— Конечно, спрашивайте, дружок.— Она старалась быть любезной.

— Скажите, нет ли у вас в семье или среди ваших близких сторонников Вьетконга?

— Да, есть! — Он, признаться, застал ее врасплох, но она быстро овладела собой.— Это мой сын.

— Неужели? — Журналист явно обрадовался, даже лицо его посветлело.

— Но его уже нет в живых: он погиб в сорок восьмом году, в бою с французами, близ устья реки, за базаром.

— Ах, как жаль! — разочарованный журналист вздохнул.— Если вы кого-нибудь знаете там... на той стороне, прошу, передайте им, что я хотел бы побывать у них. Как журналист, всего несколько дней.

— Что вы! Вот и госпожа Ут Нью подтвердит, я все эти годы прожила здесь, где власть принадлежит нашему «национальному государству». Стараюсь забыть прошлое и ни с кем с той стороны не имею дела.

Он поглядел на нее и усмехнулся как-то непонятно, но злости в улыбке его явно не было.

— А у меня,— сказал он,— тоже есть родственник на стороне Вьетконга. Мой старший брат живет сейчас на Севере. Что ж, благодарю вас, тетушка.

Он поклонился, прощаясь с ней, и вышел. Вернувшись на веранду, он заявил капитану:

— Нет, я должен стать свидетелем истории! — Он был явно взволнован, голос его срывался, и даже руки дрожали.

После разговора, подслушанного тетушкой Тин, она поняла, как много внешнего, показного в характере капитана Лонга. Самонадеянность его, удаль, жажда подвигов — все оказалось сплошной бравадой. Нет, это вовсе не богатырь могучий и непреклонный. Страх овладевал им теперь, и жизнь его, наполняясь горечью, рушилась.

И, спускаясь по лестнице капитанского дома, она подумала: надо непременно ввести сюда Шау Линь...

А нынче вечером она пришла к супругам Бай Тха, чтобы встретиться с Шау Линь и увести ее к себе домой.

— Ну ладно, надо идти,— сказала тетушка Тин.— В следующий раз продолжим наш разговор. Не стоит возвращаться слишком поздно. Собирайся-ка, милая! Привет от меня всем передавайте.

На наблюдательный пункт Ут До мы вернулись в полночь — на моих часах было 0 часов 15 минут. Отсюда партизаны разошлись — каждый в свою сторону. Малышка Ба с подругами спустились к причалу, сели в лодку и уплыли куда-то вниз по течению: завтра с утра им надо было продолжать сбор манго. Тяу с парнями отправились пешим ходом по большаку вдоль канала.

Лишь мы втроем остаемся ночевать на наблюдательном пункте — Ут До, Нам Бо и я. При тусклом свете копилки — все с той же фотографией улыбающейся девушки — мы разворачиваем нейлоновые накидки и прикрепляем их к бамбуковым стоякам знакомого дома, спрятавшегося под кронами манговых деревьев. Мы с Ут До подвешиваем свои гамаки по краям, уступив средние стояки Нам Бо — в случае дождя его не зальет водой.

Выглядит он после приступа лихорадки усталым и изможденным, но рассказ тетушки Тин, судя по всему, не выходит у него из головы. Мы гасим копилку, и ночной мрак в саду сразу сгущается, друг друга уже не разглядеть; но по голосу Нама я понимаю: он лежит на спине, глядя на небо сквозь просветы в листве, и спать не собирается, напротив — возбужден и взволнован.

— Ну как, прав я был? — спрашивает он и так сильно раскачивает свой гамак, что толкает меня в бок.

— В чем прав? — переспрашиваю я.

— Теперь главная сила — женщины. Разве не так?

— Но... — Я все равно не понимаю его.

— Мы с вами обречены сидмя сидеть тут!

Наконец мне все становится ясно. Мы с ним, двое мужчин, прибывшие сюда из штаба, лежим себе прохлаждаемся на НП, а Шау Линь в нескольких километрах от нас, рискуя жизнью, пробирается в оккупированную зону.

Нынче ночью Шау Линь — под видом Ут Шыонг, младшей дочери тетушки Тин, — отправилась вместе с нею в стратегическое поселение. Шау надела широкие, схваченные у щиколоток штаны и белую блузу, деревянные сандалии на высоких каблуках, повязала голову синим полосатым платком так, чтобы он прикрыл и большую часть лица, как это делает Ут Шыонг, когда на своем велосипеде везет мать по проселочной дороге на глазах у односельчан. Шау Линь повезла тетушку Тин домой по этому самому

проселку. Ну а Ут Шыонг заночевала у супругов Бай Тха; утром вместе с хозяйкой отвезет на базар плоды манго, а оттуда, как ни в чем не бывало, вернется домой.

Готовя заранее появление Шау Линь, Ут Шыонг сперва притворилась, будто ее сразил тяжкий недуг, слегла и несколько дней не вставала с постели. Потом соседям сказали: она, мол, стала плохо слышать и разговаривать с ней надо погромче. И хоть она не совсем еще оглохла, люди прозвали ее Глухая Ут. «Занедужив», Ут все чаще затворялась дома, почти не выходила без матери. И начала укутывать голову синим полосатым платком, да так, словно хотела и лицо свое скрыть от чужих глаз. Холостые парни — они повадились было прогуливаться перед ее воротами — все реже появлялись у дома. Если при встрече знакомые здоровались с нею, Ут не оборачивалась даже, никому не отвечала. Кое-кому из парней, не ведавших про ее хворь и потому считавших, что она загордилась, тетушке Тин пришлось давать объяснения. «Какая там гордыня,— говорила тетушка,— она уж месяц, считай, как оглохла. Зря только здороваетесь с нею!» Соседи жалели Ут: надо же, девушке только-только двадцать лет исполнилось, собою пригожая, добрая, покладистая, и вдруг — такая беда. И поделаться ничего нельзя! Жалеть-то они ее жалели, но при встрече уже не здоровались, не заговаривали.

Когда Шау Линь садилась на велосипед, мы с восхищением взирали на нее сквозь ночной сумрак — до чего похожа на Ут! Жена Бая прямо слов не находила: «Ну и ну! Вылитые близняшки! Помни только, ни с кем не здоровайся...»

На самом деле Ут Шыонг и Шау Линь совершенно разные. Шау — двадцать шесть, Ут — двадцать. Одна смуглая, у другой лицо посветлее. Волосы, глаза, жесты — все у них разное. Только ростом схожи — обе невелички. Спутать их никак невозможно. И все же сегодня Шау, одетая точь-в-точь как Ут Шыонг, должна пройти сквозь частую сеть вражеского контроля. Тут завалиться можно за здорово живешь. Беспокойство, тревога томили меня. Да, я слышал последнюю фразу Нам Бо, но не нашелся с ответом.

— Скажи, Ут,— спрашиваю я молчавшего до сих пор Ут До, — если все обошлось, Шау уже у цели?

— Сам волнуюсь ужасно,— отвечает он.— Ее запросто могли задержать...— Он вдруг садится в своем гамаке, по-

отвечал отец, — невезучий я, так уж будь по-твоему». «А я, — сказала мать, — предрекаю сразу: быть ему слугой, как и всем в роду. И имя ему даю «До»¹, чтоб было удобнее...»

Но вырос Ут До, и ему не пришлось идти в услужение — ни к кому, ни на один день. Однако прежнюю жизнь семьи — нищету и маету — запомнил он навсегда. В пятьдесят пятом, год спустя после ухода Народной армии на Север (ему тогда было одиннадцать лет), стал он связным у подпольщика. Партиец этот оказался его земляком и даже дальней роднею, работал он в Крестьянском союзе. Теперь он — секретарь уездного комитета партии. А сам Ут До был особенно счастлив потому, что мать его, прежде чем закрыть навеки глаза, узнала: нет, младшенький ее не пошел в услужение, он стал человеком Революции, бойцом с винтовкой. И отец, до того как умер от старости, увидел: меньшей его сын теперь в почете, шутка ли — помощник партизанского командира всей общины. Всякий раз, как заходила о нем речь, друзья-старики говорили отцу: «Да-да, ваш партизанский начальник, он...» И отец хоть остаток дней своих прожил ни перед кем не опуская глаз.

— Так что, — повторил Ут До, — мне любые тяготы нипочем!

Тут он не удержался и завел речь о самых что ни на есть тягостных днях, выпавших на его долю. Когда неприятель развернул операцию по «умиротворению», на хуторе Садовом не осталось никого из бывших его товарищей. Пришлось ему зарыть винтовку в землю, уйти в подполье и силою убеждения завоевывать на свою сторону каждого земляка. «Миротворцы» в черных баба и с пистолетами под одеждой, как орда муравьев, расползлись по домам. Ут До, вымазав лицо илом, затаился в банановых зарослях за домом знаконца своего Бай Тха и сидел там с утра до вечера без еды и питья. По вечерам он ощупью доползал до канавы, выбирался в поле и, добравшись до партизанской стоянки, закусывал чем бог пошлет и брел обратно. К полуночи он возвращался в сад Бай Тха и снова застывал без движения, точно глыба земли. Наконец на третий день жена Бая вышла в сад — срезать цветок банана².

— Сестрица Бай! — раздался вдруг чей-то голос.

¹ Прислужник.

² Кожура банановых соцветий употребляется в пищу.

Та огляделась в удивлении, но, никого не увидев, снова подняла тесак.

— Сестрица Бай! — Голос зазвучал погромче.

На этот раз она выронила тесак, вонзившийся острием в землю.

— Не бойся, сестрица, это я, Ут До. Обмазался илом и сижу здесь.

Пригляделась она и видит: глыба земли за соседним стволом банана вроде глазами моргает. Побледнела, затряслась.

— Не бойся, — говорит голос, — это же я, Ут До!

— О небо, это и вправду ты, Ут?.. — Она запинаясь. — Мне-то и невдомек, что ты тут сидишь. Как там наши, все живы-здоровы?

— Ты как-нибудь проводи меня в дом. Когда стемнеет и эти молодчики пойдут ужинать, договорились? А теперь возвращайся и виду не подавай...

В доме у супругов Бай Тха дежурили трое «миротворцев» — заняли широченный топчан посреди комнаты.

Под вечер, едва стало смеркаться, вся троица отправилась на другой конец деревни: там один фермер, из тех, что побогаче, устраивал для «миротворцев» угощение. Тем временем Ут До пробрался в дом и притаился в боковой комнатушке.

— Скрючился в три погибели, лишь бы господ «миротворцев» не беспокоить. Перегородка меж нами тонюсенькая, из расплющенных бамбучин. Страшное дело, не то что здесь — качаемся в гамаках...

Он затянулся сигаретой, отбросил подальше окурочек и, откинувшись, растянулся в гамаке; столбы под его тяжестью дрогнули и зазаскрипели.

Разговор, затеянный Нам Бо, сам собою повернул, как говорится, в другую сторону — на дела Ут До. Не знаю, что думал сам Нам Бо, но меня хитросплетения жизни Ут До увлекли чрезвычайно.

Мы замолчали, каждый думал о своем. Время перевалило за полночь, стало свежо. Я достал кусок парашютной ткани, накрылся с головой и решил: помолчу-ка и ни о чем больше не буду спрашивать, пусть ребята поспят. Но Ут До знай себе раскачивался со скрипом в гамаке. Вспыхнула спичка — он прикурил новую сигарету. И вот уже три гамака качаются и три сигареты дымят, как паровозные трубы.

— Что ж,— опять заговорил Ут До,— так и будем качаться до скончания века? Когда же управимся, братцы? Половодья дожидаемся или суши?

Я понимал: он прежде всего ждет ответа от Нам Бо. И промолчал. Да и что я мог ему сказать? Нам Бо тоже медлил с ответом: жизнь — сложная штука, сколько всего наверчено; поди разберись, когда это все разрешится? Наконец огонек сигареты зарделся поярче, и Нам подал голос:

— Придется еще потерпеть, вот задует северный ветер...

Услышав слова Нама, я повернулся в гамаке; упоминание о северном ветре заставило сердце мое забиться сильнее. Я знал его, этот ветер, осушающий поверхность земли, едва отступает паводок. Он дышит прохладой и приносит с собой воспоминания далекого детства... Красные ломти арбузов... Быстрые ласточки, полевая страда... Парящие в небесах бумажные змеи.

— Нынче днем,— продолжал он,— мы с Шау так и рассудили. А ты не согласен, Ут? Сам посуди, наши силы сейчас все равно что разобранный бомба. Взрыватель, корпус, взрывчатка — все врозь. Каждая часть налицо, а взорваться бомба не может. После недавней операции по «умиротворению» народ угнали, да и наши люди рассыпались кто куда... Надо всех собрать, скрепить воедино. Вот мы с Шау и прикинули, как быть. Я просил подготовить все, хочу сходить в оккупированную зону...

Итак, Нам вместе с Шау будет работать во вражеском тылу. И сейчас, разговаривая с нами, он в мыслях своих был вместе с нею, не отставал от нее ни на шаг. Этой ночью Шау пройдет мимо его дома. Старый дом Нама на том же хуторе, что и дома повитухи Тин и капитана Лонга. Раньше его называли имение Митхань и относилось имение это к общине Михьонг. Если идти вдоль берега по течению, от базара Вам до дома Нам Бо будет шагов триста, а там — рукой подать — дом Лонга, потом дом тетушки Тин. Дом Нама у самой реки, крыльцом повернут к мощенному камнем большаку, пересекающему деревню. Сам-то дом невелик и стоит на сваях. Рядом у реки жили столяры да плотники, знаменитые на всю округу. Что ни день подходили к тамошней пристани лодки, баркасы; нагружаются столами, стульями, шкафами,

отчалил — и ходу: кто вверх по реке, кто к устью. А на их место подплывают другие. Люди называли хутор этот Коммунистическим.

Сам-то Нам Бо вопреки своему прозвищу Пятый Бо был в семье вовсе не пятым, а вторым ребенком — старшим из сыновей. Дед его по матери, искусный столяр, всегда имел множество учеников. А отец Нама родом вовсе не из их деревни, судьба занесла его сюда из городка Хокмона, что подле Сайгона. В тридцать первом году, когда дули северные ветры, наполняя паруса бежавших по реке джонок, отец Нама был гребцом на одном из таких суденышек, причаливших к здешней пристани. И хозяин джонки, прежде чем отойти от причала, упросил мастера взять к себе в обучение одного из гребцов, своего родича.

Лодочник этот — а он оказался искусником, весельчаком, да вдобавок еще и большим разумником — вышел вскоре в первые ученики. Однажды дочь мастера вытряхивала пыль из циновок и подушек, на которых спали отцовы ученики, и вдруг из одной наволочки выпало письмецо. Написано оно было первым учеником и адресовано его матери. Видно, отправить не успел. Строчки тянулись ровнехонько по нелинованному листку, буквы стояли чуть наискось, как бегущие рядом рисовые побеги под легким ветром. И был его почерк красивее даже, чем у сельской учительницы, обучавшей девушку грамоте. Дочь мастера залюбовалась сперва прекрасным почерком, потом — известно ведь, девичье любопытство неодолимо, — стала читать все подряд. А в письме говорилось:

«Уважаемая и любимая мама! Я наконец на месте. Вы уж не упрекайте меня, что давно не писал Вам, и пришлось Вам с утра до вечера стоять в дверях, прислонясь к косяку, дожидаясь моей весточки. Сын Ваш здоров по-прежнему, и дела у него в порядке. Не тревожьтесь обо мне, беспокойство да печаль в Ваши годы вредят здоровью. И простите мне, мама, что я, посвятив себя Родине нашей, не могу исполнить, как надо, свой сыновний долг...»

Дочитала она письмо, и даже слезы на глаза навернулись. Запомнилось оно ей от строчки до строчки, и полюбила она юношу, что пожертвовал всем ради служения Родине.

Потом поженились они, и в положенный срок родился у них сын, мой друг и спутник Нам Бо.

А дело было вот как: отца Нама, сельского учителя, послали к здешним столярам да плотникам с особым заданием. В сороковом году — хоть Наму и было тогда шесть лет, но он прекрасно все помнит — дед посадил его как-то себе на плечи, и пошли они к общинному дому поглядеть на флаг. Там на площади у ворот над верхушкой высокого дерева шао развевался на ветру красный флаг с серпом и молотом. Все, кто плыли на лодках вверх и вниз по реке, видели издали это возвышавшееся над зубчатой зеленой стеною садов огромное древнее дерево, испокон веку наполнявшее всю округу шелестом своих листьев, сливавшимся с плеском волн. Северный ветер гнал купы облаков по бескрайнему прозрачному и синему небу. Флаг алел посреди неба, точно красный огонек. Его еще в полночь водрузил на верхушку дерева отец Нама вместе с друзьями-плотниками.

Красный флаг этот остался в памяти Нам Бо как путеводная звезда, светившая ему всю жизнь. В том же году отца Нам Бо арестовали и сослали на остров Пуло-Кондор¹. О нем у Нама осталось совсем мало воспоминаний; но, странное дело, с годами они не стерлись из памяти, а становились яснее и ярче. Прошло четыре года, и отцу с товарищами удалось бежать с Пуло-Кондора на плоту, отданном на волю ветра и волн. Он вернулся домой в ненастную ночь, на дворе уныло шумел дождь. Спавший уже Нам вздрогнул от долгого поцелуя и чьего-то дыхания, согревшего его щеку. Еще не сообразив, кто это, он не хотел отрываться от горячих ласковых губ, поднял руки и, обняв склонившегося над ним человека, крикнул невольно:

— Папа!

Широкая ладонь накрыла его рот.

— Тихе, сынок.

Через минуту он сидел на коленях у матери, обнимая за шею отца.

— Тебя, малыш, называют сыном коммуниста, — тихонько говорил отец, — даже в школу не принимают, правда? Не горюй, вот подрастешь годика через три, пошлю тебя учиться в Россию...

¹ На острове Пуло-Кондор у побережья Южного Вьетнама находилась каторжная тюрьма для политзаключенных.

Той ночью он впервые услышал о стране Ленина, было ему тогда десять лет.

Теперь младший брат его, переехавший вместе с отцом и матерью на Север, воплотил в жизнь заветную мечту Нама — он учится в Москве.

Однажды летом отца пригласили в Советский Союз на отдых, и они встретились с братом. Тот потом прислал Наму длинное письмо — семь страниц, исписанных убогим почерком. Упоминалось в письме и о том, как отец когда-то давным-давно, вернувшись с Пуло-Кондора, обещал послать Нама учиться в Россию. «Этого сопливца, — подумал Нам Бо, — тогда и на свете не было, а пишет так, будто старший из нас он, а не я. И смех, и грех!» К письму приложена была фотография: трое людей стоят у мавзолея Ленина. Отца не узнать — в пальто до колен и в кепке, одной рукой обнимает за плечи сына, другой — русскую девушку, его подругу по институту.

— Вот счастье привалило! — радостно воскликнул молчавший прежде Ут До. Снова вспыхнула на миг спичка. И я увидел: он опять сидит, поджав ноги, в качающемся гамаке.

— Попади я на Север, — сказал Ут, — первым делом пошел бы к дедушке Хо. Ну а в Советском Союзе — сразу к Ленину. Раздобыл бы их фото, увеличил и повесил потом у себя в доме, пусть дети и внуки мои глядят.

Глубоко затянувшись, он снова откинулся в гамаке.

— И-и... еще-е... я-я... бы... — продолжал он, посаывая сигарету. Послушаешь — чуть ли не собрался уже в дорогу.

Мысленно он, наверно, и впрямь отправился в путь. Сигарета его, то алая, то исчезающая в темноте, мерно попыхивала клубами дыма, точно паровозная труба, а стояки, к которым был подвешен гамак, поскрипывали, как весла в уключинах. И вдруг я почувствовал: обуревавшая его радость передается и мне.

А Нам Бо — сегодня впервые он раскрыл передо мной душу. Ведь больше месяца шли мы с ним вместе; сколько раз во время досуга, когда скука, как говорится, жалила до смерти, я старался завязать разговор, выведать о нем хоть что-то, но был он скуп на слова. Быть может, сегодня, простившись с любимой, он хотел задушевым разговором с друзьями рассеять свое одиночество? Шел

второй час ночи, меня давно клонило в дрему, а он все говорил и говорил...

Проводив отца с матерью и братишкой до парохода, который увез их на Север, Нам Бо из Каоляня спустился на утлой лодчонке в Миань. Там поселился он у старого Бая, мастеровившего ручные мельницы. Бай был последователем буддийской секты хоахао и, как все его собратья, никогда не стриг волос и поклонялся красному полотнищу¹. По его словам, красное полотнище это было знаменем Революции. Он отмежевался напрочь от реакционеров и сына своего отпустил в отряды защиты Отечества².

— Там-то, в Миане,— сказал Нам,— я и столкнулся с этим Ба, нынешним начальником полиции.

— Да ну? — удивился я.

Дело вот в чем: вчера Шау Линь говорила, будто у Нама с шефом полиции какие-то счеты; я полюбознательствовал, какие именно, и она начала было рассказывать, а потом вдруг раздумала. Такова уж их женская натура! Теперь, услышав его слова, я вдруг почувствовал: синь мне совсем расхотелось. Я повернулся на другой бок, опять закурил, свесил ногу к земле и, оттолкнувшись раз-другой, раскачал посильнее гамак. В конце концов я боком задел Нама — это и было тайной моей целью: пусть, мол, видит, что я не думаю засыпать, слушаю с увлечением его историю.

В тот год регулярные части Нго Динь Зьема нанесли урон отрядам хоахао, которыми командовал Нам Лья и здорово теснили их. Нам Лья пришлось оставить район Кайвон и бежать в беспорядке с остатками своих войск. Зьем хотел, чтобы вооруженные силы хоахао вошли в регулярную армию, а руководство секты стремилось любой ценой сохранить их, как было когда-то при французах. Бежавшие отряды хоахао осели в деревнях, расположенных в глубине Тростниковой долины, куда войска Нго Динь Зьема еще не успели добраться. Отряды хоахао строились на основе личной власти, чуть ли не по-семейному. Кому удалось сколотить силой взвод, становится взводным, кто умудрился набрать роту, командовал ротой, и так — сверху донизу. Это было воинство религи-

¹ Основатель секты хоахао Хюинь Фу Шо, отвергая сложный буддийский пантеон и храмовый ритуал, призывал поклоняться лишь красному цвету — как символу учения и духа Будды.

² Речь идет о патриотических вооруженных формированиях.

озных фанатиков, невежд и бродяг. Они хотели опереться на народ, оставаясь закоренелыми мародерами, намеревались сопротивляться неприятелю, не изжив капитулянтства.

Рота, которой командовал Ба, расположилась настой — пять-семь солдат в каждом доме — по обе стороны канала. Сам Ба облюбовал для себя большой дом посреди хутора, но частенько захаживал к старому Баю: он положил глаз на младшую дочь старика. Ут Хао — так звали ее — была в самом расцвете девичества. Здесь-то, у старого мастера, Нам и столкнулся впервые с Ба. Было тогда ротному под сорок — сам дородный и рослый, в черном мундире, на одном боку здоровенный револьвер в кобуре, свисавшей до колен, на другом — длинная сабля; выходец из главарей воровской шайки, орудовавшей на вокзалах, он пялил на окружающих вечно налитые кровью глаза, во всю грудь татуировка — оскаленная тигриная морда, на запястье наколка: 20/10/1920 — дата его рождения. Дыша винным перегаром, выкатив зенки, мутные и красные, как у уклей, он схватил Нама за плечи:

— Экий здоровый парнище, почему не в солдатах? Хочешь к нам? Давай, я тут главный! Беру тебя в меньшие братья.

Наму как раз и дано было такое партийное поручение, он ждал лишь подходящего момента. Ясное дело, Нам сразу кивнул: согласен, мол.

— Но пока, — продолжал ротный, — оставайся дома. Будешь у меня по провиантской части.

Ба явно надумал поживиться дармовой рыбкой: в ту пору Нам Бо и Ут Хао каждую ночь на утлой своей лодчонке выходили удить рыбу.

Итак, Нама приняли в солдаты, выдали ему допотопный французский «мушкетон». И он, как все прочие воины Ба, начал поститься по полнолуниям, хоть они вечно бранились на чем свет стоит, короче — стал побратимом ротного. Потом, в один прекрасный день, сторговавшись со зъемовскими офицерами за «справедливую» цену, вся банда смылась куда-то. Но вскоре вернулась назад и, желая выслужиться перед новыми хозяевами, принялась жечь дома бывших участников Сопротивления и убивать их на месте. Однако ротный не стал поджигать дом старого Бая: они, мол, единоверцы. Он лишь обратился к старику

с одной-единственной просьбой — отпустить с ним Ут Хао. А в подкрепление просьбы ткнул дулом своего револьвера в грудь девушке, чтоб поскорее спускалась в лодку.

Ут Хао не сопротивлялась.

— Ведь вы увезете меня в город? — спросила она.

— Конечно, куда же еще.

— Дайте я хоть одежду соберу.

Ротный возликовал. Он подмигнул солдату, стоявшему рядом с веревкою наготове, чтоб, если понадобится, скрутить девушку: отойди, дескать, в сторонку.

Ут Хао, увязав кое-что из платья в синий с полосками платок, спустилась следом за Ба в лодку. Она даже вызвалась править кормовым веслом, а один из телохранителей ротного греб на носу. Сам же он, как законный хозяин, расселся посередке, скрестив ноги. Уже затемно десятки лодок с награбленным добром отчалили от пристани и вереницей тронулись в путь.

Вдруг, как гром среди ясного неба, прозвучал выстрел. Это Нам Бо, притаившийся за широченными банановыми листьями, подал условный знак. Те из солдат, кого Нам успел сагитировать, тоже начали палить в воздух. Ба не успел понять, что к чему, как на плечо его с силой обрушилось весло. Лодка перевернулась. А вокруг гроыхали выстрелы — суцая баталия. Сам Ба во французском своем мундире, с болтающимся у колена револьвером и длиннющей саблей, с распухшим от удара плечом барахтался в воде, как собака. Солдаты, стоя на мелководье, переворачивали опрокинутые лодки. Когда суматоха улеглась, стало ясно: исчезли сорок с лишним солдат вместе с оружием — выбрались небось на берег, а там их и след простыл. Ротный вдобавок лишился девушки, а он-то уж видел ее своей младшей женой, да и с плечом дело худо. Оставшиеся снова сели в лодки и молча поплыли дальше, к большой реке, — сдаваться войскам Нго Динь Зьема.

Ну а Нам Бо, едва обзавелся он сорока с лишком винтовками солдат хоахао, получил приказ приступить к организации в здешних местах боевой зоны. Оказалось, винтовки эти — первое оружие, захваченное в ходе восстания, и их распределили по всей дельте Меконга.

— Останься Ут жива, — сказал До, — у вас был бы уже взрослый ребенок, правда, Нам?

— Она погибла в ту ночь? — спросил я Нама.

— Нет, позже, за несколько дней до всеобщего восстания.

Что ж, теперь я знал: Нам Бо пережил свою первую любовь. Понял, почему он до сих пор одинок и нет у него ни жены, ни детей. Теперь он полюбил опять. Любимая его где-то там, вдали, пробирается сейчас во вражескую зону, ему не спится, вот он и рад перемолвиться словом с друзьями. Я собрался было расспросить его о смерти Ут Хао, но До опередил меня:

— Во время всеобщего восстания я, мальчишка лет четырнадцати, партизанский связной, вдруг узнал: бойцы Нам Бо на подходе, они будут штурмовать форты. И я вообразил вас почтенным старцем с длинной бородой, как у единорога. Когда Шау впервые привела вас к нам создавать кордон, она поделилась со мной: мол, поначалу решила вас звать «дядей»... Я уж тогда сразу подумал... Ну, Тханг, — обратился он вдруг ко мне, — теперь ваш черед. Расскажите о своей девушке, развлеките какой-нибудь историей. Давайте, давайте...

Мысли мои и впрямь были о девушке. Нет-нет, не о какой-то конкретной особе во плоти и крови... Так, некий изменчивый образ, то близкий, то далекий, ни разу не виданный наяву. Я думал о ней. Нет, это была не Малышка Ба, но на шее у нее розовела родинка, и не Шау Линь, но глаза ее, черные, бездонные, влажные, мерцали, словно вобрав в себя лунный свет... Чтобы развлечь Ут До, я мог бы припомнить немало забавных историй: желаете о войне — извольте, расскажу о боях в Сайгоне весной шестьдесят восьмого; о тяготах и лишениях — подойдет описание перехода по горным тропам Чыонгшона, где вместо риса пришлось есть коренья и листья...

Но нынче ночью, как, впрочем, и всякий раз, стоило завязаться душевному разговору, меня подмывало рассказать об отце. Вспоминая заветное, личное, чаще всего заводят речь о матери... Маме — ласковой и доброй... Ну а я... Мама умерла, когда мне не было и десяти лет. Повязав голову траурной повязкой, я провожал маму к месту последнего ее успокоения, но глаза мои оставались сухими, я не умел плакать. Старший брат — первенец, вечный баловень семьи, учился неважно. Сам я был четвертым ребенком; но, так уж вышло, едва взявшись за азбуку, обнаружил способности и смекалку. Со вре-

менем все упования и надежды, возлагавшиеся на старшего сына, отец перенес на меня. Он отослал меня из дому — учиться. Так я с семи лет оказался в уезде, оторванный от материнской заботы и ласки. От нашей деревни до уездного городка было двенадцать километров; путь шел напрямик вдоль реки по мощенной камнем дороге. Раза два-три в месяц, по воскресным дням, отец приезжал на извозчике проведать меня, а иной раз даже забирал домой на часок-другой, потом отводил меня за руку на стоянку и, отыскав знакомого извозчика, поручал ему доставить меня в школу. Мама моя редко отлучалась из дому, жизнь ее замыкалась семейным кругом, и я сохранил лишь немногие смутные воспоминания о ней. Тот день, когда я без слез провожал ее в последний путь, пожалуй, глубже всего врезался мне в память. И стоит услышать разговоры о маме, воспоминание это оживает во мне отчетливой болью.

Овдовев, отец сам растил детей — петух, как говорится, вывел цыплят. Был он человек обыкновенный, вроде не выделялся ничем, но я всегда горжусь, что у меня именно такой отец. И если бы мне — вообразим на минуту нечто подобное — дали возможность выбрать себе отца из всех людей на свете, я выбрал бы только его...

— Ну, что же вы молчите, Тханг? — стал подзуживать меня Ут До. — Давайте начинайте...

— Ладно, расскажу вам, как я искал своего отца.

— Валяйте, любая история сойдет.

И я начал рассказ. В шестьдесят шестом, в самый сезон дождей, перейдя Чьонгшон, я прибыл к месту назначения. Там-то и признал меня один мой давний знакомец, человек уже пожилой.

Я называл его дядя Ты — Четвертый. Отец, сообщил он мне, перебрался в Сайгон и живет в пригородном поселке Бангко. Деревню нашу он покинул во время кампании по «изобличению коммунистов». Дядя Ты видел отца каждый день. Худой, с лысеющим лбом, отец в черной выцветшей бабе обходил с ящичком в руке улицу за улицей и в домах, где жил простой люд, стриг детей и взрослых. Я сразу вспомнил ящичек, о котором говорил дядя Ты: красный — кое-где краска уже облупилась, — с медной ручкой, изнутри к крышке его было прикреплено зеркало. В ящичке умещались машинка для стрижки волос, ножницы, тонкая роговая гребенка, брит-

ва, пудреница, приспособления для чистки ушей от серы, оселок. С нехитрым этим прибором отец прокормил и вывел в люди целую ораву детей. Он помогал отцу добывать средства к существованию, находить друзей и единомышленников. По словам дяди Ты, отец день за днем, как челнок, протягивал связующую нить между нашими организациями в дни самого черного террора.

Итак, впервые за двенадцать лет я получил известия об отце. Мне повезло куда больше, чем многим нашим товарищам. На Юге после всех этих кампаний по «изобличению коммунистов», выселению, переселению, расселению многие, вернувшись на родину, и два и три года спустя не могут отыскать следов своих близких, не знают, куда запропали их родители, жены, дети!

Дядя Ты время от времени захаживал к моему отцу. Домик отца об одну комнату, крытый жестью, ютился в кривом переулке, поблизости от пагоды. Дядя Ты знал название поселка, помнил дорогу, только, увы, не обратил внимания на одну деталь — номер отцовского дома.

По его совету я отправился в «дома счастья». Ими ведал отдел парткома. Здесь занимались розыском семей кадровых работников и солдат, предоставляли временные пристанища (они-то и назывались «домами счастья») родным и близким, приехавшим на свидание с командирами и бойцами. Маленькие домики — простые, но приятные с виду и со всеми удобствами — стояли на лесной опушке. Отсюда разбегались две тропки, вели они к рынку; рынок этот находился в освобожденной зоне, ряды его вместе с жилыми домами расположились по обе стороны реки. На реке была пристань, к ней два раза в день причаливали рейсовые катера.

Отдел, ведавший «домами счастья», состоял из двух секторов. В первом работали четверо пожилых людей, собственные их сыновья служили в армии; две женщины занимались розыском семей, находившихся в освобожденных районах, двое мужчин — розыском семей, проживавших в городах, занятых неприятелем. Во втором секторе, отвечавшем за прием и размещение гостей, работали молодые девушки.

Я сфотографировался, дал свое фото старому Шау из первого сектора и рассказал ему кое-какие семейные наши истории: при встрече он должен был пересказать их отцу, чтоб заручиться его доверием. Так как номера

отцовского дома мы не знали, старый Шау решил зайти домой к дяде Ты и обратиться за помощью к его жене.

На этот раз Шау предстояло разыскать пять семей, он торопился и уехал с утренним катером.

Чтобы заполнить чем-то долгие дни ожидания, я прибрал отведенный мне домик, укрепил стены и перекрытие бомбоубежища, сходил в лес за дровами, нарубил их помельче, высушил на солнце... Хотел заранее позаботиться об отце — о его питании, отдыхе. Поездка старого Шау была рассчитана на пять дней. Я знал это и все-таки — вместе с четырьмя товарищами, ждавшими, как и я, близких из Сайгона, — каждый день ходил на пристань и высматривал катер.

Под вечер пятого дня мы все пятеро, конечно, сидели на пристани. Наконец до нашего слуха долетел гул мотора, самого катера пока не было видно за лесистой излучиной. Потом катер причалил к пристани. Вместе со старым Шау на берег сошли четыре женщины — матери моих компаньонов.

— А вы как же? — спросил Ут До; он снова уселся в гамаке, поджав ноги.

— Ко мне никто не приехал.

— Но почему?

— Дайте же все рассказать по порядку... Шау обнял меня за плечи и сказал: «На сей раз я виноват перед тобой!» Оказалось, жену-то дяди Ты он отыскал, но позабыл имя моего отца. А там, в Бангко, конечно же, не один бродячий парикмахер. Тетушка Ты обошла с моей фотографией всех знакомых: может, кто узнает меня в лицо. Но кто в Сайгоне мог знать меня?

— Надо же было старику позабыть самое главное! — возмутился Ут До, вновь чиркнул спичкой и закурил. Ему, понял я, стало обидно за меня. — Ну а дальше-то что? — В голосе его слышалось нетерпение.

— Пришлось ждать следующей поездки. Теперь уж Шау перед отплытием протянул мне мое фото и попросил написать на обороте имя и фамилию отца — для гарантии. Явился он опять к тетушке Ты. Взяла она фотографию, прочитала надпись и говорит: «Уж кого-кого, а старого парикмахера Хая знаю как облупленного. Только он здесь больше не живет, вернулся обратно в деревню. Год прошел, нет — поболее...»

Дело вроде давнее, но теперь, чувствовал я, даже

досадное это невезение обернулось для меня приятным воспоминанием, и я ряд был поделиться им с друзьями. Я засмеялся. Пам Бо тоже смеялся, ворочаясь в гамаке. Зато Ут, раздосадованный, рухнул навзничь в гамак и вздохнул.

— Пришлось,— продолжал я,— просить старого Шау съездить в третий раз, теперь уж в мою деревню.

Ут До снова уселся и уставился на меня:

— Ну, встретились вы наконец?

— Сейчас расскажу.

Но у него не было больше терпения.

— Сперва скажите, нашли вы отца или нет? — потребовал он.— А после рассказывайте сколько хотите.

— Нашел!

— Значит, порядок.

Тут в хижину к нам ворвался грозовой ветер. Туго натянутые веревки лопнули, и нейлоновые накидки, захлопав, взметнулись вверх. Слышно было, как по всему саду стучаются оземь плоды манго. Мы вскочили и принялись ловить и привязывать снова к бамбуковым стоякам взбесившиеся накидки. Вдруг загромыхали пушки; так уж заведено: в непогоду вражеская артиллерия всегда открывает огонь. Шквальный ветер и дождь заглушают вой снаряда, и узнаешь о «гостинце», лишь когда он разорвется поблизости. Этой методы неприятель придерживается на всех участках фронта.

Снаряды перелетали через наш сад и с глухим уханьем рвались в глубине поля.

Закрепив наконец накидки, мы опять улеглись в гамаки. С неба сеялся дождь.

— После такого дождичка,— сказал Ут До,— еще денек-другой — и на манго распустятся почки. И мы вас попотчует сео¹.

Слова его направили наш разговор в новое русло, мы перебрали названия блюд, какие готовят обычно в сезон дождей, помянули селедку, раков с креветками, потом перешли к рыбацким байкам...

С ночными разговорами так всегда и бывает: переходят вольготно с одного на другое, переплетаются, точно уток с основой, дальше — больше, а там, глядишь, и соткется из них ткань — сама жизнь.

¹ Сео — тонкие блины из рисовой муки, в которые завернута начинка — креветки, рубленое мясо и ростки фасоли.

— Эй, Ут Шыонг, куда идешь?

Тетушка Тин узнала голос, прозвучавший во тьме. Вот кто, оказывается, так долго шел за ними по пятам — Мыой¹, соседская дочка, вступила, дуреха, в «гражданскую охрану».

— А ты-то куда собралась, Мыой, на ночь глядя?

Тетушка — у нее уже это вошло в привычку — остановилась и вместо «дочери» вступила в разговор. Шау Линь, ростом и статью схожая с Ут Шыонг, закутав синим полосатым платком голову, так что не видно было лица, стояла на обочине дороги за спиною «матери» и, отвернувшись, смотрела в темноту.

— Я? — переспросила Мыонг. — Я иду домой с учений.

— А-а... Там, на хуторе, мальчишку продуло, занемог. Ладно, я пойду, ждут ведь. У тебя ноги молодые, крепкие, ступай-ка вперед.

— Хорошо! — ответила девушка, поправив винтовку, прошла мимо уступившей ей дорогу тетушки Тин и бодро зашагала прочь. Вскоре фигура ее растворилась во мраке, старая Тин и Шау Линь не спеша побрели следом.

Наконец обе свернули в один из дворов. Тотчас отрывисто тявкнула собака. Брагам мало было частой сети сыска и слежки, которой они накрыли всю округу, они заставили еще в каждом дворе держать собаку. По ночам, стоило где-то забрехать собакам, солдаты, полиция, «вооруженная охрана» — все тут как тут. Деревенские ребята иногда нарочно дразнили собак среди ночи, и вся банда сломя голову прибегала на шум. Ничего, думали сельчане, пусть помотаются, попотеют, разоспались небось...

Тин негромко крикнула псу:

— Черныш, свои!

— Черныш! — прикрикнула на него уже хозяйка дома. — Тебе что, жизнь надоела?!

Но умный пес, подав голос, лаять не стал. Да и учуял уже знакомых.

Хозяйка, ее звали По, уложила сегодня детей пораньше, они спали во внутренней комнате. А сама, оставив дверь полуоткрытой, сидела и ждала. Днем ее предупредили заранее, но стоило Шау Линь, войдя в дом, сдвинуть

¹ Десятая.

платок на затылок: мол, вот она я, и Но не совладала с собой.

— О небо! Шау, ты! — Правда, возглас ее прозвучал тихо, как вздох, но глаза сразу покраснели.— Ну как, Шау, все наши здоровы? — спросила она мгновение спустя.

— Здоровы.

— Да ты садись вот здесь. А вы, тетушка, сюда присядьте.

Обрадованная и встревоженная, Но растерялась. Две табуретки заранее были поставлены у стены в укромном местечке: заглянешь в дом — и то не углядишь. Она зачем-то схватила их, но, опомнясь, тотчас опустила на место, вдруг снова взяла и опять поставила. Чайник с заваренным загодя чаем стоял на столе, но хозяйка о нем позабыла.

— Да уймись ты, сядь, посиди с нами,— сказала ей Шау.

Но села и снова давай разглядывать Шау Линь.

— Ты уж лучше повяжись платком,— сказала она гостье и вновь спросила:— Наши все ли здоровы?

— Да-да. Просили непременно зайти проведать тебя.

— Вот как. Беда-то какая! Все ждем не дождемся, когда наконец будем вместе.

— Мы там разделились, ходим собирать для вас манго. В твоём саду небось урожай уже собран.

— Ешьте на здоровье!

— Нет уж, оставим для тебя, детей-то надо кормить.

— Не выдумывай! Ешьте, испортятся ведь. Нам здесь и риса с солью хватит.

— Нет-нет. Если не выберешься за манго, пришлем на дом.

— Как тут выбраться?..

— Завтра все собираются на базаре. Потребуем у властей, чтоб отпустили собрать урожай в садах.

— Неужто? — Глаза у Но заблестели.— Вот это дело! Я-то еще с семьей перебиваюсь кое-как. А те, кто с дальних хуторов, бросили ведь и поля, и пруды рыбные. Ртов-то в каждом доме — сама знаешь, одна надежда на манго. Правильно вы решили! Люди пойдут, и я с ними... Тетушка Тин, вы уж простите, заварила я, растяпа этакая, чай и позабыла напрочь.

— Полно, какой уж тут чай. Лучше поговори с Шау, соскучилась ведь. У нас новость: Нам вернулся.

Но, оторопев, уставилась на Шау Линь:

— Правда, Шау?

— Ага, на днях объявился.

— Ну и как он?

— Да ничего. Ранен был, изменился немного, — ответила вместо Шау тетушка Тин. Потом добавила: — У вас и без меня найдется о чем поговорить, а я лучше выйду, гляну, как там.

Она вышла за дверь и стала ходить вокруг дома.

— Свадьбу-то когда решили справить? — спросила Но.

— Думаем, после освобождения деревни.

— Что ж, оно и верно. Завтра, кровь из носу, выберусь к вам. Столько лет его не видела. Смотри, Шау, Черныш-то как тебе рад.

Старый пес и впрямь признал знакомую. Он ведь был не из тех собак, что велела держать солдатня. Как-никак родился здесь в доме, да и к превратностям войны притерпелся. Вроде человека — слышав канонаду или рев самолетов, бежал в убежище, опережая детисек, и устраивался там под самой стенкой. Во время паводка жил вместе с людьми в лодке; станет, бывало, на носовой скамейке, задерет морду и обзревает небо и воды. Случалось, он даже убегал следом за партизанами, преследовавшими карателей.

Едва Шау Линь уселась на табуретку, Черныш стал вертеться вокруг. Он вилял хвостом, весь изгибался и, словно зная, что шуметь даже на радостях нельзя, лишь чуть слышно поскуливал.

Шау, протянув руку, погладила его по голове:

— Помнишь Нама, Черныш?

— Как не помнить! — отвечала вместо него хозяйка.

Но пес и сам ответил по-своему: засуетился, завилял хвостом пуще прежнего, стал лизать ногу гостье, заглядывать ей в лицо.

— Хватит, хватит, Черныш, — сказала хозяйка, — иди-ка гулять. Завтра возьму тебя тоже в старую нашу деревню.

Пес послушался. Он положил лапы — в знак прощания — Шау на колени и выбежал за дверь.

— Скажи еще раз, — попросила Но, — что намечается на завтра?

— Я, почитай, всех тут сагитировала.

— Да уж слышала.
— Завтра утром люди сойдутся на базаре.
— Ясно. Завтра поутру...
— Соберемся у здания местной управы, потребуем, чтоб отпустили собрать плоды в садах.
— Думаешь, они согласятся?
— А не согласятся — сделаем по-другому.
— Могу я тебе чем-то помочь?
— На этот раз просто пойдешь вместе со всеми. Потом, если что понадобится, скажу.
— Ладно, тебе виднее. Случись завтра все по-нашему, возьму с собой малышей: скучают по родным местам, сил нет.

Старая Тин, она успела дважды обойти вокруг дома, вернулась и спросила:

— Ну как, наговорились?
— Мне пора, сестрица, — сказала Шау.
— Да-да, иди.
— Позволь только, гляну краешком глаза на малышей.
— Конечно, сюда, пожалуйста. — Но взяла гостью за руку и завела в комнату. Потом приподняла край полога, чтобы Шау могла рассмотреть детей. Их было четверо. Дальше всех, у стены, лежала дочка — старшая, ей уже минуло четырнадцать лет; рядом спали трое мальчиков: одному было десять, другому — восемь, третьему — шесть.

— Ради нее-то я и собралась в освобожденную зону, — сказала, глядя на дочь, хозяйка. — Хочу отправить ее к отцу в джунгли, там поспокойнее.

— Завтра и поговорите об этом с Намом.

— Представь, ей только четырнадцать стукнуло, а оберегаю ее, как девицу лет восемнадцати. Здесь, бывает, и таких малявок... Кругом дьяволы, душегубы.

Едва мать опустила полог, девочка — ее звали Тхиеу — вскочила и легко, как кошка, переступила через спящих братьев. Голос ее прошелестел чуть слышно:

— Тетя Шау!

И она обхватила сзади Шау Линь за плечи. Та обернулась, прижала к себе девочку.

— Вот я тебе задам, негодница! Песбось и не думала спать? — ласково пожурела Тхиеу мать.

— Я все слышала, мама. Ни в какие джунгли меня не отпратишь, уйду к тете Шау.

— Ладно, отпусти-ка тетю, ей пора уходить. Нагрянут, не ровен час...

Девочка тихонько вернулась на свое место.

Черныш проводил тетушку Тин и Шау до самой дороги.

Старая Тин опять услышала за спиной чьи-то шаги.

— Что, Ут Шыонг, идешь домой?

Тетушка снова узнала голос Мьой из «гражданской охраны».

— Да, — ответила Тин, — мы к себе. А ты все ходишь взад-вперед?

— Прогуливаюсь, с вашего разрешения.

На этот раз Мьой не стала обгонять их, а замедлила шаг и пошла рядом с Шау Линь. Сердце старой Тин пронзила тревога. Она старалась идти помедленнее — пусть Мьой догонит ее. Но девушка тоже умерила шаг. Тин, не оглядываясь, знала: Мьой держится рядом с Шау. Неужто до самого дома не отстанет? Им оставалось пройти самое меньшее метров семьсот. Тетушка чуть было не свернула к соседям, благо до их дома рукой подать: уж очень хотелось ей отвязаться от непрошеной спутницы. Но Мьой опередила ее:

— Всего хорошего, тетушка Тин. До свидания, Ут Шыонг. Мне сюда...

— Ну а мы — домой. Всего доброго!

Мьой скрылась из виду. Обе женщины заторопились дальше.

До этого, возвращаясь по ночам от людей, с которыми она встречалась, заново налаживая связи, Шау Линь, поднимаясь по лестнице и слыша, как тихонько скрипят, прогибаясь под ногой, дощатые ступени, всякий раз чувствовала великое облегчение и успокаивалась, точно птица, долетевшая в бурю до родного гнезда. Она входила в комнату и, сняв первым делом платок, поправляла прическу, потом ложилась, грустила, предаваясь воспоминаниям, мысли ее то вились где-то рядом, то уносились вдаль...

Но сегодня, после двух встреч с этой Мьой, нервы Шау Линь были напряжены до предела. И она, стараясь не шуметь, ступала по половицам, так и не сняв платка, закрывавшего голову и лицо.

— Матушка, может, мне лучше переночевать в саду?

— Нет-нет, иди в комнату. Сними платок и отдохни хоть немного. Я обо всем позабочусь.

Старая Тин выкрутила повыше фитиль в лампе — уж очень темно было в комнате — и принялась готовить бетель, прислушиваясь к каждому шороху и поглядывая во двор.

Нет, не случайно сегодня они дважды столкнулись с Мьой. Она что-то заподозрила. Но почему же не задержала их? Поди ее пойми, эту девчонку! В шестьдесят восьмом году, когда шел второй этап наступления, наши бойцы, отражая контратаку неприятеля, дрались прямо в деревне. И надо же было шальной пуле, когда перестрелка уже смолкла, угодить в отца Мьой, давнего и доброго соседа Тин! Житель стратегического поселения мог получить медицинскую помощь только в уездной больнице. Пришлось отвезти туда старика. Он скончался прямо в операционной. Пулю, извлеченную из раны, отдали родственникам, объяснив: это, мол, пуля из автомата «АК», которым вооружен Вьетконг.

Кто знает, на самом ли деле эта пуля была вынута из раны? А может, ее нарочно подсунули родичам? В операционной-то никого из своих не было. Но Мьой поверила этим тварям. Допустим на миг: старика и впрямь убило этой пулей. Так ведь явно никто в него не целился, пуля была шальная, дурная, как говорится, пуля. На войне каких только несчастий не случается! А Мьой вот поверила подлецам, озлобилась, даже о мести заговорила речь. Потом, когда сюда нахлынули «умиротворители», все в черном, как полчища муравьев, она записалась в отряд «гражданской охраны». Стала ходить на учения, даже винтовку получила. Соседи — кто ближе жил, кто подальше, и стар и мал — все в один голос отговаривали ее, да разве она послушает кого. Люди-то нрав ее знали. Была она обручена с соседским парнем, Фаем его звать. Только он ушел в Освободительную армию, теперь, говорят, взводом командует в батальоне «Плая-Хирон». А Мьой, невеста его, обучается военному делу в своей «гражданской охране». Но при этом замуж не выходит и вроде не гуляет ни с кем. Соседи думают: может, любит еще жениха-то, ждет его? Кто посмелее, спрашивали ее: «Слушай, Мьой, а ну как Фай вернется, что делать будешь?» — «Ну, — отвечала она, — стрелять я в него не буду, но пулю от «АК» ему покажу...» Люди терялись в догад-

ках; кое-кто считал даже: она, мол, наш человек, засланный сюда. Но, будь это правдой, тетушка Тин и, уж во всяком случае, Шау Линь знали бы. Так нет ведь! А с тех пор как к ней зачастил помощник начальника полиции Минь, доброе отношение к Мьой, теплившееся еще в сердцах у соседей, улетучилось. Минь — сволочь! Раньше, не так уж давно, года два-три назад, когда янки торчали еще в Биньдыке, они нанимали на «службу» к себе (это так и называлось — «американская служба») молодых девушек. Каждая заводила вдобавок любовника из вьетнамцев. Продавая янки свои ласки, девки эти несли домой деньги, кормили полюбовников, избавляли их от солдатчины. Сами молодчики-то и пальца о палец не ударяли: знай себе полеживали, покуривали, дулись в карты; только и дел у них было — выслушивать сетования девиц да утешать их. Сколько состояло девиц на «американской службе», столько же числилось при них и этих молодчиков. Их прозвали «постельными трудягами». «Постельным трудягой» был и Минь. Потом янки убралась восвояси, девки лишились «работы», само собой, Минь оказался не при деле. Вот он и вернулся в деревню. Родители его торговали рыбой, но он предпочел другую «карьеру»: стал платным осведомителем полиции, опасным и злобным, как гадюка... Янки ушли, но следы их остались и то и дело дают о себе знать. Люди, завидев Миня, отворачивались. Теперь отвращение это перешло и на Мьой. словно дух какого-то закоренелого негодяя вселился в нее. Но куда подевалась истинная ее душа? Землякам противно было смотреть на нее, вызывающий смех ее резал слух.

Точно одержимая, она пересмеивалась и перемигивалась с Минем, с солдатами. Во дворе у нее под деревом вушы¹ стояли теперь стол и стулья, здесь она принимала гостей. Минь приносил самогон, мясо и устраивал с солдатами попойки. На дворе ее, за зеленой изгородью, стоял шум, как в кабаке, точнее — как в солдатском кабаке. Однажды в полдень, когда в деревне покой и тишина, пьяные гуляки о чем-то заспорили; Мьой выхватила у кого-то из солдат винтовку и пальнула три раза подряд. Три выстрела — три кокоса с перебитыми черен-

¹ Вушы (буль.: «грудь кормилицы») — дерево с крупными плодами, наполненными сладким соком.

ками бултыхнулись в канал. Солдаты захлопали в ладоши, заорали и давай снова наливать друг другу водку...

Что учуяла Мьой этой ночью? Отчего так долго плелась за нами?

Чертово отродье! Тин налегла на мешалку, растирая бетель с известью в бамбуковой ступе.

Нет, Шау Линь не будет сегодня ночевать в саду. Но если увести ее отсюда, спрашивается — к кому? Так поздно и не упредив заранее?

Тин положила в рот порцию бетеля. «Нет, Мьой не посмеет причинить зло Шау Линь, не посмеет тронуть ее в моем доме, — думала она, старательно жуя бетель и наслаждаясь острым его вкусом. — Не могла она так низко пасть и стать соучастницей преступления. Под напускным поведением ее скрывается нечто неприметное, неясное покуда — то засветится вдруг, то угаснет. Я сердцем чувствую это... Кто, как не я, помог ей родиться на свет? Да и все сверстники ее здесь, в деревне, не миновали рук моих. Может, она и не всегда вспоминает об этом, но знает — знает наверняка. Ежели встретится где — приветлива, почтительна; в такие-то минуты невольно видишь в ней прежнюю Мьой...»

Тетущка встала, вошла во внутреннюю комнату, подняла полог над лежанкой и, поглядев на двух девушек, прикорнувших рядком, спросила тихонько:

— Шау, ты не спишь, доченька?

— Нет, матушка.

— Спи, милая, все будет в порядке.

Выйдя из комнаты, Тин заперла наружную дверь, прикрутила фитиль в лампе, потом вернулась и улеглась под пологом рядом с дочкой, все так же неспешно жуя бетель.

Этой ночью, после двукратной встречи с Мьой на дороге, все трое никак не могли уснуть. Они лежали, прислушиваясь к плеску волн на реке, не умолкавшему всю ночь...

Глава 17

Еще издали я узнал его, журналиста Чан Хоай Шона. Да, это и был Щербатый, мой старый школьный приятель, отпрыск дядюшки Нам Ньеу, державшего европейскую аптеку в самом начале нашей улицы.

Он переправлялся сюда в лодке вместе с людьми, ехавшими собирать плоды.

Сегодняшняя демонстрация перед местной управой, где люди потребовали разрешения побывать в садах своих в старой деревне, увенчалась победой с легкостью, которой никто и не ждал. Вся троица — Лонг, Ба и Фиен — выказала единодушие, хотя побуждения у всех были разные. Капитан Лонг уже давно не одобрял угона людей с обжитых мест в стратегические поселения. Они, по его мнению, все равно рано или поздно взбунтуются и вернуться на старые места. Пускай, считал он, народ возвращается к своим домам, садам и полям. Потом туда надо ввести солдат, расположить их в ключевых пунктах, они будут и контролировать территорию, и расширять ее. Впрочем, такова была программа целой группировки, ее поддерживали «наверху», но к реализации не приступали — не хватало войск. Начальник полиции Ба, тот рассуждал просто: ежели нет у людей ни полей, ни садов и они в поте лица должны каждодневно добывать себе пропитанье, что, спрашивается, с них возьмешь? А ведь при негласном дележе именно эта часть населения стала источником его доходов. Теперь же, хоть до крови мордуй их, гроша не вытянешь. Ну а депутат Фиен считал: стратегическое поселение похоже на слишком туго накачанный мяч, лучше бы приоткрыть клапан и выпустить лишний воздух. Именно он, Фиен, вышел на крыльцо управы и прокричал в бумажный рупор во всеуслышание:

— Земляки, соседи! Пожалуйста, поезжайте, собирайте плоды в садах! Только, прошу, помните об одном: когда самолеты правительства позовут вас обратно, садитесь в лодки и возвращайтесь вовремя! Алло! Алло!..

Нынче утром весь канал огласился плеском весел, больше сотни лодок плыли наперегонки по течению, с неба за ними надзидала «старая ведьма». Журналист Чан Хоай Шон сошел с одной из лодок на пристани, постоял, глядя, как лодочник гребет назад, потом сел в другую лодку, в третью и так постепенно все дальше углублялся в нашу зону. Пока наконец не уселся в партизанскую лодку, которой правила Малышка Ба: она, по просьбе журналиста, должна была доставить его к дому старого Хая, где его ожидала встреча со здешним высшим командованием. Об этом нас известила Ут Шыонг, когда лод-

ка с журналистом проплывала мимо наблюдательного пункта Ут До.

Я ушел из деревни вместе с бойцами Народной армии в сорок шестом, четырнадцать лет от роду, — если сосчитать, ровно двадцать три года прошло; и впервые с тех пор вижу я Чан Хоай Шона. Он в тергалевых брюках, в белой рубашке, долговязый, на плече болтается фотокамера, все тот же щербатый рот, глаза навывкате.

— Точно, Нам, это он, — обернулся я к Нам Бо.

— Надо ли вас сразу ему представлять? — спросил Нам, сняв темные очки и сунув их в карман баба, надетой им сегодня.

— Не надо, посмотрим, узнает он меня или нет?

После того как Наму сообщили о предстоящей встрече, он заметно волновался. Он впервые сталкивался с подобным противником, не имея ни нужного опыта, ни навыков. Не представлял себе, куда может повернуть разговор, как спорить, возражать. Колебался даже: во что ему лучше одеться, брать или не брать оружие, надевать ли очки, скрывавшие его раненый глаз.

В данном случае я по сравнению с Намом был, конечно, более искушенным. За время работы в Сайгоне — особом округе — мне довелось не раз встречаться со студентами, с интеллигенцией, и я в этом, как говорится, понаторел.

— Конечно, — делился я с Намом своим опытом, — политические убеждения у нас с ними разные. Но само желание побывать в освобожденной зоне в какой-то мере есть свидетельство доброй воли. Дурной человек с дурными намерениями не держался бы так открыто, наоборот — выглядел бы скованно, неестественно.

Он кивнул, продолжая расхаживать взад-вперед, ему не сиделось на месте. Потом с беспокойством сказал:

— Эти журналисты обожают вопросы с подвохом.

Но когда журналист Чан Хоай Шон вслед за двумя девушками-партизанками вошел во двор, Нам выказал общительность, деловитость, каких я от него и не ждал. Пошел навстречу гостю, пожал руку, представился как человек, готовый ответить на все его вопросы. А я — я не мог сдержать волнения при виде товарища детских лет. Так уж водится: ровесники, люди одного поколения, исключая, конечно, тех, кто умер или погиб — по ту или по эту сторону баррикад, — как бы ни разошлись вы-

бранные ими пути, все равно встретятся где-то неожиданно-пегаданно. Мы с гостем поздоровались, пожали друг другу руки, но он меня не узнал.

И правда, он никак не ожидал меня здесь увидеть. Это даже становилось интересным. Нам Бо повел гостя в дом. Старый Хай поставил свой дом не на сваях, а на высоком земляном фундаменте. Толчан, на котором уселись гость и хозяева, прикрывал вход в убежище. Дом вовсе не был заброшенным, кругом — чистота, порядок, и убранство сохранилось, заведенное еще в годы Соппротивления.

Посередине стоял алтарь предков. На нем курились благовония. Повыше, на самом почетном месте, висел портрет дядюшки Хо¹, под ним справа и слева — в рамках за стеклом почетные грамоты и ордена. Еще ниже — фотография, на которой вместе с хозяйской семьей были сняты бойцы и партизаны.

— Вы, почтеннейший, тоже только что вернулись сюда? — спросил хозяина Чан Хоай Шон.

— Нет, я живу здесь с тех самых пор, как отец с матерью произвели меня на свет. Соседей обстоятельства вынудили переселиться, не смею их осуждать. Что до меня, честно скажу вам: останься у Фронта² лишь клочок земли величиной с ладонь, я обернулся бы «невидимкою», муравьем бы крохотным стал, вырыл себе норку на этом клочке и никуда б не ушел.

Лет Хаю было под шестьдесят, но бороду он не отпустил, всегда чисто выбрит, острижен под гребенку. Невысокий, ладно скроенный, славился он веселым своим нравом. Все что угодно мог обратить в шутку.

— Прошу, гости дорогие, — сказал он, — отведайте чаю.

Журналист Чан Хоай Шон, с любопытством осматривавший дом, поглядел на висевший под стеклом орден:

— Скажите, почтеннейший, чья это награда?

— Это орден младшей моей дочери.

— Здесь написано, почтеннейший, что орденом награждена Чан Тхи Май... Май это и есть Шау Линь? — В голосе журналиста чувствовалась осторожность.

— Где уж моей дочке равняться с Шау Линь.

¹ Так называли в народе президента Хо Ши Мина.

² Имеется в виду Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама.

— Ну а ваша дочь Май, почтеннейший, она целиком посвятила себя революции, или у нее есть дом, семья?

— Что ж, если вам интересно, расскажу.

Мы с Нам Бо, не ожидая, что беседа начнется с семейных историй Хая, переглянулись. Такой уж был нрав у старика: если не спросит никто, сам никогда не заговорит о своей дочке, но стоит кому любопытствовать — хоть мимоходом, — и он уж не в силах удержаться.

— О моей младшей дочке один товарищ из окружка культуры хотел даже пьесу сочинить музыкальную. (Помню, именно с этой детали начал старый Хай свой рассказ, когда на радостях потчевал рыбой вернувшегося Нама. То была наша первая встреча со стариком.) Самой-то ей едва за двадцать перевалило, а уже дважды овдовела! В восемнадцать лет выдал я ее замуж за партизана из нашей общины. Ньи его звали. Года вместе не прожили, ни домом, ни потомством обзавестись не успели, как он погиб...

Далее старик рассказал, как зять его во время дождей и паводка, участвуя в отражении карателей, автоматным огнем из своей лодки один потопил две американские моторки. Тогда прилетели три вертолета и, кружась на разной высоте, стали обстреливать его лодку. Партизан очутился в безвыходном положении — один-одинешенек и лодка на виду посреди залитого водой поля. Летчики вражеские, крича в рупор, предложили ему сдаться, но он отвечал им огнем. Дрался до последнего патрона. Очередями с вертолетов лодку его разнесло в щепы, а сам он, не выпуская из рук оружия, утонул.

Тут старый Хай, он сидел на топчане, поджав ноги и накрыв ладонью чашку с чаем, сделал паузу, глянул на журналиста и продолжил:

— Ну, говорю я дочке, твой муж не желает больше ходить по земле, омыл ноги и хочет теперь воссесть на алтарь. Что ж, ставь алтарь, почти его память, зажигай благовония, пусть согреется дом. А через месяц-другой приехали к нам из уезда медики. Приметили: у дочки моей личико ясное, руки проворные. Вот врачаха меня и попросила: отпусти, мол, ее с нами. Выучится медицине, зубы будет лечить. Да ей и самой хотелось уехать, заняться делом, чтоб горе свое забыть. Приобрела она, значит, профессию. В уезде, кого ни возьми, все ее знали — чуть заболит зубы, сразу к ней. Три года прошло, приеха-

да на мужнины поминки¹ домой. Зарезали мы свинью, дочка позвала партизан да соседей. Перед отъездом попросила у меня и у свекра бывшего со свекровью разрешения вступить в новый брак. Посватался к ней военный человек, командир взвода, она согласие ему дала, да только...

Второй его зять, сообщил старик, как раз и был тем командиром, чьи солдаты захватили в бою вражеский танк. Он придумал свою особую тактику: приказал поджечь из гранатомета только головной танк, а перед вторым поставить огневой заслон. Как он и рассчитывал, экипаж второго танка, увидав, что головная машина, полыхнув синим пламенем, горит как свеча, а перед их лобовой броней молнией сверкнули снаряды, в страхе выскочил из люков — и наутек. Тут зять со своим взводом и пленных взял, и машину... Ну а потом в уличном бою, отражая вражескую контратаку, он был убит и остался лежать на мостовой, залитой его кровью...

— Вернулась дочь восвояси,— продолжал старый Хай,— плачет, жалуется мне: кто-то, мол, сказал, у нее судьба такая — мужей своих губить. Рассердился я страсть, отругал ее. Одного твоего мужа, говорю, с вертолета убили, другого снаряд вражеский уложил! Ты, что ли, им глотку ножом перерезала? Темный ты человек, голова суевериями глупыми набита!.. Уехала она назад, в уезд, подала заявление в армию. «Сверху» отказ пришел. Там ведь, кроме нее, некому зубы лечить. Уж что она думала, не знаю, только взяла да сбежала. За что, спрашивается, напасть этакая? Вдобавок какой-то начальник тамошний бумагу разослал по всем пунктам связи, будто дочь моя деньги казенные прикарманила и надо ее схватить. Дошло и до меня, сам-то я не поверил, конечно, но все одно стыдно стало, на люди не смел показаться. Только дочке моей связные эти ихние ни к чему, она тут каждую тропку знает. Вот и поди ее поймай. Добралась она до воинской части, где муж ее служил. Само собою, не стали они ее арестовывать и в уезд не препроводили. Пожалели солдатскую вдову, кормили ее, но на службу принять не решались. И тут повезло ей несказанно: встретила она Нама, его из провинции при-

¹ Во Вьетнаме, согласно древнему обычаю, устраивали поминки по покойнику через три года после его смерти.

слали районом нашим руководить. Он ее знал хорошо, разобрался сразу во всем. Да вот он, Нам, рядом сидит, не даст соврать. Дал он ей рекомендацию в училище военное, что в джунглях. А начальника, разославшего бумагу, как говорится, раскритиковал. Я после письмо от товарища этого получил из уезда. Объясняет: он, мол, просто хотел в больницу ее вернуть. Без нее работников местных, как станут зубами маяться, приходилось в главный город провинции направлять. Уж он отписывал «наверх», просил нового зубного лекаря прислать, да пока напрасно. В конце он извинился передо мной. Я это письмо до сих пор храню. Ну и стал, конечно, из дому опять выходить, к соседям захаживать. Вот вам и история младшей дочки моей.

— Скажите, почтеннейший, где сейчас Май работает? — вежливо, даже с какой-то робостью спросил Чан Хоай Шон.

— Она у меня в артиллерии служит — нынче здесь, завтра там. Пейте чай, остынет ведь.

— Спасибо.

Журналист сидел напротив нас, поджав под себя ноги, и слушал старика, временами поглядывая на Нама; должно быть, раненый глаз его вызывал у гостя любопытство. Дослушав хозяина, Чан Хоай Шон помолчал, задумчиво глядя в чашку. История, рассказанная старым Хаем, как бы сблизила его с нами. Потом, явно взволнованный, он поднял голову и сказал:

— Почтеннейший хозяин и вы, братья, нагрянул я к вам незваным гостем, не спросясь заранее. Прошу меня извинить. Я не ждал, что вы примете меня так тепло и сердечно. А ваш рассказ, дядюшка Хай, взволновал меня до глубины души. Я приехал сюда с одной-единственной целью — узнать правду. Я журналист. Но здесь я не для того, чтобы писать, а чтобы во всем разобраться. Много прошел я дорог, всякий раз думал: мне все ясно, но оказалось — нет, ничего-то я не понял. Сейчас я хочу понять, почему вы до сих пор существуете. Я номню, в пятьдесят девятом году почти все участники антифранцузского Сопротивления, оставшиеся на Юге, были арестованы. Мне случалось посещать тюрьмы. Я думал, от вас ничего не осталось. И вдруг вы поднимаете восстание¹. Как жур-

¹ Имеется в виду вооруженное восстание против сайгонского режима, вспыхнувшее в дельте Меконга в январе 1960 г. и ставшее началом народно-освободительной войны в Южном Вьетнаме.

налисту мне ясно, почему пал Нго Динь Зьем — в конечном счете из-за этого вашего восстания. Потом американцы ввели свою армию — армию, вооруженную самой современной техникой, гордую тем, что она ни разу в истории войн не потерпела поражения. Временами мне казалось: вы сокрушены. Но вот весной шестьдесят восьмого приходит лунный Новый год Земли и Обезьяны. Помню, я еще спал, вдруг загремели взрывы бомб. Вздвигнув, соскакиваю с постели и слышу: в рамах дрожат стекла. Глянул на улицу и увидел: там идут ваши солдаты. Неужто, думаю, война подошла к самому моему дому? Или я сплю? Но тут лопнувшее стекло прозвучало недвусмысленным ответом. Меня охватило смятение. Я ничего не понимал, не мог понять. Но, приехав сюда, я еще до встречи с вами многое понял. Не кто иной, как сама жизнь ответила на мои вопросы. Жизнь убеждает лучше всяких речей. Я видел, как люди возвращаются в старые свои деревни, к своим садам, и не мог сдерживать слез. На той стороне у ваших врагов есть все — деньги, дома, машины... Всего и не перечесать. Но они не способны на те движения души, что свойственны вам. Бомбами, снарядами они не только убивают людей, но и умертвляют сады, траву. А вы, вы бережете для земляков каждый опавший плод. Хозяйка лодки, на которой я переправился сюда, пришла в свой сад, и там девушка-партизанка сразу показывает ей, где лежат собранные плоды манго: только что поспевшие — в корчаге, совсем спелые накрыты сухими листьями банана, зеленые сложены в кучу. Хозяйка — в слезы: «Я там,— говорит,— иной раз про вас и не вспомню». Вот такие-то факты и прояснили мучивший меня вопрос. Позвольте за это поблагодарить вас.

Он отпил глоток чая, поставил чашку и снова устался в нее. Потом заговорил, но глаз на нас больше не поднял:

— У нас с капитаном Лонгом жизнь сложилась по-разному, но мы остались друзьями. В политике можно и разойтись, а дружбу надо беречь. Сегодня утром, перед отъездом сюда, я условился с капитаном: по возвращении он не должен задавать мне ни единого вопроса. В свою очередь я обещал Лонгу не рассказывать вам ничего такого, что может ему повредить. Идет противоборство двух сторон. А я — свидетель. «Ты согласен на эти усло-

вия?» — спросил я капитана. Он кивнул, и только тогда я отправился в путь. Позвольте уж мне, братья, сдержать слово.

Журналист Чан Хоай Шон по-прежнему считал капитана Лонга своим другом; но, говоря об этом, предпочитал не смотреть нам в глаза. И даже замолчав, все так же глядел в чашку с чаем.

— Нам многое нужно узнать, и мы бы очень хотели послушать вас, — сказал Нам Бо, — но мы не собираемся ничего у вас выпытывать. Намерены просто создать вам благоприятные условия для посещения освобожденной зоны, и не только здесь, но и в других местах, где территория ее куда обширнее. Если пожелаете, конечно.

— Благодарю! Спасибо! — Чан Хоай Шон кивал головой, по-прежнему не глядя на нас. Глаза его не отрывались от дна чашки. Он сказал: — Я пока не решаюсь замышлять дальнюю поездку. Может, попозже... А теперь, братья, прошу, позвольте мне вернуться назад вместе с людьми, когда они повезут домой манго. Завтра утром я должен уехать в Сайгон.

— Хотя бы останьтесь пообедать с нами, — пригласил его хозяин, старый Хай. — Еще рано, до вечера много лодок пойдет.

— С удовольствием, буду рад пообедать с вами, почтеннейший, и с обоими братьями здесь, в освобожденной зоне.

— Эй, Ут! Ут! — крикнул дочке старик, встав с топчана и повернувшись к кухне.

— Да-а-а...

— Ступай-ка к пруду, вылови двух рыб во! Двух, слышишь?

— Да-а-а...

Снаружи подул ветер. Спелый плод манго, сорвавшись с ветки, гулко стукнулся оземь во дворе. Старик выглянул во двор и почему-то засмеялся.

— Все эти дни, — сказал он потом, — собирал плоды по соседским садам, даже забыл про свой собственный урожай. Ну а если спелые манго не собрать, они сами с дерева падают. Вы пейте чай, я пока сбегаю на минутку на кухню.

— Почтеннейший, — остановил его журналист, — к братьям не смею обратиться с просьбой, а вы не позволите сфотографировать вас на память?

— О-о! Я-то думал... А это — пожалуйста. Прикиньте-ка, где мне встать, чтоб вышло получше.

— Извините, братья. Прошу, почтеннейший, выйдите во двор и станьте у двери.

Дядя Хай стал перед домом так, чтобы на него не падала тень от навеса, и повернулся лицом к солнцу. Застегнул воротник, пригладил рукой волосы. Журналист откинул крышку футляра, поднес камеру к глазу, изогнулся дугой, шагнул вперед, потом попятился. Раздался щелчок.

— Вот и все! Можно еще разок, чтоб уж наверняка? Камера снова щелкнула.

— Благодарствую, почтеннейший!

Гость улыбнулся. Он поглядел на нас с Намом. Почему-то он не казался больше чужаком. Старый Хай поспешил на кухню, и мы остались втроем посреди двора. Сам собой завязался разговор о видах на урожай. Тут я легонько хлопнул его по плечу. «Самое время, — подумал я, — назваться». И сказал:

— Хон, ты не узнал меня?

Услышав свое детское имя, он вздрогнул и уставился на меня, широко раскрыв глаза. Оттопыренная нижняя губа его задрожала.

— О небо! Тханг! Ты?!

— Что дядюшка Нам, здоров? — спросил я.

— Точно! Теперь узнал... Ты — Тханг, сын дяди Хая, парикмахера! Вот уж не думал и не гадал! — От волнения он даже растерялся. — Сколько лет прошло? Сколько лет...

— Да двадцать с лишком!

— Я, как вернулся из Сайгона, спросил о тебе. Тханг, говорят, ушел защищать родину. И с тех пор ни слуху ни духу! Прости, не узнал сразу. — Он обернулся к Наму: — Представляете, это ведь мой друг детства, на одной улице жили, вместе в школе уездной учились.

— Вы заходите лучше в дом. Поговорить небось есть о чем. А я, с вашего разрешения, пойду с соседями повидаюсь.

Значит, Нам решил: журналиста лучше принимать мне. Он ушел, а мы вернулись в дом.

— Скажи, Хон, — в шутку спросил я его, — вот ты, журналист, приехал сюда, к нам, поглядеть на все, разобраться, так ведь? А будь я тоже газетчиком и пожелаю

попасть к вам с такой же целью, мне бы обеспечили безопасность и помощь?

Он рассмеялся:

— Я понял тебя, Тханг. Как частное лицо могу помочь тебе, если хочешь. Это и нелегко... и нетрудно...

Пока мы с ним предавались воспоминаниям о далекой поре детства, снаружи, словно сжалившись над детишками, лишь на денек вырвавшимися на волю из стратегического поселения, собралась гроза. В это время года, когда созревает манго, для детворы нет ничего отрадней гула приближающейся грозы. Когда-то и мы с Хоном, как и здешние ребятишки, жили в «манговой» деревне и, стоило нам услышать шелест ветра, предвещающего грозу, бросали все, чем бы ни занимались, высыпали на дорогу, окликая один другого, бежали в сады и рвали друг у дружки из рук опавшие плоды. Ухватишь манго — вроде не бог весть что, а сам мнишь себя счастливецом. Потрешь его о штанину, счистишь налипший загустевший сок, сунешь в рот, раскусишь надвое и жуешь, жуешь с хрустом, морщась от усердия. «Бум!» — где-то рядом падает наземь еще один сорвавшийся с ветки плод, и все бросаются туда вперегонки, толкаясь, хватая друг друга за руки, пока кто-то не завладеет добычей и, не успев даже обтереть, сразу сует в рот и давай хрупать. А если гроза так и не приходит, каждый, облюбовав себе дерево, становится под ним и, задирая голову, свистит, призывая ветер и бурю.

Дома старшие сестры в ожидании малышей, побегавших собирать манго, разводят в миске рыбный соус с сахаром. Манго с этой приправой — и кисло, и солоно, и сладко — любимое лакомство девчонок.

Когда грозовой ветер не в силах разогнать тяжелые черные тучи, с неба проливается дождь. То-то радости было для нас с Хоном и всей нашей братии. Да и нынешняя детвора точь-в-точь как мы — свернут из банановых листьев мяч и гоняют его под дождем. Пока дождь пройдет, продрогнут — зуб на зуб не попадает, а им все мало: попрыгают в реку, ныряют, гоняются друг за дружкой, покуда на мостках не появятся родители с розгами — тут только и вылезают на берег.

Вот и сейчас снаружи лил дождь. А мы с гостем разговаривали, прислушиваясь к радостным крикам детишек.

— Отец мой потом разорился,— говорил Хон, погля-

дывая на дождь, — и все из-за гордыни своей. Году вроде в сорок девятом открыл он ювелирную лавку и мастерскую. Ну а в мастерских этих, куда ни глянь, всюду золото. Мусор, что по утрам подметут, сберегают до времени в особом месте — рано или поздно придет кто-нибудь и купит. Тазы с водой, где мастера руки мыли, — их почему-то свинками зовут — и те можно было продать. Бумага наждачная, тряпки, которыми полировали изделия, тоже сбывались. Отец хотел разбогатеть, но в ремесло толком не вник. Завел мастерскую он эту на паях с одним старым ювелиром, больше десяти мастеров наняли. Если уж стал хозяином такого дела, изволь покупать золото. Ты знаешь, наверно, у каждого, кто закупает золото, должен быть при себе особый ключ, в головку его вставлены маленькие кусочки золота — от шестидесяти до стопроцентного. Принимая золото от продавца, покупатель трет его о зеленый пробирный камень, потом трет о камень образчик со своего ключа и смазывает покупку и образчик кислотой, сравнивая их на вид. Фальшивое золото под воздействием кислоты пенится и чернеет. Обычно, оценивая золото, говорят: это восьмидесяти, это девяноста-, а это стопроцентное. А с большей точностью, например в пять процентов, не говоря уже об одном или двух, определять чистоту золота мало кто возьмется. Тут надо быть большим знатоком. Отец-то, понятно, был профаном, но каждый раз, прикинув на глазок, заявлял во всеуслышание: вот — восьмидесятитрех-, а вот — восьмидесятипятипроцентное... Ну, мастера и невзлюбили его. Решили подложить ему свинью: подменили пузырек с кислотой, стоявший всегда у него на столе рядом с весами. А потом подослали своих людей с фальшивым золотом. Оно, конечно, от кислоты не почернело, не запенилось. Запросили недорого. Отец на радостях все скупил. Потом понес его на переплавку — тут обман и открылся. Пришлось мне бросить учение. А то преуспел бы в науках. Я теперь редко бываю у нас в деревне. Потому и отца твоего не видел. Скучища там! Да честно говоря, по мне — так на этом свете нет ни единого веселого местечка...

Я вроде понял смысл его последней фразы. Человек, не обретя идеала, не познает и радостей жизни. Мне стало жаль его.

На дворе начался ливень. Наступала пора дождей.

Мы помолчали минуту-другую, глядя на тугие струи, рассекавшие белесую мглу.

Из середины навеса, словно уподобясь желобу, свисал большой лист, по нему сбегала дождевая вода. Капля за каплей, срываясь с острия листа, звонко падали в растекавшуюся все шире лужу. Хон, наклонясь, провожал взглядом каждую каплю. А они все падали и падали размеренно, будто отсчитывая мгновения.

Глава 18

Мьой из «гражданской охраны», искупавшись, сидела на мостках и стирала белье. Сегодня она вернулась со стрельбища поздно. Мостки отделяли от дома тетушки Тин лишь двор, мощенная камнем дорога да заброшенный пустырь. Когда-то на этом месте стояли дома, но их сожгли, хозяева перебрались в другие края, и деревенские мальчишки играли здесь в футбол.

Двукратная встреча с Мьой в ту памятную ночь не выходила из головы у старой повитухи, и потому она долго сидела, наблюдая за девушкой. А та, покончив со стиркой, стянула узлом волосы на затылке и со скрученным в жгут мокрым бельем в руке поднялась по ступеням к дороге. Обычно она возвращалась домой вдоль зеленой изгороди. Но сегодня вдруг свернула с большака во двор старой Тин. Тетушка подумала было, что Мьой решила сократить путь и пройти напрямиком через ее двор — так уже случалось не раз. Просто на всякий случай провожала соседку взглядом.

Но Мьой подошла к лестнице, поднялась по ступенькам и, представ перед хозяйкой, сказала:

— Тетя Тин, позвольте мне поговорить с Шау Линь.

— Шау прилегла там, в комнате. Заходи!

Потом уже, рассказывая нам эту историю, старая Тин сама удивлялась: ей бы, мол, следовало содрогнуться от страха или хотя бы по меньшей мере растеряться, но она, сама не ведая почему, ответила Мьой именно этой фразой. Чему быть, того не миновать! Вот уж который день Тин ломала голову, перебирая тысячу способов выйти из подобного положения. Но вдруг в решающий миг не обнаружила в душе ни малейших сомнений. Почему? Может, заметила еще издали красные от слез глаза Мьой или задолго до того обратила внимание на

какую-нибудь другую странность? Она вроде по-своему понимала Мьой. Разве ей самой не приходилось в черные дни прикидываться другим человеком, чтобы сбить с толку врагов? Люди в деревне, особенно молодые, нынче меняются быстро: если не видишься с ними подолгу, при встрече кажется, будто перед тобой совсем другой человек — чужой, испорченный. Конечно, сбиться с пути легче легкого, но разве из-за этого все до единого становятся подлецами? Вот и Мьой не могла стать такой, какую желает выглядеть в глазах всех. Ведь Тин и сама что ни день заходит в дом капитана Лонга, как близкий человек. Могла и Мьой напаять на себя чужую личину; правда, делает она это, по мнению тетушки Тин, не очень искусно. Вот почему, когда Мьой подошла к ней и попросила разрешения увидеться с Шау Линь, она отвечала ей так естественно, словно о встрече этой сговорились с нею заранее и просто поджидала ее, сидя у двери.

И Мьой так же естественно вошла в дом и сказала:

— Шау, сестрица!

Шау Линь — она лежала у стены — вскочила, узнав стоявшую перед ней Мьой. Но сразу все поняла. А Мьой молчала, не в силах произнести ни слова, и слезы текли по ее щекам.

— Сестра, — вымолвила она наконец, — ты знаешь что-нибудь о моем Фае?

...Первая любовь, не омраченная изменой, не осложненная препонами со стороны родни, — разве ее забудешь? В ту ночь, в половодье, Мьой вела лодку через затопленное поле: она везла Фая на сборный пункт добровольцев. Прощаясь у зеленой изгороди, он обнял Мьой за плечи. Она вздрогнула и отвернула лицо. «И зачем я тогда отвернулась? — думала она. — Стесняться-то было некого. Просто луна светила очень уж ярко! Так он и не поцеловал меня на прощанье, а ведь это был бы наш первый поцелуй...» Как часто, оставаясь одна, она мысленно подставляла Фаю лицо для поцелуя. Вздрагивала, вновь ощущая на левой своей щеке горячее дыхание любимого, и застывала в тоске. «Если с ним что-нибудь случится... он даже ни разу не поцеловал меня!» Эта мысль как заноза сидела в ее сердце, причиняя жгучую боль. Вопрос, заданный ею Шау Линь, сам собою сорвался с губ. Ведь она хотела сказать совсем о другом, более важном и срочном, — так вышло помимо ее воли.

— Вот уже полгода, даже больше, я не видала его,— ответила Шау душевно, как старшая сестра.— Да ты садись... Зато вести о нем получаю по-прежнему. Он сейчас учится, военное дело изучает.

— Сестра, ты мне веришь? — спросила Мьой.

Она так и стояла возле лежанки, перебросив через одну руку мокрое белье и рукавом другой утирая слезы.

— Повстречав тебя ночью, я заметила, как ты приглядывалась ко мне,— сказала Шау.— Третий день я здесь, все хотела увидеться с тобой, да не знала, что бы придумать. Присядь же, Расскажи о себе.

— Нет, мне пора. Я пришла предупредить тебя: завтра они устраивают облаву. Будут обыскивать каждый дом. Ты перешла бы лучше ко мне, у меня безопасней. А история моя длинная. Как-нибудь расскажу. Теперь мне надо идти.

Она снова подняла руку, вытерла слезы и ушла.

Тем же вечером тетушка Тин с дочкой (старуха как всегда шла впереди) зашли в гости к Мьой из «гражданской охраны».

Точь-в-точь как предупреждала Мьой, назавтра с утра пораньше солдаты по приказу тайной полиции нагрянули в деревню. Обшаривали дом за домом. Они искали «подстрекателя». Ведь кто-то явно подучил народ сойтись к местной управе и потребовать разрешения на поездку за реку, в старые хутора: манго, видите ли, пора по садам собирать. А тем временем ворота стратегического поселения стояли открытыми настежь, появившись тут партизаны — их не удержать бы.

С рассвета полицейские, солдаты и люди из «гражданской охраны» оцепили дороги, тропинки, дворы. Обыску подлежали все дома без исключения. Даже капитану Лонгу, депутату Фиену и начальнику полиции Ба пришлось распахнуть перед солдатами свои двери, хотя, само собой, обыск у них производился по деликатней и вещи при этом не пропадали.

Дом Мьой тоже обыскивали с соблюдением приличий, больше для вида. А вот тетушке Тин, хоть она и хаживала к капитану Лонгу как к себе домой, пользовалась всеобщим уважением и любовью, даже с кувшина, куда и человеку-то не влезть, пришлось снимать крышку. Сунул туда полицейский голову, ничего не увидел, но все равно для верности просунул поглубже ствол винтов-

ки, поводил им вдоль стенки и лишь тогда унялся.

Дом у Мьой был свайный, но кухня рядом с ним стояла на земле; там-то Мьой и вырыла тайник. Придуманно было здорово — здесь бы искать никто не стал.

В ту ночь она привела Шау Линь в комнату, они улеглись рядышком на топчане, накрылись одним одеялом и завели негромкий разговор по душам... Мьой начала издали, с того, как в шестьдесят восьмом, в самую пору дождей, вслед за прошедшей здесь дивизией морской пехоты явилась в деревню группа «миротворцев». Набились в дома — продыху от них не было. Командовал ими офицер с северным говором — иное слово и вовсе не разберешь, лет ему было за сорок, голова сивая, нос сплюснут. Но особенно запомнилось Мьой другое: на одном боку у него висел пистолет, а на другом — в матерчатом черном чехле тоже вроде пистолет, только ствол больно длинный и патронник какой-то вздутый. Потом расстегнул он как-то чехол, а там — кальян. Молодежь деревенская прозвала его «сараканом узяленный». Как-то оставил он свой кальян посреди дома, и заполз туда таракан. Может, это дети хозяйские, ненавидевшие «миротворца», засунули в трубку насекомое — кто знает. Поутру он только глаза продрал — сразу за кальян: набил табаку, чиркнул спичкой, взял трубку в рот, сощурился блаженно... Но, не успев затянуться как следует, вдруг повалился навзничь, отшвырнув кальян. На верхней губе его повис здоровенный тараканище. А сам он руками машет, орет: «Бозе мой! Меня саракан узялил! Стоб ему!..» Вот и прилипла к нему кличка «сараканом узяленный». И кальян он хранил теперь только в чехле.

Приметил как-то, что Мьой глядит на него с ухмылкой, но не спросил «Чего смеешься?», а вежливо так задал вопрос: «По кому траур носите?» — «По отцу». — «От чего же батюшка ваш преставился?» — «Шальной пулей убило». — «Пуля-то чья была?» — «Не знаю». Вылил он в свой кальян чашечку чая, закурил, забулькал; потом разинул рот, выпустил клуб дыма, сощурился и снова спрашивает: «А пуля откуда летела?» — «Со стороны сада». — «И вам невдомек, чья она?» — «Отца оперировали в больнице, дали мне пулю от «АК». Что тут гадать?» — «Да неужели? — Он выкатил глаза, уставился на Мьой и, помолчав, добавил: — Слушайте, вы не хотите с оружием в руках отомстить за отца?» — «Я ведь женщина!» —

«Постойте, куда вы? Выслушайте меня. Я вовсе не в солдаты вас вербую. Мой вам совет — поступайте в отряд «гражданской охраны», будете оберегать свою деревню». — «Если такие люди поручают... Как не согласиться», — отвечала Мьой, чтоб от него отвязаться.

Каково же было ее удивление, когда через несколько дней она обнаружила свое имя в списке «гражданской охраны»! Ее теперь вызывали на плац вместе с соседскими парнями, которых родители откупили от солдатчины, и они занимались там строевой подготовкой, а потом стрельбой. Когда им торжественно вручали оружие, она, выйдя из строя и принимая винтовку, подумала: «Вот здорово! Будет чем защищать подпольщиков!» Присягая оружию перед лицом властей, она подняла голову и встретила вдруг чей-то коварный, подозрительный взгляд. Это был Минь. В своем полицейском мундире он сидел среди приглашенных. Да, а «сараканом узяленный», прежде чем уехать из «умиротворенной» им зоны, получил изрядную сумму за то, что «сагитировал деревенскую девушку с оружием в руках встать против Вьетконга». На эти деньги он купил жене модные часы «титони».

Потом «гражданских охранников» приглашали поодиночке в полицию для беседы с сотрудниками службы безопасности. Каждому дали еще одно, особое поручение: следить друг за другом. Раньше Мьой думала: в «гражданской охране» одни соседи да приятели, в случае чего с любимым сговоришься. Теперь же поди узнай, кого именно завербовала тайная полиция, все подозревали друг друга. Случалось, кого-то вдруг обезоружат, бросят в тюрьму: он-де «в руках держал оружие национального государства, а поклонялся Вьетконгу». Взаимные подозрения усиливались. Тут-то Минь и зачастил к ней. Вроде ухаживать стал, а сам вечно что-то высматривает, вынюхивает. От его змеиного взгляда у нее сердце холодело. Видеть не могла его иссиня-бледную рожу со свинцовыми губами. Дать отпор таким типам можно, лишь ни в чем не уступая им. Курить? Извольте, она даже дым научилась выпускать через ноздри не хуже прочих; правда, сначала першило в горле, кашляла, но скоро привыкла. Пить? Она одним духом осушит стопку водки — глядите, любуйтесь!

Вот уже почти два года она в «гражданской охране», а ничем не помогла нашим, хорошо хоть, для властей не

сделала и самой малости. Зато сама очень переменилась. Вроде чужая стала соседям, да и родным тоже. Может, и впрямь стала порченой, точно злым зельем кто опоил ее, а самой-то невдомек?

Сколько раз обращалась к матери за советом: «Мама, милая, что мне делать, как быть?..» Хотела разорвать вражьи сети, а на поверку запуталась в них. Если уж не разорвать их, хоть бы самой ускользнуть. Надумала было с оружием в руках уйти к партизанам. Но страх за маму, за братишек и сестреночек удержал ее.

Видя, что мать на ее стороне, она воспрянула духом. Но нужно, чтобы еще один человек понял ее — Фай! Как внушить ему одну-единственную мысль: «Пуля, она бывает шальной, но я — разве я могу стать шальной, любимый?!» По ночам она твердила, обращаясь к Фаю, эту фразу...

— Шау, сестра моя,— говорила она,— в ту ночь, впервые пройдя мимо тебя, я заподозрила что-то. Ушла вперед и стала следить за вами. Вижу, Черныш на дворе у Но тебя не облаял. Горько мне стало: пес и тот признал тебя, не залаял, а я... Прошла мимо вас еще раз. Обрадовалась, мочи нет. Хотела броситься к тебе, но не знала, как быть. Если, думаю, Шау не поверит мне, одно остается — головой в омут.

Нет, в ту ночь не Мьой спасла Шау Линь от полицейских ищек, это Шау вырвала девушку из вражьих пут. Обрадованная, счастливая, Мьой выкладывает о себе все без утайки, не досказав одну историю, тотчас начинает другую. Сетует:

— Я не могла всего предвидеть. Слишком это сложно! И выдержки не хватает. Куда мне до тети Тин... Ну, теперь я ничего не боюсь... Ты останешься жива — и я буду жить, погибнешь — мне тоже конец. Только бы Фай все понял... Да-да, надо быть поспокойней. Ты права, еще заподозрят, тогда.. В случае чего помощи, подскажи мне. Раньше и посоветоваться не с кем было. Я все у мамы спрашивала. «Делай для наших, что сумеешь,— говорила она,— и терпи. Рано или поздно они вернуться». Видишь, она права была... Что, сестра, Нам вернулся? Играйте-ка свадьбу, да побыстрее. Нет, лучше подождите, сестрица, я ведь сейчас и погулять на ней не смогу... Скажи, а подружки мои Тхань, Тхой, Малышка Ба здорово меня ругают? И парни — Ут с Тяу — небось тоже... Ну и пусть

себе ругают!.. Знаешь, я попросила маму выделить мне три кокосовые пальмы в саду. «Зачем?» — спрашивает. «Буду, — говорю, — упражняться в стрельбе». — «Делай как хочешь», — сказала мама. Теперь, стоит явиться Миню с его братией, я стреляю — пускай видят. А про себя приговариваю: «Кокос — голова, черенок — шея. Первый орех — Минь...» Бабах! Черенок перебит, орех плюхается на землю. «Та-ак, — думаю, — а это начальник полиции Ба... Это капитан Лонг... Депутат Фиен... Эти два гада — Никсон и Тхиеу¹...» Палю, сшибаю орех за орехом — пусть смотрят, мерзавцы!.. Потом зову про себя Фая. «Любимый, — шепчу, — давай посоревнуемся — кто метче...» Бабах! Валится новый орех...

Она говорит, говорит — ведь прежде ей и слова некому было сказать. Запинается, проглатывает слова, как ребенок.

— Нам вполне мог бы добраться сюда, правда, Шау? Скажи ему, пусть возвращается. Так и быть, уступлю вам этот топчан, на двоих вполне... Ай-ай! Ты что...

Шау больно ущипнула ее за бок.

Глава 19

Мы стояли в нейлоновых накидках на берегу протока, разделявшего две зоны, и глядели на черневшую во мраке грядку деревьев — там находилось стратегическое поселение. Ждали светового сигнала.

Неприятель, ни о чем не подозревая, как всегда по ночам, постреливал из пушек.

Дождь шел и шел. Зарядив с утра, он лил весь день и всю ночь. На ветках манго прорезались молодые листья. Зазеленели деревья и травы. Днем повсюду лоснилась и переливалась свежая зелень. Земля раскисла от дождей. Сушь кончилась, близится паводок. Земля пахнет илом. Воды прибыло еще мало, чтобы на лодках переплывать поля, но пешие дороги совсем развезло. Ни пехоте, ни танкам не пройти по таким топям. Днем действуют самолеты, ночью — артиллерия. По дорогам ходят одни

¹ Имеется в виду генерал Нгуен Ван Тхиеу, возглавлявший сайгонское правительство; пришел к власти в 1967 г., вышел в отставку и бежал из страны в апреле 1975 г., незадолго до освобождения Сайгона.

партизаны; дождь тотчас смывает напрочь их следы. Ут До с группой партизан переправился через протоку уже давно, едва полил дождь,— разведать и подготовить дорогу.

На той стороне темноту разрывают сполохи, и снаряды, просвистев у нас над головой, летят дальше, рвутся где-то в нескольких километрах позади.

Дождь. Капли его, точно горошины, стучат по нейлоновой накидке. Холодно, зуб на зуб не попадает, никто не перебросится и словечком.

— Вон фонарь!

Шау — она просидела весь день во время облавы в затопленном водой тайнике под кухней у дома Мьой — теперь, хочешь не хочешь, вернулась сюда отдохнуть, набраться сил. Но вот уж три дня как снова отправилась на ту сторону — прежним путем. И, укутав голову платком так, чтоб не видно было лица, повезла на велосипеде тетушку Тин на бедный хутор к Бай Тха: там, мол, женщина в положении, вот-вот разродится. Нынче ночью черед Нам Бо переправляться.

Теперь уже все заметили, как в темноте вспыхнул зеленый огонек фонаря.

Нам пожимает мне руку:

— Ну, я пошел!

— До свидания!.. До свидания!..— слышу я голоса партизанок: Малышки Ба, Тхон и Тха.

Они уходят. Едва спускаются на поле, и силуэты их растворяются в ночи; слышно лишь, как дождевые капли стучат по их накидкам...

Я остаюсь один. Ночь. Ливень. Земля и небо сливаются в непроглядную черноту. Не сводя глаз с зеленой точки фонаря, я вспоминаю вдруг слова Нама: «Женщины, они как звезды в небе... Чем чернее ночь, тем ярче светят». Это точно! И не бывает, чтоб в небе сияла одна-единственная звезда. Была Шау Линь, была старая Тин. И вот рядом с ними — Мьой. Чья теперь очередь? Сколько людей, шагнув в раскаленное горнило борьбы, неожиданно для всех вспыхивают яркими светочами! Да будь сегодня самая ясная ночь и небо усыпано звездами, будь все пути-дороги залиты светом, разве стал бы возможен этот ночной поход? Нет, нынче ночью переправиться на другую сторону можно было, лишь увидав зеленый свет фонаря в руке Мьой, мерцавший словно волшебное око. Там, где она, во вражеских заграждениях и сетях зияет брешь.

Шорох шагов, стук капель по накидкам Нама и девушек затихают, уплывая в шумящую ширь дождя.

С Намом в ту ночь случилась неожиданная история. Мьой встретила его на краю сада. Сопровождавшие Нама Ут До и партизанки вернулись назад к переправе. Мьой пошла вперед, Нам Бо шел следом. Они — шаг за шагом — брели ощупью по берегу канала. Дождь по-прежнему не унимался. Вдруг из темноты к ним кинулся человек, лица его не было видно.

— Кто идет? — крикнул он, и дуло винтовки уткнулось в грудь Нама.

С силой ухватившись за ствол винтовки, Нам отвел его в сторону и спросил:

— Кто здесь?

— Я.

— Как зовут тебя?

— Шыон.

— Сын Хай Мау, что ли?

— Да, верно. А вы?

— Что, племянник, не признал меня? — Нам схватил парня за плечи, притянул к себе и шепнул на ухо: — Я — Нам Бо...

Услыхав его имя, патрульный «гражданской охраны» вздрогнул:

— О небо и земля! Ведь вы после восстания...

Одиннадцать лет прошло с той ночи, когда вспыхнуло восстание. Сотрясались земля и небо. Шыон, он был в ту пору девятилетним мальчишкой, помнил все до мелочей. По всем хуторам, во всей деревне громыхали долбленные колоды, барабаны, гонги. Бухали ружья. Весь народ высыпал на дорогу, от факелов небо побагровело. Малыши, его сверстники, увязались было за взрослыми, схватив в руки что попало — кто нож, кто хворостину. Сам он притащил ведро, поставил посреди двора и колотил по нему, наслаждаясь гулким, раскатистым звоном, пока жестяной бок ведра не смялся, а на руке не вздулись волдыри. Взрослые, слышал он, пошли за солдатами «начальника» Нам Бо штурмовать сторожевой пост. Его, конечно, не взяли, но он у себя во дворе разыграл целое сражение, с криком бросался в атаку — даже голос сорвал. Сторожевые посты сайгонских войск близ речного устья загорелись, пламя вымахало в полнеба. Наутро он

вместе с соседскими ребятами побежал наперегонки туда — глянуть на красно-синий флаг с желтой звездой. А после и сам с флажком в руке помчался встречать отряд «начальника» Нам Бо. И поди ж ты, «начальник» этот оказался молодым парнем из их деревни, величавший, как положено, отца Шыона старшим братом. Сам Шыон вместе с другими ребятами робко топтался у двери; время от времени кто-нибудь из них украдкой поглаживал приклады винтовок — гладкие, прохладные, ладонь так и млела. Шыону повезло несказанно! Сам дядя Нам Бо ухватил его за руку и крепко прижал к груди, а он горделиво поглядывал на сверстников: знай, мол, наших! Жаль только, по малости лет не мог он тогда попроситься в отряд. Одиннадцать лет прошло, а день тот не забылся. Который уж год отец говорит соседям: «Рано или поздно Нам Бо вернется. Быть новому восстанию!»

— Дядя Нам! Меня силой заставили! — Руки парня бессильно поникли. — Позвольте сдать вам оружие...

— Нет, оставь винтовку себе, будешь охранять наших людей.

— Слушаюсь.

— Кто с тобой вместе в дозоре? Ночь ведь, да и дождь льет.

— Да никого. Я, вообще-то на рыбалку собрался.

— Отец-то как, здоров?

— Спасибо, здоров. Все вас вспоминает.

Ливень падал сплошной стеной, в саду стояла кромешная тьма, и невозможно было разглядеть друг друга.

Нам Бо спросил Шыона:

— Узнаешь, кто это со мной?

— Э... э...

— Да я это! — сказала Мьой, опустив винтовку.

— Мьой, ты?

— А то кто же!

— Что ж ты меня не позвала?

— Скажи, — спросил Нам у парня, — есть еще люди, вроде тебя?

— Конечно!.. Подумать надо, но одного могу назвать сразу.

— Кого?

— Да Бона.

— Бон... Сын дядюшки Ты Зяу?

— Ага.

— Почему ты так думаешь?

— Он сам говорил мне: хочу, мол, с оружием в руках перебежать на ту сторону, найду там дядю Нама. Только вот за семью свою опасается.

— Передай ему, я хочу повидаться с ним.

— Да я хоть сейчас приведу его к вам. Звал его на рыбалку, а он заладил: холодно, не пойду. Накрылся одеялом и дрыхнет.

— Хорошо, иди. Я подожду здесь.

— Зачем же, дождь и холодище такой. Мной, проводи лучше дядю Нама ко мне в караулку... Ну — в шалаш, поняла? Там безопасно. Так я пойду, дядя Нам.

— Ты ему веришь? — спросил Нам у девушки, когда Шыон отошел подальше.

— Верю.

— А почему, собственно?

— Видела, как он меня ненавидел.

— Ну а Бон?

— Тоже! Они друзья...

Тем временем Шыон с винтовкой в руке стоял уже перед домом Бона по другую сторону большака.

— Тетя Ты, а тетя Ты! Бон еще спит?

— Нет, встал. Кто там?

— Я, Шыон.

— Куда тебя несет в такую непогоду? Заходи в дом.

— Да нет, спасибо... Эй, Бо-он!

К дверям подскочил здоровенный парень лет двадцати, смуглый дочерна.

— Давай поскорее, — сказал ему Шыон, — дело есть!

Тот схватил нейлоновую накидку, набросил ее на себя, снял со стены винтовку и выбежал за дверь.

— Куда это ты среди ночи, да еще с ружьем? — возмутилась мать. — Что за затеи, Шыон?

— Нет-нет, тетя Ты, ничего мы не затеваем.

Старуха выглянула за дверь и крикнула им вслед:

— Смотрите мне! Никаких безобразий!

Шыон потащил друга под манговое дерево.

— Ну и стужа! — сказал Бон. — Что там еще стряслось?

— Будь я таким лежебокой, как ты, нам бы с тобой головы не сносить!

— Чего? Да говори толком!

— Замерз я! Есть сигареты? Дай закурить, у меня вся пачка промокла.

— Скажешь ты наконец?!

— Глянь-ка, нет ли кого.

— Кому тут быть? Дождь вот... Говори же.

— Восстание!.. Не сегодня завтра...

— Что? Восстание?

Шыон произнес вятно, по слогам:

— Говорю тебе — вос-ста-ни-е вот-вот нач-нет-ся...

— С чего это ты взял?

— Я только что видел дядю Нам Бо.

Услыхав имя Нама, Бон вздрогнул. Шыон подметил это с явным удовольствием.

— Ты что, всерьез?

— Буду я врать тебе.

— Нам теперь небось несдобровать?

— Ну, со мной не пропадешь. Я уже замолвил ему за тебя словечко.

— Правда?

— А то нет!

— Как ты увиделся с ним?

— Кто же, по-твоему, встречал его?

— А сам звал меня на рыбалку.

— Ладно, я пошутил малость. Его привела Мьой.

— Ишь, какова! Ну я-то давно догадался, как услышал ее клятву: мол, буду мстить за отца с оружием в руках. Та-ак, думаю, ясно. А ведь скрывала от нас...

— Тут надо тайну соблюдать. Ладно, пошли!

— Слушай, я тебя как друга спрашиваю, мне встреча с дядей Намом ничем не грозит?

— Сказано, я за тебя замолвил словечко. Ручаюсь, все будет в порядке. Пойдем.

Да, окажись той ночью на месте Нама другой человек и будь он хоть семи пядей во лбу, а не припомни, не назови по имени отца этого парня Шыона из «гражданской охраны» — кто знает, как еще все обернулось бы? Невозможно было предвидеть заранее все опасности и потери, и, уж во всяком случае, никто и представить не смог бы эту встречу в сторожке посреди садов.

Бон и Шыон сидели в шалаше, тесно прижавшись друг к другу. Шалаш был так мал, что Мьой уселась снаружи, накрывшись нейлоновой накидкой. Наму уступили место посередине сторожки на сухом полене. Из-за густого дож-

дя и темноты лиц было не разглядеть, но присутствие Нама как бы раскрыло для незримого общения их сердца.

— Позвольте мне нынче же ночью, — сказал Нам, — официально объявить о зачислении трех товарищей — Мыой, Шыона и Бона в подпольный партизанский отряд Революции. Вы трое составите отдельное звено. Прошу, товарищи, избрать одного из вас командиром.

— Да... Мыой ведь нас опередила, позвольте мне выбрать ее.

— Ага. Я тоже согласен.

— Прекрасно. С этой минуты товарищ Мыой — командир звена, вы оба должны выполнять ее приказы. Ваш долг, долг революционных бойцов, — любить друг друга, помогать друг другу, быть вместе даже перед лицом смерти.

— Слушаемся.

— Слушаемся.

— Может, кто-нибудь хочет высказаться? Прошу.

— Да... Позвольте мне, дядя Нам, поклясться, что буду идти за вами до конца.

— И я тоже... Пока не умру.

Так в шалаше дождливой ночью прошло первое собрание партизанского звена. Кругом стояла непроглядная тьма, но каждый из них видел воочию перед собой широкий, светлый путь.

Шыон вернулся домой, не помня себя от радости, даже тесак для разделки рыбы позабыл. Он вошел в комнату и, приподняв марлевый полог над топчаном, легонько подергал большой палец на ноге у отца. Старик вздрогнул, открыл глаза, оперся на руку, приподнялся и сел.

— Что случилось?

— Дядя Нам Бо вернулся, — шепнул сын ему на ухо.

— Как?! Что ты говоришь?

— Скоро восстание. Ведь дядя Нам здесь.

Старик заморгал изумленно:

— Что ты сказал? Кто вернулся? Неужто Нам Бо?

— Ты разве не слышал, отец? Я же говорю...

— Откуда ты знаешь?

— Сам встретил его.

Старик помолчал, глядя на него. Он чувствовал: из души улетучивается тревога за сына, не дававшая ему все эти годы покоя.

— Это правда, сынок?

— Конечно, дядя Нам передал вам привет.

— Что ж ты мне раньше ничего не сказал?

— Сами подумайте. Разве я не обязан был хранить тайну? Ладно, спите, отец. А я пойду.

— Куда ты опять, на ночь глядя? На дворе непогода...

— У меня, отец, дел теперь невпроворот.

— Увидишь как-нибудь Нама, скажи, я ему благодарен. Не забудешь?

Шьон опустил край полога, вышел было, потом вернулся назад.

— Ну что еще?

— Я вчера слышал, отец, ты надумал разобрать сто-рожку в саду. Не надо, пусть себе стоит.

— Почему?

— У меня с нею связаны воспоминания... Самые дорогие!

Старик вдруг все понял. А он-то думал, сын с тесаком ходит на рыбалку. На глаза его навернулись слезы.

Глава 20

Той же ночью Нам Бо и поселился в доме у Шау Дьонга. Это был самый старый человек во всей деревне. Теперешние жители ее, кого ни возьми, родились уже в нынешнем, двадцатом веке. И было до недавнего времени лишь трое людей, родившихся в прошлом, девятнадцатом столетии, причем все трое — в одном и том же году: тысяча восемьсот восемьдесят шестом. Соседи сравнивали их обычно с тремя вековыми баньянами, что росли во дворе общинного дома. С тех пор как теперешнее поколение начало сознавать и помнить себя, три этих баньяна были неперменной и чуть ли не самой заветной святыней здешних мест. Все три дерева на глазах у них меняли свое обличье, обрастая бородами воздушных корней, тянувшихся от ветвей до земли, потом углублявшихся и вставших в почву, постепенно деревенея и обретая такую прочность, что дети забирались на них и качались, как на качелях. Древние баньяны придавали общинному дому еще более священный и таинственный вид. Днем под ними всегда держалась прохлада и тень. Ночью хамелеоны трещали в их кронах «так-ке... так-ке», и люди, загибая

пальцы после каждого их крика, подсчитывали, что же сулит им судьба. Все три баньяна высятся и донныне, но из трех долгожителей остался один Шау Дыонг, оба старых его друга преставились два года назад, восьмидесяти двух лет от роду. А ему в этом году стукнуло восемьдесят четыре. Прежде он столярничал, ладил лари да шкафы. В шестьдесят отложил он прочь рубанок и сверло и вот уже двадцать лет с лишком промышляет плетением: мастерит корзины, короба, круглые плоские плетенки для сушки зерна... Дети его, внуки и правнуки разбрелись по всем четырем сторонам света: редко, совсем редко кто-то из них навестит старика. А жил он вместе с внуком, вторым сыном десятой его дочери. Стал, увы, совсем слеп, ничего не видел.

— Какая погода сегодня, сынок? — Обо всем, что творится на земле и в небесах, узнает он через внука.

— Сегодня, дедушка, ясно, — отвечает, выглянув во двор, Хай; ему исполнилось двенадцать лет.

— Ясно-то ясно, — говорит старик, — а солнышко как светит?

— Ярко-ярко, дедушка, и на небе ни облачка.

— Ну а река?

— Блестит — глазам больно. Катер американский по реке мчится. Волны расступаются в стороны и сзади бегут хвостом длиннющим. Янки на катере голые, кожа красная, как у индюка шея.

Всякий раз, как в деревню нагрянут каратели, старик пересекает сад и садится на самом его краю — «поглядеть».

— Что там в небе, сынок? — спрашивает он внука.

— В небе вертолетов полно. Дай-ка сосчитаю: один, два, три... Шесть штук! Гады, свесились вниз, как черпаки... А вон «старая ведьма» — гудит, еле тащится. Над ней агитсамолет пристроился. Еще подалее, в той стороне, три реактивных самолета кружат и кружат. Ого, стреляют, гады, дым к земле полосами тянется.

— Дома небось загорелись, сынок?

— Ага, горят. Вон там... Дым валит.

— Как?.. Что за дым-то?

— Снизу черный, а поверху белый.

— Ну а с земли хоть стреляют, сынок?

— Еще бы, здорово палят! Только пули очень маленькие, мне их не углядеть.

— Неужели, сынок, ни в одного не попали?
— Попали, вроде... Задымил... Горит, горит!
— Который же загорелся?
— Вертолет!
— Правда, сынок? Сядь-ка, расскажи, чтоб и я увидел.

— Сперва он летел себе, вдруг — взрыв! Сразу дым повалил, потом огонь показался. Вон полыхает как... Ура-а! Падает, падает! Прямо в поле воткнулся. Что, получил?! А другие-то, другие! Разлетелись кто куда... Трусы проклятые!..

Вот так года три уже слепой Шау Дьонг видит мир ясными глазами внука.

В ту ночь, когда пришел Нам Бо, старик узнал его, легонько водя пальцами по лицу, шее, плечам и рукам Нама.

— Так и есть, это ты, Нам! Глаза мои не видят, но обмануть меня никому не удастся... Хай, где ты, сынок?

— Здесь я!

Мальчуган, он лежал на топчане, свернувшись, как креветка, сразу приподнялся и сел, едва в дом вошел чужой человек.

— Глянь-ка, что там за дверью.

— Ладно.

Спрыгнув с топчана, он обернулся, не сводя глаз с незнакомца, чтоб потом рассказать о нем деду.

— Как там погода?

— Так... Дождь только-только унялся, темнотища.

— Ночью всегда темно. Ты расскажи, что видишь.

— Да тучи — много-много. Над самой крышей.

— Ничего не видать больше?

— Как же... Вон за рекой на самом краешке неба звезда показалась.

— Ну а на реке что?

— Волны ходят вовсю.

— Деревья, деревья как?

— Деревья черные совсем... Чернее даже, чем всегда по ночам. И домик тети Ут Нью на плоту у пристани черный-пречерный, как кусок угля.

— Молодец! А если кто пройдет мимо, ты увидишь его?

— Конечно, увижу, дедушка.

— Тогда, сынок, сходи-ка умойся для бодрости. И садись в дверях, будешь нас караулить.

— Нет уж, раз дядя Нам здесь, я и так не засну,— заявил Хай.

Пренебрегая лесенкой, он спрыгнул с помоста наземь и стал ходить дозором вокруг дома.

Шау Дьонг взял Нама за руку:

— Сядь сюда со мной рядом, сынок.

— Спасибо. Как ваше здоровье, дедушка? Годы-то идут.

— Да, стар я стал. Земля рождает траву, старость — недуги. Спина у меня болит. Ты сядь, сядь поближе...

Нам давно уже сидел на топчане рядом с хозяином, а тот волновался, не зная, с чего начать разговор.

— Ага, вот что тебе надо знать прежде всего,— нашелся наконец старик.— Тайник выкопан в земле прямо под комнатой. Чуть что, спускайся туда... Одно плохо — еще день-два, и паводок нахлынет... Тут недавно полицейские облаву устроили. Все дома обыскали, кроме моего. Само собой, не из почтения к моей старости. Решили небось, я уж одной ногой в могиле стою, вот и забыли обо мне. Они позабыли, а вы помните. Я по одному этому вижу, плохо их дело... Да ты хоть ел сегодня-то?

— Спасибо, я не голоден.

— У меня тут пирогов новогодних целая связка, днем купил про запас... Да, еще одну вещь должен тебе сказать, пока не забыл. Эй, Хай!

— Я здесь, дедушка,— откликнулся мальчик, появляясь в дверях.

— Скажи-ка, сынок, когда дядя Куйен приходил покупать корзины?

— Позавчера утром.

— Верно, позавчера утром. Ты помнишь его, Нам? Это Там Куйен — Куйен Восьмой.

— Да, помню.

— Вот и хорошо. Стало быть, пришел он поутру за корзинами. Посидел со мной. Жаловался очень. Сам без работы остался, и брат младший тоже не при деле. А тут заявился к нему начальник полиции Ба, стал вербовать его: мол, сыт будешь. Куйен не знает, как быть. Я сказал ему — хоть землю грызи с голоду, а своих не предавай. Я-то помню, как в сороковом, ты тогда еще мальцом был, Там Куйен охранял дорогу, чтоб товарищи без помех флаги развесили.— Он пошамкал беззубым ртом и снова заговорил о прошлом: — И флаг тот как сейчас вижу —

красный, с серпом и молотом. Так и бросался в глаза на верхушке старого шао. Дерево было высоченное, взобраться на него никто не мог. Тут все сделать надо было с умом: сперва влезть на деревья пониже, что рядом росли, а уж с них перебросить канат на верхушку шао и по канату перелезть... Как повесили флаг, мы, столяры да плотники, и дед твой, понятно, с нами, пришли среди ночи, каждый пилу принес, и к утру спилили под корень все деревья пониже, что под боком у старого шао стояли. Еще один флаг повесили на стальной проволоке над рекой. Проволоку эту французы перерезали. А с тем флагом на верхушке шао ничего не могли поделаться. Ровно десять дней провисел у всех на виду. Французы прямо с ног сбились. В конце концов приказали солдатам спилить дерево. Грохнулось оно на землю, словно бомба разорвалась. Представляешь, комель здесь, на берегу лежит, а верхушка — чуть не на середине реки. Да так и застряло. Мать родная! Вода на подъем ли идет или на убыль, шумит, бурлит вокруг ствола да кроны — сущий водопад. И так год за годом. Ты помнишь, сынок?

— Да, помню.

— Дерево это лежало прямо перед моим домом. Теперь-то я слеп, в глазах темно. Но все равно, бывает, защемит сердце тоска, сяду у дверей и гляжу вниз, на пристань. Эх меня занесло, то одно, то другое — прямо как в «Троецарствии»¹. А ведь разговор-то сперва зашел о Восьмом Куйене. Так вот, когда заходил он ко мне, все отца твоего вспоминал.

— Дядя Куйен помнит отца?

— Да разве хорошего человека забудешь...— Вдруг посреди разговора вспомнив о чем-то, старик окликнул внука: — Хай, ты здесь?

— Да.

— Как там погода, сынок?

— Тучи над домом уже разошлись, — донесся со двора голос мальчика.

— Хорошо.

— На небе звезды появились. Вроде развиднелось немного. Дом на плоту хорошо вижу — то поднимется, то опустится. По реке волны ходят. Слышишь, как ударяют в берег?

¹ «Троецарствие» — китайский классический роман, написанный Ло Гуаньчжуном (1330—1400).

— Это-то я слышу.

— Хай, милый, ты небось спать хочешь? — спросил его Нам.— Поди-ка сюда.

Мальчуган вбежал в дом и, обняв столб, подпиравший крышу, глянул прямо в лицо Наму:

— И вовсе мне спать не хочется. Дядя Нам, вы вон как вымокли под дождем, продрогли, наверно. Закурите — сразу согреетесь. Не волнуйтесь, издали огонек светлячком кажется. Я посижу покараулю. А вы себе с дедушкой разговаривайте.

Не дожидаясь ответа, он снова спрыгнул во двор и стал ходить вокруг дома, решив на этот раз сделать круг пошире.

— Чем же кончилось дело с Куйеном, дедушка? — спросил Нам Бо.

— Да-да... Он и про тебя вспоминал. Слышал, мол, будто тебя ранили.

— А он знает уже, что я вернулся?

— Нет, пока не знает. Ты, сынок, подай ему как-нибудь о себе весточку.

— Ладно.

— Мается он, бедняга. Я, как узнал про его беды, две корзины ему подарил. Стар я стал, может, и думаю что не так. Да только, по-моему, люд деревенский сейчас все равно как эти бамбучины на полу: какая вдоль лежит, какая — поперек. Многие уже обструганы, распущены на дранки. А в куче все одно порядку нету, и пользы от них никакой. Взять бы их в руки, сплести, соединить, тут тебе выйдут и короба, и корзины. То же самое и с людьми. Есть и хорошие, и плохие. Плохих образумить надо верным словом. Да и от хороших, если держаться врозь, каждому свет единый в своем окошке — проку никакого. Надобно их сплести воедино. Я-то умею плести одни корзины да короба. А уж людей сплести друг с другом — это дело людей Революции, твое, сынок, да твоих товарищей...— Тут он опять вспомнил о чем-то своем и крикнул: — Эй, Хай!

— Да, дедушка.

— Где Пеструха?

— На кухне лежит.

— Кликни-ка его, поучить надо.

Мальчик вышел, щелкнул языком. Тотчас снизу из кухни примчался пятнистый пес.

— Он здесь, дедушка.

— Пеструха, ко мне.

Пес, встав на задние лапы, передние положил старику на колени. Хозяин погладил собаку, потом переложил ее лапы на колени к Наму.

— Это Нам,— сказал старик.— Понял, Пеструха? А ты, сынок, плюнь ему в пасть, чтоб запах твой лучше запомнил.

Пес высунул язык, облизал руки Нама и радостно завилял хвостом.

— Ну будет, будет, Пеструха! — унял его хозяин.— Слушай-ка лучше. Значит, так, Хай сторожит переднюю дверь, а ты заднюю. Понял? Увидишь чужака, сразу голос подавай! Ясно тебе?.. Хай, а Хай!

— Да, дедушка.

— Накорми Пеструху, сынок, досыта...

Нам поначалу решил просто навестить старика, воспользоваться случаем и разузнать побольше о здешних жителях. Но после разговора с Шау Дыонгом решил остаться у него. А дом Мьой можно будет приберечь для Шау Линь.

Жилище слепого корзинщика от хутора, протянувшегося вдоль мощенного камнем большака, отделяла плантация тутовника. Дом выходил на пристань. Сада вокруг него не было, лишь кое-где зеленели чахлые бананы. Дом стоял на отшибе и просматривался отовсюду. Местоположение очень невыгодное. Но опыт самых черных и сложных дней подсказал Наму: на территории, занятой неприятелем, наиболее безопасны именно те места, где враг что-то упустил, недоглядел чего-то, там он не раз скрывался, работал, существовал. Случалось иногда, что упущения врага на поверку оказывались лишь видимостью, хитрым приемом, пользуясь которыми он расставлял ловушки. Но дом Шау Дыонга противник явно упустил из виду: велика важность — жалкая хижина дряхлого слепца. Здесь, понял Нам, надежнейшее место. Залог этой надежности — сердце хозяина дома.

Итак, в первую же ночь, когда Нам только проник в стратегическое поселение, ему удалось создать подпольное партизанское звено и найти конспиративное убежище.

На ночь они улеглись вместе со стариком на топчане во внутренней комнате. В прихожей на другом топчане,

не покрытом даже циновкой, спал Хай, свернувшись, как креветка.

Нам думал: после измотавших его приступов лихорадки и утомительного ночного перехода он, попав в тихий, безопасный дом, заснет сладчайшим сном, едва коснувшись спиной циновки. Он лежал молча, закрыв глаза, но сон не шел к нему. Шум ветра и плеск волн у берега реки то убаюкивал его, то отгонял дрему прочь.

От дома Шау Дьонга до дома тетушки Тин, где остановилась Шау Линь, можно было при желании докричаться. Нам уснул незадолго до рассвета.

По стариковской привычке слепой хозяин встал рано и, усевшись на краешке топчана, принялся нарезать drankу. Следом проснулся Хай. Спустившись на кухню, он вскипятил воду и заварил деду чай.

Видя, что Нам крепко спит, они оба старались его не потревожить. Хай додумался даже вынести вместе с дедом во двор готовые корзины, чтоб покупатели не заходили в дом. Сам он улегся потом на свой топчан, свернувшись у простенка, отделявшего прихожую от внутренней комнаты, и не спускал глаз со двора, оберегая сон Нам Бо. Дождавшись пробуждения Нама, мальчик принес ему чашку чая, задвинул крышку тайника и лишь потом побежал на базар.

На другую ночь Нам ушел навестить жившую по соседству семью. Старик с внуком остались дома одни. Также, как прошлой и позапрошлой ночью, как во все другие ночи, огня не зажигали. Керосиновой лампой, стоявшей на алтаре, они пользовались, только когда приходили гости или мальчик не мог отыскать чего-нибудь в темноте. Старик любил быть неприметным. Сидел на топчане и строгал бамбучины. Внук лежал за его спиной. Пеструха на кухне караулил заднюю дверь. Нарезая drankу, старик спросил:

— Ну как тебе, сынок, показался дядя Нам?

Он спрашивал вовсе не для того, чтобы представить себе внешность Нам Бо; нет, ему хотелось узнать, как отнесся мальчик к их гостю. По нехитрым ответам его дед без труда узнавал, кого внук любит, а кого ненавидит. Однажды старик спросил: «Какое, по-твоему, сынок, лицо у начальника полиции Ба?» «Оно,— отвечал мальчик,— похоже на обвалившуюся кухонную полку...» Трудно, конечно, представить себе человеческое лицо, похожее

на рухнувшую кухонную полку, но дед его понял и долго смеялся. «Ну а лицо депутата Фиена?» — снова спросил старик. «Лицо его, когда он сидит один, сущая пышка, да еще лежалая. Он, видать, лопает все что попало, как свинья...» — «Так, а обличье капитана Лонга?» — «Точь-в-точь как у петуха, дедушка. Вечно пыжится. Вот-вот задерет голову и закукарекает. Зато, чуть завидит партизан, хвост подожмет и в кусты...» — «Напоследок еще скажи про Миня». — «У этого гада костюм будто куриным дерьмом вымазан, и смердит от него...» В общем, Хай к таким вопросам деда привык; но на сей раз он приподнялся, сел на край топчана и почему-то выглянул за дверь.

— Вчера вечером, — сказал он наконец, — дядя Нам был в черной бабѣ и показался мне очень добрым.

— Так-так.

— Он ранен прямо в глаз. У него один глаз вставной, но совсем как настоящий.

— Правый или левый?

— Левый.

— Что еще?

— Брови густые. И нос у него высокий.

— Такой нос называется «орлиный».

— Да, нос орлиный. Волосы еще не седые. Кожа потемнела от солнца. Я спросил, чем болен; говорит, в джунглях малярией заразился.

— Выходит, цвет лица у дяди Нама плохой?

— Плохой. Мне его очень жалко.

— Завтра прикинь, сынок, кто еще не расплатился с нами за корзины. Обойдешь всех, соберешь деньги и купишь на базаре пару старых сиамских уток.

— Дедушка, хорошо ли угощать дядю Нама старыми утками?

— Да нет же, мы будем их откармливать и каждый день пускать им кровь. Потом растворим ее в рисовой водке... А дядя Нам будет ее пить.

— Зачем, а, дедушка?

— Чтоб поскорее очистить кровь. Когда-то, давно уже, вернулись в наши края несколько ссыльных с Пуло-Кондора. У всех лица были серые, как земля. Стали отпаивать их кровью сиамских уток, и через месяц у всех, которого ни возьми, румянец во всю щеку.

— Завтра с утра побегу на базар. Не хватит нашей выручки, продам свинью, что я выкормил. Она уже вес нагуляла.

— По чтоб все было шито-крыто, дядя Нам ничего не должен знать. Говорил он с тобой о чем-нибудь?

— Спрашивал, почему не ношу рубашку, хожу в одних трусах. Я сказал, у меня есть две, даже три рубашки. Но я подражаю тебе, дедушка, ты ведь в детстве тоже бегал голый по пояс. Вот и я хочу закалиться и жить долго. Дядя Нам послушал, потом долго смеялся.

— С утра заходили люди во двор. Скажи, никто не подглядывал, не высматривал чего?

— Да нет, дедушка. Только соседки задержались — все языками мелют, никак не уйдут. Давай завтра тоже вынесем плетенки во двор под навес, чтоб никто в дом не заходил.

— Что ты, сынок, не ровен час соседям это в глаза бросится. Один раз — куда ни шло, а каждый день — опасно.

— Очень мне дядю Нама жалко: с утра до вечера под землей сидит. Вынести бы корзины с плетенками во двор, в дом никто и не сунется. Дядя Нам сможет отдохнуть на топчане, я буду снаружи караулить. Чуть что — подам знак, и он сразу в тайник нырнет.

— Дядя Нам — человек Революции. Он у нас в доме от врага таится, а не гостит, не отдыхает. Ему твои топчаны с циновками ни к чему. Но я подумаю, что тут можно сделать.

— Давай, дедушка, подумай. Вода в реке сегодня ровень с берегом стоит. Скоро паводок нагрянет, подземелье затопит. Каково дяде Наму там будет?

— Это, сынок, моя забота. Ты лучше сходи глянь, как там на дворе.

Мальчик — как всегда в одних трусах, загорелый до черна — спустился вниз и выглянул из-под навеса.

— Дождя нет, — сообщил он, — ночь ясная. Небо высокое-высокое, синее-пресинее. Куда ни глянь — всюду звезды. Прямо над нашей крышей созвездие стоит, звездочки — одна к одной. Вижу, на том берегу деревья стеной тянутся. Посередь реки три лодки большие, веслами машут. Волны к самому верхнему краю берега взбегают. Вон как плещут, слышишь?

Вдруг, словно вспомнив что-то важное, прибежал назад и зашептал деду на ухо:

— Чуть не забыл, дедушка... У дяди Нама две гранаты есть — черные, так и блестят!

Глава 21

Начальник полиции Ба начинает свой деловой день рано.

В кабинете перед ним стоит подросток.

— Ты военнообязанный, — говорит Ба. — Почему не явился на призывной пункт?

— Годами не вышел.

— Какие же годы твои, что не вышел?! — кричит начальник, выкатив для устрашения глаза.

— Вот отпразднуем Тет, и стукнет шестнадцать.

— Хочешь сказать, ты в пятнадцать вымахал таким верзилой?

Паренек, не найдясь с ответом, понурился, как бы прикидывая злополучный свой рост.

— Ты что, онемел?

— Да не-е-ет...

— А манго-то много вывезло твое семейство? Сколько лодок?

— Две, ваша милость.

— Двадцать небось?

— Нет, только две.

— Ну а лет тебе сколько? — опять спрашивает начальник.

— Тет отпразднуем, и стукнет шестнадцать.

— И ты в пятнадцать лет вымахал таким верзилой?

На сей раз паренек глаз не опускает.

— Разве ваша милость, — говорит он, — не может определить мой возраст по лицу?

— Ты из вьетконговской зоны. Я по вашим рожам не спец! Метрики нету, поди тут разберись!

Вдруг начальник вскакивает и, снова выпятив глаза, кричит:

— Снимай штаны!

Паренек глядит на него растерянный, испуганный.

— Тебе говорят — снимай штаны! Гляну-ка, нижняя рожа твоя поправдивей будет. Снимай!

А-а, вот оно что. А он-то думал... Это дело плевое. Паренек нагибается, развязывает шнур, на котором держатся штаны, и они падают на пол.

— Ладно! Одевайся. Пошел вон!.. Следующий!

Испуганный его криком, паренек не успевает завязать шнур и, подхватив штаны руками, выбегает за дверь.

Одногодки его, ждущие в коридоре, окружают парня, засыпают вопросами.

— Велел снять штаны и осматривал.

— Да ну?

— У кого волосы погуще... Сами понимаете... Лучше выщипать поскорее.

Один из ребят сразу отвернулся к стене, сунул руку в карман штанов и весь сморщился.

Обозрев в то утро «нижние рожи» пятерых парней, начальник полиции уличил двоих в сокрытии истинного возраста, злостном уклонении от воинской повинности и приговорил каждого к стотысячному штрафу, по заведенному им самим «тарифу».

Последней в кабинет входит Но. Когда за ней явилась полиция, у нее как раз собрались подружки, и она, попросив одну из них присмотреть за плетенками с манго, отправилась следом за двумя стражами в управу.

И вот она стоит перед лицом начальства.

— Ну как? — спрашивает Ба.

— Что «как», господин полицейский?

— Я здесь с тобой не шутки шучу! Брось свои дурацкие вопросы.

Начальник, изнывая от жары, расстегивает рубашку.

— Где твоя старшая дочь? — спрашивает он.

Женщина сохраняет спокойствие, хотя прямо на нее уставилась оскаленная морда тигра, выколота на начальственной груди.

— Я,— отвечает Но,— оставила ее приглядеть за садом.

— Что караулить там в эту пору?

— Оставишь сад без присмотра, через год есть будет печего. Разве не так, господин полицейский?

— Ты что, препираться со мной вздумала? — Ухватив полу рубашки, он обмахивался ею, точно подстрекая тигра броситься на дерзкую и растерзать в клочья.

— Да я говорю вам все как есть. Какие тут препирательства.

— У меня времени нет возиться с каждым из вас. Говорю тебе официально: оставила там дочь, значит, совершила преступление! Короче — сто!

Она никак не ожидала, что начальник будет так краток. Слово «сто» в его устах означало «сто тысяч». Всем, кто оставил на той стороне своих детей, еще вчера утром

пришлось уплатить начальнику полиции по сто тысяч донгов. Уклониться не было никакой возможности. И все же Но делает вид, будто не поняла его. Наклонясь, она роется в карманах. Начальник не сводит глаз с ее бледных худых пальцев. Наконец она извлекает бумажку в сто донгов и кладет ее на стол. Ба тотчас, взмахнув рукой, сметает ее на пол вместе с пресс-папье.

— Сто тысяч! — ревет он. — Сто тысяч!..

— Разве можно, господин полицейский, так бессовестно, бессердечно грабить людей?

Едва не задохнувшись от ярости, он вскочил, передернул плечами. Тигр на груди у него шевельнулся, но так и остался на месте. Начальник заметался взад-вперед по кабинету, потом кинулся к двери в соседнюю комнату.

— Минь, ты здесь? — крикнул он.

— Здесь.

Сидевший за письменным столом Минь встал и вошел в кабинет.

— Иди-ка потолкуй с этой бабой. Мочи моей больше нет.

— А что вас вывело из себя?

— Есть «тариф», она это знает и нарочно меня бесит. Выудила из кармана сотенную бумажку и сует мне. Да что я, нищий? Милостыню у нее прошу на чашку хутиеу?

— Оставьте, я поговорю с ней.

Минь терпелив, имеет подход к людям. А Ба по сей день сохраняет все замашки главаря хоахао. Говорит на жаргоне уличного отребья. Брань с языка не сходит. С подчиненными придиричив, груб, а еще величает себя их «старшим братом». Когда-то, при французах, чуть захватят село или уезд — тиранил он там людей, как сущий дьявол. Избивал свои жертвы толстой дубинкой, один конец ее выкрашен был в зеленый цвет, другой — в красный. Ежели бил кого зеленым концом, значит, деньги требовал, а красным — забивал насмерть. Собратья по секте хоахао называли ее «жезлом бытия и небытия». Те времена вроде канули в вечность, а Ба — он по-прежнему тут. Ничуть не изменился: хоть и надо бы действовать иначе, по-другому, да он все никак не привыкнет. И дружкам своим говорит прямо, без затей: «Были мы отступниками, отступники и есть, только раньше французам служили, а теперь — американцам. Разница где? Нету ее! Все прочее — пустые слова. Грабитель — он

нынче и есть повелитель. Главное — урвать кус пожирнее. А что не идет в руки — кроши к чертовой матери. Так бы и заявили открыто сверху донизу!»

Надо же, сегодня с самого утра все идет наперекосяк; начальник полиции гневается, и гнев его обращается против депутата Фиена. При французах, когда он заправлял ротой хоахао, куда бы они ни нагрянули, земля и небо — все принадлежало ему безраздельно. Гражданские власти кланялись ему в ноги. А теперь извольте делить с ними барыши и власть. В народе не стало былой покорности: то одно затеют, то другое. Эта сволочь депутат Фиен отхватил при дележе самые лакомые куски, а ему, Ба, останется мослы глотать. Да еще корчит из себя этакую ходячую добродетель, а сам шельма — пробу негде ставить. То к одному наведается, то к другому и каждому на ухо нашепчет неведомо что. Стравит людей, а сам стоит в стороне — любитесь. Зато с начальством льстив, угодлив сверх всякой меры. Тут еще этот капитан Лонг, чванится вечно: он, мол, опора государства, а на самом деле пуст, как разохшийся бочонок.

Ба выходит из здания управы и напрямик спускается к пристани. Это обычный маршрут начальника полиции, когда он не в духе.

Минь тем временем располагается в кресле за столом начальника и говорит:

— Здравствуйте, сестрица Но, садитесь, прошу вас. Чем же вы так разгневали шефа? Да вы присядьте, ноги-то, небось, гудят.

— Ничего, я постою. Вникните, пожалуйста, в мое дело.

— Да, я вас слушаю.

— Манго-то у меня набралось всего лодки две или три, а ему подавай сто тысяч. Где взять такие деньги?

— Садитесь же. И послушайте, что я вам скажу. Рано или поздно заплатить все равно придется. К чему вам лишние разговоры? Зря силы тратите.

Но садится на краешек стула — ей, мол, расслаживаться некогда. И заявляет:

— Правительство говорит, надо бороться со взяточниками. Про это во всех газетах пишут, и радио из Сайгона каждый день твердит то же самое. А здесь с тебя на каждом шагу деньги тянут. Да кто же стерпит такое!

Минь, он человек непростой: что угодно ему говори —

слушает, кивает, а лицо непроницаемое, как камень.

— Конечно, вы правы,— спокойно произносит он.— Но поймите, хоть здесь и центр подокруга, и по ночам даже электричество горит, только, если разобраться, деревня — она все равно деревня. В ваших словах есть резон, но кто к ним прислушается? Вдумайтесь как следует, верно ли я говорю. Тут вам не Сайгон. Да и в Сайгоне то же самое. Правда, в столице ухватки столичные — деньги гребут миллионами. Ну а в деревне по-деревенски — берут тысячами.

— То есть вы хотите сказать...

— Вот именно. Вы ведь из вьетконговской зоны, там одни порядки, здесь — другие. Там убеждают разумными доводами, взывают к лучшим чувствам, здесь объясняются с властями только с помощью денег. Будь вы там, никто не посмел бы вымогать у вас мзду. Но здесь вы должны применяться к обстоятельствам. Если уж рыба поймана, что за польза ей биться в садке — только чешую обдерет.

Откровенное бесстыдство его, да еще облеченное в назидательные, даже любезные словеса, выводит ее из себя:

— Но ведь это...

— Дайте мне договорить,— прерывает он ее.— Если вы всерьез рассердите начальника полиции, он прикажет арестовать вас. Кто посмеет за вас заступиться? Он обвинит вас в том, что вы послали дочь сотрудничать с Вьетконгом. Как вы опровергнете это? И вас посадят в тюрьму. Кто тогда позаботится о ваших детях? Чтобы выйти из тюрьмы, придется раскошелиться, но тогда уж вам ста тысячами не отделаться, надо будет выложить двести тысяч, а то и триста. Что дороже — деньги или дети? Подумайте хорошенько. В тюрьме, даже если вас не будут бить и никто пальцем не коснется — вы меня понимаете? — что подумают о вас, когда вы выйдете оттуда? А муж ваш, он далеко...

— Хватит! Ни слова больше! — Ей становится невмоготу: как ни горько, но он прав. Так и подмывает ударить с маху по его зловонному рту. Стараясь сдержаться, она комкает в руках полы рубашки. Ее бьет дрожь.

Минь видит: губы ее посинели от гнева. Но лицо его по-прежнему невозмутимо.

— Я знаю,— продолжает он,— вы, да и все земляки ваши, не очень-то жалуете нас. Рано или поздно вы вос-

станете. Нам ясно! для вас мы злодеи, изменники, и пощады не дождемся. Тут, в ваших краях, ни один из нас до седых волос не дожил, а иной, как рис соберут, и доесть его не успеваает. Что ж, будь что будет. Может, и не сносить нам головы. Ну а пока наша власть... Подумайте хорошенько. Я вас силком не принуждаю.

Ей все было ясно, тут и добавить-то нечего. Она посмотрела ему прямо в лицо: вроде на человека похож, а глянешь — с души воротит.

— А если у меня не наберется ста тысяч? — спрашивает она.

Нет, видеть его она больше не в силах. Вывернув карманы, Но швыряет на стол две пачки денег.

— Вот все, что у меня есть!.. — Голос ее прерывается от гнева. — Берите, давитесь! Мало будет, жрите дерьмо!.. Можете меня арестовать!..

Вскочив со стула, она подается всем телом вперед. Но Минь остается недвижим и холоден, как камень.

— Что за радость мне арестовывать вас? Деньги оставьте, шеф вернется, пересчитает. Если ему покажется мало, попробую замолвить за вас словечко.

Она поворачивается и быстро выходит из кабинета, чтоб не расплакаться на глазах у этого типа.

А начальник полиции знай себе стоит у речной пристани и любит, как три его катера перевозят народ. Работа у них спорится. Вот один дает гудок и, отчалив, выходит на середину реки.

У него уже вошло в привычку: чуть что расстроит его, выведет из равновесия, сразу спешит на пристань — глянуть на движимое свое имущество; зрелище это действует на него успокоительно. Вид катера, оставляющего за кормой пенистую дорожку, радует Ба. Потом, поднявшись на берег, он напрямик направляется на базар и, увидав Но, сидящую за плетенькой с плодами маяго, понимает: вопрос решен. И мысленно хвалит Миня. Вроде ни статью, ни обличьем не вышел, а ловок, умен. Сети плетет почище паука.

Если в делах у начальника полиции встречаются сложности, затруднения, он всегда обращается к Миню. И все же он чувствует: одного Миня ему мало. В дремучем невежестве своем Миня он считает докой по канцелярской части. Но ему нужен еще один помощник — силач с железными кулаками, который мог бы «расколоть» любого аре-

станта. Вот почему он все время возвращается мыслью к Восьмому Куйену, богатырю, знаменитому на всю округу. Когда его только еще назначили начальником полиции, он сразу подумал о Куйене. Пригласил его к себе на службу, но тот отказался наотрез. Теперь Куйен безработный, а на иждивении у него по-прежнему целая орава. Несколько дней назад Ба снова приглашал к себе Куйена и опять получил отказ, правда не столь решительный, как раньше. Предложения не принял, но обронил такую фразу: «Дайте мне время подумать...» Начальник полиции, полагаясь на свой богатый опыт, считает: Куйен сейчас может быть в одном-единственном месте — в трактире дяди Фоя. Туда-то он и устремляет свои стопы.

Глава 22

«Трактир дяди Фоя» — так с давних пор называют здесь харчевню у деревенского рынка. Сам дядя Фой умер еще в незапамятные времена, всем невдомек, что он был, собственно, за человек. Но заведение в начале улицы по-прежнему именуется «Трактир дяди Фоя». Здесь продаются любые кушанья и напитки: манты, пышки, мясные паштеты в кульках из банановых листьев, пирожки с салом, хутиеу, кофе с молоком, со льдом. В этот час посетители из трактира разошлись и рынок уже опустел. Но Восьмой Куйен еще был здесь. Он сидел в одиночестве на табуретке, придвинутой к угловому столику. Годы его перевалили за пятьдесят, но был он дороден и крепок, мускулистый, с бронзовой кожей, медлительный и угловатый, точно изваяние. И одевался он по-своему, не так, как все. На нем всегда были черные трусы и безрукавка — тоже черная, на голове — мятая черная шляпа. Никто никогда не видел его одетым по-другому, только трусы и эта безрукавка — на автобусной станции, на пристани, в трактире — где угодно. Трактир, по заведенному им обыкновению, он посещал самое меньшее трижды на дню. Есть ли у него деньги, нет ли — об этом он не думал. Были деньги — расплачивался сразу, не было — сидел за столиком, покуда, рано или поздно, в заведение не заглядывал кто-нибудь из «братишек» и не платил за него по счету.

До недавнего времени по реке пассажиров перевозили

три пароходства, по суше — три автобусные компании. На автовокзале Куйен был агентом-распорядителем компании «Унг Хоа», на пристани исполнял ту же должность от пароходства «Ван Ки». Зазывал пассажиров, помогал с билетами, багажом, посадкой. И, само собой, давал подработать родне и названным братьям, почитавшим его старейшиной и благодетелем. Но вот уж который месяц дела с перевозками круто переменялись: на речных причалах появились катера начальника полиции Ба, на автовокзалах — автобусы депутата Фиена. Новые «боссы» отнимали у старых хозяев пассажиров и места стоянок, не прибегая к деловой конкуренции, в дело пущены были административный нажим и даже вооруженная сила. Прежние владельцы были разорены. В услугах Восьмого Куйена больше никто не нуждался. Он потерял работу, а вместе с ним лишилась заработков родня и «братва». Карманы его опустели, но он никак не мог избавиться от старой привычки заходить в трактир и попивать там кофе.

По утрам он являлся «к дяде Фою» и, выпив первую чашечку кофе, сидел себе на корточках на табурете, ожидая кого-нибудь из «братишек». Стоило одному из них войти в трактир, Куйен подзывал его к своему столику и угощал кофе. Младший придвигал себе табурет и, подражая старшему, усаживался на корточки. Из рассказов «братишки», долгих и сбивчивых, Куйену становилось ясно: у того тоже в кармане ни гроша. Но не мог же он, старейшина, не блюсти репутацию человека, живущего на широкую ногу, и потому говорил небрежно: «Ладно, ступай, у тебя ведь дела. Я заплачу...» На столике перед ним прибавлялась пустая чашка. А сам он, все в той же позе, ждал другого кореша. Наконец этот другой появлялся. «Ну, — думал Куйен, — уж он-то при деньгах». Поднимал в знак приветствия бровь, приглашал вошедшего к своему столику и заказывал ему чашечку кофе. Официант, видя это, радовался за «старика» и весело кричал в кухонное окошко: «Ча-а-ашечку кофейку-у с ма-а-аленьким кусочком сахара!» Голос его звучал нараспев, то высоко, то низко. Слово за слово, и Куйен убеждался: гость сам рассчитывает на его щедрость. Конечно, виду он не подавал и говорил, как в лучшие времена: «Ладно, иди, у тебя ведь дела. Я заплачу...» На столике прибавлялась еще одна пустая чашка. Иной раз их

скапливалось и поболее... Но вот наконец в заведение вваливался тот самый долгожданный «братишка» — фетровая шляпа набекрень, лицо сияет, во рту сигарета. Выпив кофе, он подзывает официанта и, обведя широким жестом уставленный чашками столик, восклицает повелительно: «Счет!» Лишь после этого Куйен поднимается со своего табурета.

Но сегодня все идет наперекосяк. На столике перед ним полно порожних чашек, а избавителя нет как нет. Старик — хозяин трактира, войдя в его положение и дорожа постоянным клиентом, подошел, поклонился почтительно и заверил: мол, с радостью отпустит ему в долг любые напитки, пусть только тот позволит убрать со стола посуду — для порядка. Куйен в ответ лишь рукой махнул:

— Оставьте, я заплачу! — Он старался скрыть неловкость, и потому голос его прозвучал холодно. Но, если со стола уберут все, у него больше не будет повода сидеть здесь. И он остался в прежней позе на своем табурете.

Тут в трактир вошел начальник полиции Ба. Глянув на уставленный чашками столик Куйена, он сразу все понял и, напустив на себя смиреннейший вид, поклонился:

— Здравствуйте, старший брат.

По годам своим и в сравнении с тем уважением, которым пользовался Куйен, Ба и впрямь годился ему в младшие братья. Если на груди у начальника полиции выколот был тигр, то на широченной мускулистой груди Куйена красовался дракон, извивавшийся среди туч. Начальник полиции придвинул себе табурет и уселся рядом.

— Позвольте предложить вам чашечку кофе? — спросил он.

— Да я уж вон сколько выпил, — сказал Куйен, показав на пустые чашки. — А ты угрожайся.

Ба заказал себе чашечку кофе и, помешивая его, спросил:

— Ну как решили, почтеннейший?

— За то, что вспомнил обо мне, спасибо. Но я думаю так: народ, с которым я связан, конечно, рискованный, коль идешь на дело, будь начеку — не ровен час ножом прынут. А ты что предлагаешь? Бей людей, а они тебе дать сдачи не могут. Разве это дело?

— Да в том-то и весь смак, почтеннейший. Ты их

мордуешь, а они и пальцем шевельнуть не смеют.

— Где ж тут героизм?

— Сказать по правде, я предложил это, чтоб вам с голоду ноги не протянуть.

Слово полицейского кольнуло Восьмого Куёна в самое сердце. Чтоб не загнуться с голоду, он и связался со всякой шпаной. Эти «боссы» сами у него все отняли, а теперь чуть не милостыню сулят.

Допив свой кофе, начальник полиции подозвал официанта и небрежно махнул рукой:

— Получи за все!

«Ну и тип! — вознегодовал Куён. — Благодетеля из себя корчит. Всякое в жизни бывало, но чести я своей не марал и марать не намерен!..» Не сдержавшись, он прихлопнул ручищей своей ладонь полицейского, и та показалась сразу крохотной, как птичья лапка.

— Я за себя плачу сам! — отрезал он, глядя в глаза начальнику.

Тот покраснел от стыда, но, не смея перечить, улыбнулся натужно: ладно, мол, все в порядке.

Когда начальник полиции удалился, Куён в сердцах, не зная, как быть, заказал себе еще кофе, чтоб успокоиться.

Вдруг в трактир вошел какой-то паренек и вежливо поклонился:

— Добрый день, дядя Куён.

По всему видать, паренек этот с «братвою» не имел ничего общего. Но, взяв табурет, он присел за столик к Куёну и крикнул официанту:

— Пожалуйста, чашечку кофе!

Официант наметанным глазом своим определил: парень хоть и новичок, но явно при деньгах.

— Ча-а-ашечку кофейку-у! — крикнул он нараспев. — Са-а-ахару побольше!..

Паренек размешал сахар и стал пить кофе из ложечки. Но в ней было три дырочки. Поднесет ложечку ко рту, а там — пусто. Явно впервые в жизни кофе в трактире пьет.

— Да ты перелей его в блюдце, — сказал Там Куён, — остынет, и выпьешь разом.

Но мальчик, скорее всего, не так уж и жаждал кофе.

— Уважаемый дядя Там, — спросил он, — как вы себя чувствуете последнее время?

Там Куйен, не отвечая ему, сам спросил:

— Как тебя зовут?

— Меня, уважаемый, зовут Шыон.

— Чей ты сын?

— Я, уважаемый, сын Хай Мау.

— А-а, Хай Мау — Второй Мау! Он с хутора Шау Дыонга, так ведь?

— Да, верно.

— Куда это ты собрался? И сюда зачем пожаловал?

— У меня, уважаемый, дело есть.

— Ладно, пей. Остынет совсем.

Шыон взял чашку и залпом выпил кофе. Куйен, глядя на него, расхохотался.

— Дядя Там,— сказал мальчуган робко,— у меня сегодня есть деньги. Позвольте, я и за вас заплачу.

— Ну, раз ты такой добрый!..

«Парнишка,— решил Восьмой Куйен,— хочет войти в «дело» и надеется на мое покровительство».

Официант подал счет за семь чашек кофе. Будь это кто из «своих», Там Куйен сразу спустил бы ноги на пол и зашагал бы к выходу. Но сейчас он решил задержаться и расспросить странного паренька.

— А откуда у тебя деньги, чтоб и за меня платить?

— Я-я... уважаемый... мне...

Видя его смущение, Куйен заподозрил неладное и сказал уже резче:

— А ну, выкладывай!

— Я-я... уважаемый... деньги... они не мои...

Там Куйен вытаращил глаза.

— Это легавый Ба тебе их сунул?! — Голос Куйена клокотал от ярости. Он даже зубами заскрипел.

— Да нет, уважаемый.

— Тогда кто же?

— Э-э... Один ваш знакомый.

— Мой знакомый?

— Ага.

— Что ты плетешь, не пойму!

Время близилось к полудню, в трактире в эту пору народу было мало. Шыон придвинул табурет вплотную к Куйену и сказал тихонько:

— Деньги... уважаемый... дал дядя Нам.

— Какой еще Нам?

— Э-э... дядя Нам... уважаемый... он тоже бедняк.

Да вот... узнал про ваши затруднения... дал мне деньги... Иди, говорит, заплати за дядю Тама.

— Кто он такой, твой дядя Нам? Я никак в толк не возьму. Раз не объясняешь, не смей платить!

— Вы, уважаемый... Давайте выйдем отсюда... я скажу.

Куйен заметил: паренек вроде робеет не от страха.

— Давай, иди вперед! — сказал он.

Шьон встал первым. Там Куйен двинулся следом. Они вышли из трактира.

— Ну, говори, что за дядя Нам?

— Э-э... уважаемый... это дядя Нам Бо.

Куйен вздрогнул и, оглянувшись, с изумлением уставился на мальчугана.

— Кто? Чьи, говоришь, деньги?

— Дяди Нам Бо, уважаемый.

— Нам Бо? Неужели? — Голос Куйена звучал как-то странно.

— Ага, он и есть. Вы его знаете, да?

— Нам Бо... Зовут-то его Хай Зан — Второй Зан, понял? Отец его был председателем Вьетминя здесь, в уезде. Мне ли его не знать! Неужто правда? О небо и земля!

На глазах у Шьона Там Куйен словно стал другим человеком. Грозный, непокорный, он вдруг помягчел, даже голос стих до невнятного говорка. Здоровенный, неотесанный верзила — от такого только и жди подвоха да грубости — обернулся сущим добряком и милягой. На глазах — хочешь верь, хочешь нет — даже слезы показались.

Куйен, он хоть и связался давно с «братвой», в душе считал себя другом «товарищей». А началось это в молодые его годы, в самую мрачную пору. Рос он сиротой в плотницкой общине, сызмальства прислуживал, прирабатывал по чужим домам. Как вошел в возраст, стал пильщиком, мастером хоть куда. Это он с братьями притащили свои пилы и среди ночи спилили все деревья вокруг высоченного шау, на верхушку которого подняли красный флаг. Когда в сороковом восстание в Намки¹ было по-

¹ Намки — старое название Южного Вьетнама. В конце ноября 1940 г. неподалеку от Сайгона вспыхнуло восстание, которым руководили коммунисты; повстанцы овладели рядом военных постов и административных центров в восьми провинциях и продержались около полутора месяцев.

давлено, он, чтобы вырваться из вражеского кольца, на- нялся гребцом на судно, перевозившее рыбу в Сайгон. Потом, чтобы не помереть с голоду, связался с «братвой», пошел в подручные к «на́большему», орудовавшему на автовокзалах. Однажды в завязавшейся драке он раска- ленной докрасна кочергой поверг и разогнал «конкурен- тов». Эту-то кочергу в обличье дракона, извивающегося среди туч, вытатуировали у него на груди. Так день за днем он все дальше и дальше шел по дурной дорожке. Иногда, вспоминая старых друзей своих, «товарищей», он утешал себя, что не предал никого из них. «Жаль,— думал он,— руки мои замараны...» И надо же, теперь, когда он обнищал вконец, Революция вспомнила о нем.

— Вот что,— сказал он Шыону,— ты передай Нам Бо мою благодарность. И скажи: жизнь Восьмого Куйена точь-в-точь водопад, пенистый, мутный, но сама вода еще, может, на что и сгодится. Запомнил?

Глава 23

Доан с ребенком на руках стояла в дверях, прислонясь к косяку, и глядела на дорогу. Волны на реке с шумом били о берег. Дул холодный ветер. Доан усадила сына на узкий бамбуковый топчан, вошла в первую комнату и ска- зала негромко, так, чтобы слышно было за перегородкой:

— Дождь льет.— И, помолчав, спросила: — Шау, ты хорошо все объяснила Тонгу?

— Лучше некуда.

— Черт бы их побрал, припрутся небось непременно. Ладно, ты лежи да прислушивайся.

— Темно уже, почему благовонные палочки не зажигаешь?

— Верно, что-то я в последние дни все забываю.

Она вернулась к дверям, взяла малыша на руки. По- том зажгла пучок благовонных палочек— десяток или поменьше того— и сунула их в курильницу. Пряный дымок поплыл клубами по дому, словно здесь выкури- вали комаров.

Доан, соседка Шау Линь по хутору, была на три года старше ее. Вот уж четвертый год, как они с мужем пере- брались сюда, к самой реке: отделились от стариков через

три месяца после рождения первенца. Да только сыну и года не исполнилось — мужа забрали в солдаты и угнали в Ашау, за Хюэ. С младенцем на руках много ли работаешь? И земли своей у них не было. Пришлось Доан просить у мужниной родни в долг — дали кто сколько мог; на собранные деньги открыла свое «дело»: продавала соевый соус и рыбный, лук, чеснок, сахар... и водку рисовую. Муж написал ей из Ашау письмо, а потом чуть не год — ни слуху ни духу. И вот однажды прислал к ней депутат Фиен человека с похоронкой. Потом вернулся сосед — его с мужем в один день призвали и в одну часть направили, — худущий, как привидение, мундир пятнистый, одна штанина, пустая, на ветру болтается, сам ковыляет на костылях.

— Сестрица Доан, — спрашивает, — вы про своего мужа слышали?

— Да. Вы хоть тело-то его видели?.. Поздоровайся с дядей, сынок. А может, его, как и вас, ранило и мне похоронку по ошибке прислали?

— Мне-то разом и не повезло, и вроде счастье привалило. Еще в бой не вступили, угодил в ногу осколок снаряда. А муж ваш... Да разве там труп отыщешь? Прибежали люди с поля боя, сказали: мол, остался он лежать там, где самолеты союзников вели бомбежку по площадям и угодили по своим. Разве тут что уцелеет?..

Значит, все! Отнесла она фотографию мужа на базар, заказала художнику портрет большой нарисовать и алтарь поставила — память покойного чтить.

Когда муж уходил, она плакала. Когда письмо от него из Ашау пришло, плакала. Плакала, получив похоронку. И когда сосед печальную весть подтвердил, плакала. Она плакала все время, и слезы ее на иссякали. В тот день, когда алтарь ставила и ни на что уже больше не надеялась, плакала сильнее прежнего.

Но однажды тетушка Тин — бог знает куда она шла — заглянула к Доан — вроде бы справиться о здоровье ребенка.

— Ну как, получила известие? — спросила ее невзначай повитуха.

— Какое еще мне ждать известие, тетя Тин?

— Муж-то твой жив.

Доан побелела вся, оцепенела и уставилась на старуху. Потом к ней вернулся дар речи:

— Откуда вы знаете, тетя?.. Это правда? Правда, тетя Тин?

От радости у нее дух захватило.

— Сядь-ка да успокойся,— сказала тетушка Тин.— Расскажу тебе приятную эту историю от начала до конца.

— Хорошо, тетя, я сяду. И ты, сынок, сиди смирно, послушай бабушку.

Но сама она никак не могла успокоиться. Сказала, что сядет, а все стояла с малышом на руках и уговаривала его сидеть спокойно.

— Вчера вечером,— начала тетушка Тин,— зашла я к жене Бай Тха, знаешь— на хуторе, что на другой стороне. Встретила у нее Шау.

— Какую Шау, тетя Тин?

— Шау Линь, какую ж еще.

— Вы видели Шау Линь? Она здорова? Как вы могли с нею встретиться там, на хуторе?

— Хутор-то наполовину наш, наполовину ихний.

— А дальше что? Про мужа откуда узнали?

— Шау, доченька моя, попросила передать тебе: муж твой жив. Вовсе он не убит, его Освободительная армия в плен взяла.

— Это правда, тетя Тин? Что же дальше-то? Шау видела моего мужа, тетя?

— Мужа твоего взяли в плен далеко отсюда, где же Шау могла его видеть? А узнала она обо всем вот как. Она ведь отрядом командует, и там у них есть радио такое — звук записывает. Ну, Шау, доченька моя, и поручила Тхань каждый день радио слушать, за новостями следить. Тхань, стало быть, и услышала, как муж твой вам с сыном весть подает...

— Он сам... Сам по радио говорил, да, тетя? И голос его? Слышишь, сынок, что бабушка говорит?

— Я-то лично радио это не слышала. Сказать ничего не могу. Но Шау, она боялась, ты на слово не поверишь, и послала тебе вот это.

— Что это, тетя Тин?

Доан следила не отрываясь за руками тетушки Тин, а та не спеша извлекла из сумки какую-то вещь, завернутую в красный полосатый платок, в каких обычно носят бетель. Развернула его.

— Это и есть пленка, на ней голос записан. Все, что твой муж сказал, — здесь.

Доан робко протянула руку за пленкой. «Точь-в-точь, — подумана старуха, — как дитя голодное тянется за пирожком». Взяла и, держа на ладони катушку с пленкой цвета тараканьего крыла, глядела на нее, не моргая, тяжело дыша. Потом поднесла пленку к уху.

— Даже не знаю, тетя, у кого взять радио, чтоб послушать?

— А ты припомни, неужто на хуторе у вас ни у кого нету?

— Есть-то у многих, да люди все не наши.

— Давай тогда так сделаем. Если некого будет попросить, бери сына и приходи к Бай Тха. Они сговорятся с Шау, и она принесет машинку.

— Это удобней всего. А вы, тетя Тин, передайте, пожалуйста, Шау Линь мою просьбу.

— В чем, в чем, а в этом помогу тебе. Прикинь-ка, когда ты сможешь зайти к Бай Тха?

— Сегодня вечером нельзя, тетя Тин? Очень уж мне невтерпеж. Помогите, сделайте милость.

— Дай-ка подумать. Ладно, будь по-твоему.

Тем же вечером Доан одолжила у соседей лодку с подвесным мотором, и они с тетушкой Тин отправились на хутор к супругам Бай Тха.

Черный транзисторный приемник с магнитофоном стоял на столе рядом с керосиновой лампой. Доан с сынишкой, все семейство Бай Тха, тетушка Тин, Шау Линь, Тхон, Тха и еще несколько соседей уселись поплотнее на топчане. Доан, взяв малыша на руки, придвинулась к самому приемнику. Тхань нажала кнопку, слышалось глуховатое потрескивание, пленка цвета тараканьего крыла начала разматываться, и вдруг зазвучал голос:

— Я, Хюинь Ван Шон, обращаюсь к жене Ле Тхи Доан из общины Михьонг в провинции Лонгтяуша. Дорогие, любимые жена и сын. Во время карательной операции в лесу возле базы Ашау я был взят в плен Освободительной армией. Но Национальный фронт освобождения и Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам великодушно простили мне мою вину. Со мной хорошо обращаются, кормят вдоволь, дали возможность учиться, чтоб разобрался, на чьей стороне справедливость и правда. Сегодня с помощью радиостанции «Освобождение» могу подать весть тебе и сы-

ну, отцу с матерью и всей родне, твоей и моей, чтобы вы не беспокоились обо мне. Не переживай из-за меня, дорогая, береги здоровье. Старайся, чтобы сын рос большим и умным. Уже недалек день, когда я вернусь к вам. Передавай от меня привет родителям и всем близким, всем нашим соседям. Целую тебя и сына. Хюинь Ван Шон...

По щекам Доан текли слезы.

— Тхань, дай послушать еще раз! — сказала она.

Пленка закрутилась снова. И повторилось это семь раз.

Домой она вернулась за полночь. Но ей не спалось, и она побежала искать Тонга. Шон, ее муж, с Тонгом двоюродные братья, но любили друг друга как родные. Она поделилась с ним радостной вестью. А еще через несколько дней привела его повидаться с Шау Линь, когда та оставилась у нее в доме.

Нынче вечером Тонг обещал привести двух своих дружков из «гражданской охраны» — встретиться с Шау.

Итак, Доан зажгла для вида благовонные палочки на алтаре, уложила ребенка в гамак, укачала его и отнесла во внутреннюю комнату, передав на попечение Шау.

А сама стала прибираться в доме. Дом ее был невелик, стоял он на земляном фундаменте в середине хутора у самой дороги. Он поделен был на две комнаты: внутренняя служила одновременно спальней и кухней, во внешней помещалась лавка и распивочная. Здесь в беспорядке громоздились корзины, коробки, кувшины, бутылки. На бечевках, протянутых вдоль окна, висели завернутые в листья новогодние пироги, лепешки из муки, смешанной с яйцами и мякотью кокоса, школьные тетрадки. В тесном помещении дух захватывало от смеси едких запахов чеснока, лука, соевого и рыбного соусов... Но в глазах посетителей заведения — гуляющих парней и мужчин — неудобства эти ничего не значили рядом с достоинствами хозяйки, молодой пригожей вдовушки, что жила здесь одна — сын-то ее был совсем мал. Поэтому завсегдатаи, в особенности молодцы из «гражданской охраны», с утра до ночи, куда бы ни шли, по пути непременно заглянут к Доан. В заведении не было ни стола, ни скамеек, один лишь узкий бамбуковый топчан стоял перед алтарем.. Но посетители и без мебели не тужили: усядутся в кружок на полу, похлопают друг друга по ляжкам, пропустят

стопку-другую и довольны — дальше некуда. Иные, кто поразгульней, выпив, подманивали Доан, делали ей недвусмысленные намеки. Ах, как хотелось ей выставить их за дверь, но от них-то и было больше всего дохода. А пропьются — ведут к ней денежных дружков своих. Каждый вечер шумят, гуляют допоздна. Частенько приходилось выпроваживать их среди ночи:

— Все, гости дорогие, пить больше нечего. Приходите завтра вечером.

— Ну, коли так, здесь и заночуем! Завтра гульнем с утра пораньше.

— Что вы на нас коситесь так зло, сестрица?

— Ладно, ребята, пойдем! Ночь на дворе.

— «Гуд-бай», сестричка!

Случалось, кто-то хватал ее за руку и, бормоча со светским шиком «бон-суар», поровнил облобызать ручку.

Она готова была стореть со стыда. Но что поделаешь! Правда, с того вечера, как Шау дала ей послушать заветную пленку, Доан стала тверже, крепче духом. В глазах этой швали она по-прежнему вдова солдата, павшего на поле брани. Ей их бояться нечего. А для своих и муж, и сама она — близкие люди, товарищи. Доан радовалась за себя и за сына.

Подметя пол, вытряхнув циновки, она выглянула за дверь и сразу побежала назад, к перегородке:

— Эй, Шау, они идут!

Первый гость, в нейлоновом дождевике, наброшенном на плечи, с опущенной дулом вниз винтовкой на ремне, спросил с порога:

— Найдется чем повеселить душу, сестрица?

— Сколько вас-то?

— Всего трое.

— Заходите.

Трое парней из «гражданской охраны» сняли дождевики, кинули их на пол у двери и вошли в дом. Первый — Сэ, за ним — Шань, третий — Тонг. Неразлучная троица.

— А днем говорили, у вас водка кончилась и вечером будет закрыто, — сказал Шань.

— Для кого кончилась, а для нас — нет! — подмигнул ему Сэ.

— Да-да, только для вас троих. Если кто спросит — вышивку вы принесли с собой. И никого больше не приглашайте, опять шум начнется. Закрой дверь, Тонг.

Каждый из гостей водрузил на бамбуковый топчан по транзистору «Нэшнл Панасоник»¹ — черный принадлежал Сэ, два красных — соответственно остальным.

Затем и трое радиовладельцев уселись на топчан — каждый в своем углу.

Доан расстелила на циновке газету, поставила на нее бутылку рисовой водки, тарелку с вялеными креветками и маринованным луком и три стопки.

— Есть еще сушеная рыба шат,— сказала она,— если кто захочет, могу поджарить.

Сэ протянул руку к тарелке, взяв креветку, запрокинул голову, разинул рот, бросил в него креветку и задвигал челюстями.

— Эй, Сэ! Поймал бы песню старинную. Дождь льет, тощица!

— По какому приемнику? — спросил Сэ.

— По твоему! — ответил Шань.

Сэ ухмыльнулся. Спрашивал он просто так, для виду. Если не его приемник включить, то чей? В деревне теперь, стоит сойтись парням, сразу соревнование затеют: не в силе состязаются, не в смекалке — бахвалятся друг перед дружкой вещами, часами, транзисторами. Сравнивают приемники — чей лучше? Мерилом служат вовсе не реальные достоинства аппарата: количество транзисторов, число диапазонов или качество приема. В технике здесь никто не разбирается. Все решают сами участники. Главный критерий у них — громкость: чей приемник всех заглушит, тот и наилучший. Потом учитывалась длина антенны: у какого из транзисторов в антенне больше выдвижных коленец, тот и получше. И наконец, третье: который приемник — сколько его ни включай, ни выключай — сразу дает любой звук, что высокий, что низкий, без затухания, тот лучше прочих. Ну а на «конкурсе» часов требования росли не по дням, а по часам. Еще не так давно их просто клали в воду: не станут — значит, лучшие. Но это сразу устарело. Теперь хронометры с маху швыряли на бульжную мостовую: которые после этого шли, объявлялись наишервейшими. Однако в конце концов возобладало испытание огнем. Часы кидают в костер: не почернеют, не обгорят, не выйдут из строя — слава часам, слава владельцу!

¹ Название японской радиоэлектронной фирмы.

Сегодняшняя троица — радиопоклонники. На последнем состязании транзистор Сэ получил первый приз. То был трехдиапазонный приемник в черном корпусе с антенной в восемь колен, могучим звуком и подсветкой шкалы, сделанный в самой Японии. Транзисторы Шаня, Тонга и прочих собраны были в Сайгоне — тут и сравнивать нечего!

Гордый своим аппаратом, Сэ восседал, поджав ноги, поставив приемник на бедро; щелкал переключателем диапазонов, гонял взад-вперед стрелку по шкале. Что только не попадалось ему в эфире: Ханой, радиостанция «Освобождение», Сайгон, армейские станции! Он снова щелкал, крутил, вертел — шестисложных старинных песен не было, хоть убей. Шань ликовал.

— Ну и ну, пить водку в такую дождливую ночь и чтоб не поймать по этому знаменитому «ящику» задушевную старую песню! — Он брезгливо оттопырил нижнюю губу и продолжал: — Да я на твоём месте вышвырнул бы его пинком за дверь.

— Если ты такой мастак, — расхохотался Сэ, — включай свою кастрюлю!

— Ха, у меня бы этот «ящик» запел старую песню в любую минуту. Чикаешься там...

— Да если станция не передает твои песни, как он их может поймать?

— И передает... и поймать можно.

— Трепло!

— погоди — увидишь. На Новый год заведу себе аппарат: захочешь услышать душевную песню — уважу по первому требованию. Проснешься среди ночи, ни одна станция не работает, а он тебе поёт.

— Ладно, хватит трепаться, пей лучше! — Сэ отставил приемник в сторону и потянулся за стопкой.

— Я дело говорю. Ты не видал и не знаешь.

— Это я-то не видел?

— И где ты его углядел?

— В Сайгоне, где же еще!

— А большой он?

— Да с наш общинный дом будет.

— Ой, мама родная!

— И в середке целая труппа — певцы, музыканты...

Тут Шань уразумел: Сэ просто смеется над ним. И захохотал принужденно:

— Ха-ха! Ну и балда... Я говорю о приемнике с магнитофоном.

— А-а... Я-то думал...— Сэ, взяв стопку, закивал в ответ.— Через год и у меня такой аппарат будет... Давай пей, Тонг!

Тонг до сих пор и словом не обмолвился, думал о чем-то своем. А ведь их «триумвират» гражданских стражей завел уже некий ритуал: в начале пирушки — разговор о приемниках (у других все начиналось с часов или японских мотоциклов «хонда»).

Так и не поймав по радио старинных песен, они отложили транзисторы в сторону и начали пить.

Доан присела на краешек топчана. Раньше, еще пару дней назад, хоть до чертиков надерутся — ей даже в радость было. А теперь вот глядит на них и почему-то жалеет. Сэ ведь едва восемнадцать стукнуло, Шаню — девятнадцать, Тонг — его ровесник; ни одному и двадцатито нет, а с виду — ну прямо забулдыги. У Сэ вон даже приемы особые: поднимет согнутый локоть вровень с плечом, поднесет стопку к губам и споловинит одним духом. Трижды осушат стопки, и поллитровка пуста. Каждый во время пьянки меняется на глазах... Доан изучила повадки каждого «клиента». Тот же Сэ, к примеру, напивается в три стадии. Когда явится только — трещит без умолку, дергается, как креветка, а чуть поддаст — побледнеет, надуется и молчит. Это, считай, первая стадия. Выпьет еще и опять разговорчив, мочи нет; но все шепотком да на ухо. Бормочет, сипит — ничего не понять, и вдруг воскликнет «однако!», а там снова шепчет, покуда не повторит свое «однако!» — раз, и другой, и третий. Эта стадия — вторая. Напоследок же он орет в голос и хлопает всех по плечу, пока не рухнет без памяти... Шань, по натуре немногословный, как примет водочки, болтает, хохочет, бранится — рта не закрывает...

Тонг что-то сегодня больно молчалив и задумчив.

Сэ снова ухватился за приемник, покрутил и опять отставил.

— Сестрица, дайте-ка нам еще бутылочку.

— Все, больше нет.

Сэ с Шанем только-только вступили в первую стадию, и на тебе — водка кончилась. Они уставились на хозяйку: мол, обманула, погубила.

— Не шутите с нами, сестрица!

— Ладно, выпили — и хватит.

— Мама родная! Даже горло не промочили, а вы — хватит! Нет уж, сестрица, выставляйте еще бутылочку. Дождь хлещет, песен и тех не послушали. Разве это дело?

Доан с пустой бутылкой в руке так и сидела на краешке топчана.

— Как же вы, надравшись, караулить пойдете? — спросила она.

— От кого караулить прикажете, сестрица?

— Да от Вьетконга, от кого же другого. Ну и вопрос, а еще в «гражданской охране» состоите!

— Тут всё умиротворили! Откуда Вьетконгу-то взяться?

— Ладно, налью вам еще бутылку.

— Вот это дело! — Сэ с Шанем, восхищенные, перемигнулись, зареготали. — И заодно уж, сестрица, рыбки поджарьте!

Слова словами, но Доан так и осталась сидеть на топчане, не тронувшись с места.

— Раньше чем налью, — сказала она, — хочу вам вопрос задать.

— Спрашивайте, что душе угодно! — выпалил Шань.

— Нет, — заартачился Сэ, — сперва налейте, а потом вопросы задавайте! У меня во рту пересохло.

— Потерпите. Я вот что хочу знать...

— Спрашивайте, не томите душу! Сразу и ответим.

— Хорошо... Скажите-ка, если встретится вам кто из Вьетконга, стрелять в него будете?

Парни оторопели, такого вопроса они не ждали. Даже протрезвели вроде и устали друг на друга.

— А еще хвалились: ответим, мол, сразу. Вы что, онемели?

— Как все, сестрица, так и я, — пробормотал Шань.

— Ну а ты, Сэ?

— Налейте сперва, тогда скажу.

Доан по-прежнему сидела на краешке топчана.

— Тогда еще один вопрос. Повстречай вы, к примеру, Шау Линь, что делать станете?

— О небо и земля! — снова выпалил Шань. — Вам-то зачем, чтоб мы с ней встречались?

Доан засмеялась:

— Это я так, для примера. Да вижу, вам и ответить

нечего. Ну а не ровен час встретите Шау, что тогда?

— Там видно будет! — стал горячиться Сэ. — Вы пока наливайте, сестрица.

— Нет, покуда не ответите толком, не налью.

— Эй, Тонг! — повернулся Шань к приятелю. — Ты тоже хорош — сидишь как пень. Ответил бы, уважил ее!

— Говори что хочешь, — подхватил Сэ, уставясь на алтарь, — лишь бы мне выпить дали.

Тонг весь подался вперед:

— Я-то? Да я при виде ее на колени бы стал и поклонился в ноги.

Оба приятеля его всполошились: а ну как хозяйка, услышав такое, вознегодует — вон палочки-то на алтаре в честь убитого мужа курятся. Но Доан, к великому их изумлению, рассмеялась, и они засмеялись следом.

— Так, с Тонгом все ясно. Ну а вы оба?

Сэ с Шанем переглянулись, снова посмотрели на алтарь. И Шань, он оказался попроворнее на язык, сказал:

— Тонг мужу вашему двоюродный брат. А я-то, сказано было, как все.

— Значит, Тонг, ты и впрямь на колени станешь?

— Да.

Доан, не вставая с топчана, обвела взглядом всех троих, потом подняла глаза и сказала:

— Ну-ка, обернитесь и гляньте — кто там?

Шань увидел первым: какая-то неясная женская фигура вдруг возникла рядом с топчаном. Увидел и узнал — Шау Линь! Совсем ошалев от страха, он замахал руками:

— О небо!.. Чур, чур меня, призрак!

Сэ, завидев Шау Линь, соскочил с топчана и попятился.

— Да будет вам, — сказала Шау, — никакой я не призрак. Садитесь-ка, братцы, мне надо с вами поговорить.

Сэ с Шанем все еще тряслись от страха. Доан, не в силах сдержать смех, прикрыла рукой рот и сказала Тонгу:

— Сходи-ка, брат, покарауль снаружи. А Шань и Сэ останутся здесь — поговорить с Шау Линь.

— Ага! — Тонг слез с топчана, взял винтовку, отворил дверь, потом обернулся: — Вы, ребята, побудьте здесь с Шау, я вас постерегу.

Шань укоризненно глянул на него:

— Ну и тип же ты! Скрыл от меня...

Тонг, ухмыльнувшись, набросил на себя нейлоновую накидку и выбежал под дождь.

— Да садитесь! Садитесь же! — Доан, уговаривая их, подталкивала обоих к топчану.

Шань, едва переставляя ноги, приговаривал:

— Небо... Небо мне будет свидетелем... И сестрица Доан не даст соврать. Я сказал: как Тонг, так и я...

Сэ отрезвел, но губы у него еще вздрагивали:

— Шау, сестра, пожалейте нас. Не вступи мы в «гражданскую охрану», нас забрали бы в солдаты и угнали в Ашау.

— Да я, братцы, все про вас знаю, — сказала Шау.

— А-а...

Они сели — плечо к плечу, опершись на алтарь. По-нурились, украдкой поглядывая друг на друга.

Доан ушла во внутреннюю комнату — взглянуть, спит ли сын, быстро вернулась и уселась на прежнее место. Шау тоже присела на топчан — с другой стороны. Она заговорила, и голос ее звучал негромко и задушевно:

— Я и вправду отношусь к вам как к младшим братьям моим. Знаю, не по доброй воле вы стали охранниками.

— Да-да... Так и есть, сестра... — сказал Сэ. — Отцу с матерью пришлось еще и денег дать кому надо, иначе...

Шань толкнул его локтем в бок: помолчи, мол, лучше.

— Я знаю, — продолжала Шау, — в руках у вас вражеское оружие, но душой вы с народом, с односельчанами.

— Верно, — заявил Сэ. — Вы, сестра, прямо мои мысли высказываете. Я вот держу ихнее оружие, но по ночам, как выйдем в караул, жду не дождусь, когда же наши придут...

На этот раз Шань не стал подталкивать исподтишка, а ущипнул, да так, что тот подскочил от боли.

— Кончай перебивать сестру! — возмутился Шань. — Слова ей не даешь сказать.

Сэ, опустив голову, умолк.

— Я решила увидеться с вами сегодня, хочу дать вам совет.

— Да-да, — снова заговорил Сэ, — если мы в чем не правы, сестра, вы вразумите нас.

— Советую вам обоим бросить пить.

— Мы ведь, сестра, не пьяницы. Так, выпиваем раз-влечения ради — тоску разогнать.

— Понимаю, но дело это такое — втянетесь еще, спиваться начнете, враг вас к рукам и приберет. Вы и опомниться не успеете.

— Ясно...

— И еще: кончайте вы за барахлом гоняться, хватиться часами да приемниками. Тут никаких денег не хватит. У родителей тянуть начнете, не окажется и у них — что тогда? Разве мало таких, кто из-за приемников с часами и мотоциклов «хонда» к врагам в кабалу пошли? Оно ведь как бывает: раз обратишься к ним, другой — а там уже и не вырвешься, холуем ихним станешь, предателем. У нас вон в деревне... Да что говорить, сами знаете. Вы избегайте их.

— Мы их и сами не любим.

— Прекрасно, я рада за вас.

Шау стала рассказывать им о революционных идеалах, которым должна следовать молодежь, о стоящих перед нею задачах. И хотя они оба слышали все это не раз, но сегодня те же самые слова звучали по-особому: ведь они исходили от Шау Линь, которую они уважали и чтили как старшую сестру, восхищались и гордились ею. Им казалось, будто слышат они такое впервые...

— Подумайте, поразмыслите еще над тем, что я вам говорила.

— Да-да.

— Вот почему я вам не дала больше водки, — вмешалась Доан, — думаю, вы не рассердитесь. А теперь скажите, кто из вас хочет вступить в партизаны к сестре нашей Шау?

— В этом деле, — добавила Шау, — никто никого не неволит. Сами все обмозгуйте, взвесьте.

— Я свое слово сказал, — отвечал Шань. — Как Тонг, так и я.

— Ну а ты, Сэ? — спросила Доан.

— Да хоть Тонг бы с Шанем не пошли, я один пойду.

Шань опять ткнул его локтем в бок. Они наконец решились поднять головы, увидели на лице Шау улыбку и, снова опустив глаза, заулыбались сами, взявшись за руки.

Глава 24

«Месяц седьмой — волна за волной захлестывают берега...» Так поется в песне, и так бывает из года в год: после нескончаемых проливных дождей к полнолунию — пятнадцатому числу седьмого месяца — поднимается вода в Меконге. Она перехлестывает через берега, дамбы, межи, течет по дорогам, бежит меж сваями домов. Речные воды смешиваются с водой, стоящей на полях. А дожди все льют и льют. И вода прибывает не по дням, а по часам. К следующему полнолунию — пятнадцатому числу восьмого месяца — паводок поднимается еще выше. Пока наконец к полнолунию девятого месяца вода не разольется по всей необъятной Тростниковой долине. Такова вечная жизнь этой реки, ветров и дождей, здешней земли и неба. Рыба из огромного озера Тонлесап, следуя за водой, скатывается на поля. Рис, омываемый прохладной водою, тянется ввысь следом за нею, свежей зеленью переливаясь над ее гладью. Зацветают кусты, разбросанные купами по полям, ярко-желтые гроздья лепестков отражаются в воде.

Сильное течение унесло с полей шалаши и будки. Убежища и окопы затоплены паводком. Мы живем и воюем на воде. Нынче утром я впервые участвую в бою посреди залитого водой поля.

Едва над водной гладью поднялось солнце, мы услышали гул моторов. Катера сайгонских войск! И вот уже двенадцать машин на подводных крыльях — по два солдата в каждой, — разбившись на четыре звена, каждое построено клином, мчатся со стороны поросшего деревьями берега реки в глубь поля, как двенадцать стрел, сорвавшихся с тетивы. Моторы завывают, под носами катеров вздымаются гигантские буруны белой пены. По небу впереди них плывет «старая ведьма». Вот она приглушает двигатель, снижается и стреляет ракетой по одному из садов.

Возле садов в пяти лодках располагается партизанский отряд. Дистанция между лодками метров двести-триста, вся боевая линия составляет примерно километр.

Катера на полном ходу ведут огонь. Их теперь уже ясно видно.

— Можно стрелять, Ут До?

Я сижу на носу лодки с автоматом, оставленным мне Намом. От неприятеля меня заслоняет ствол мангового дерева.

— Подождите еще немного, не горячитесь!

Я, в общем-то, и не горячусь нисколько. Просто в таких боях мне участвовать не приходилось. А с непривычки всегда хочется поскорее открыть огонь. Минуты ожидания тянутся удивительно долго.

При такой скорости катеров кажется: еще миг — и они будут у самых садов. Но вдруг головная машина напоролась на натянутый под водой стальной провод и опрокинулась вверх дном. Двое солдат барахтаются в воде. Я не успеваю даже выстрелить. Лодка Тяу ближе к ним, и он стреляет первым. Два других катера первого звена тоже натываются на проволоку, но не переворачиваются, а волей-неволей скользят вдоль нее прямо к садам — там их ждут гранаты и мины, прикрепленные к веткам прибрежных деревьев и поставленные под водой. Тотчас, лаская наш слух, громят взрывы. Остальные катера, к великому моему удивлению, поворачивают вспять, включают моторы на полную мощность и, преследуемые вереницей высоченных волн, уносятся прочь. Не успел я и глазом моргнуть, как они исчезли на фоне заросшего деревьями берега реки. Над местом водной баталии остается лишь «старая ведьма». Расстреляв весь боезапас, она кружится, не понимая, что, собственно, произошло.

Через какое-то время появляются три вертолета и, словно разбрасывая камешки, начинают бить очередями по воде. Стоит им открыть огонь, мы — все разом — ныряем поглубже. Кончается обстрел — всплываем, хватаем ртом воздух и погружаемся снова. Вертолеты бьют по садам. Листья лохматятся, осыпается, но водная гладь по-прежнему невозмутима. Стреляют вертолеты обильно и долго — так иной раз мочатся буйволы. Проходит час, другой, пока они наконец улетят.

Едва они уходят, все пять партизанских лодок вновь собираются, причалив под манговым деревом близ дома старого Хая. Тяу и Тхон восседают в дощанике, сколоченном из трех тесин, длинном, будто ткацкий челнок, юрком и быстром, как стрела. Лам, Тхань и Туйет сидят в ялике, неповоротливом и степенном, как броненосец. Тха с Зунгом правят двухвесельной лодкой, на каких ходят обычно в Кантхо: один гребет на носу, другой — на кор-

ме, глянешь на них — душа радуется. У Бэ, Куйена и Ут Чам — челнок из трех досок и по короткому широкому гребку на каждого.

Обсудив итоги боя и сделав кое-какие выводы на будущее, партизаны разъезжаются — каждая лодка в свою сторону.

Мы с Ут До сперва причаливаем у самого дома дядюшки Хая: пропустить по стопке рисовой водки для согрева. Потом отправляемся на свой НП. У нас тоже ял — большой, с высоко поднятым носом — для плавания по широким быстрым рекам. Как и другие лодки в отряде, он оборудован всем необходимым. На носу бруствер из стволов банана, обмазанных глиной, — защита от пуль, осколков снарядов и шариковых бомб. Есть очаг, запас дров, посуда, рис и прочие съестные припасы, одежда, пара удочек, для души — струнный инструмент танг, ну и, конечно, два весла и два длинных шеста. Словом, целое семейное хозяйство и — сверх обычной утвари — на каждого по винтовке и по корзине гранат.

Мы плывем над дорогой, идущей вдоль канала. Убегающая из-под весел вода стоит на метр с лишком выше дороги. Она мутна и красна от ила. Ут До гребет, кормовым веслом, я — носовым. Все еще не остывший от упоения боем, он окликает меня:

— Слушайте, Тханг! Вот бы кто починил моторы с этих трех катеров... Приладишь такой на корме — и мчись, милое дело!

— Они небось помощней обычных подвесных моторов? — спросил я.

— Куда там! Не видели разве, как улепетывали? Прямо летели над водой.

— Видел.

Я и сам еще возбужден недавней нашей победой. Но думаю я не о моторах, а о ловушке из стального троса. Сам-то трос будет толщиной с палец. Мотки здоровенные — в каждом побольше тысячи метров. Уж не знаю, сколько весит один такой моток, но лодки под их тяжестью едва удерживались на воде, когда люди — кто вброд или вплавь, а кто с плотов — толкали их. То был как раз день полнолуния — пятнадцатое число восьмого месяца. Даже старый Хай и соседская девчонка Тхиеу приплыли на своих лодках помочь партизанам. Концы троса привязывали к стволам деревьев и натягивали его под во-

дой со стороны садов. Потом к нему подвешивали мины, гранаты. Трудились с рассвета и дотемна. От холода у всех пальцы сводило. Больше других намаялся Тяу — ведь ему одному под силу было затягивать намертво проволочные петли и узлы. Наконец трос протянулся шестью стальными нитями, которые пересекались под прямым углом, образуя клетки невидимой шахматной доски.

Я не представлял себе, как это проволочное заграждение поможет отразить натиск неприятеля. Нынче утром мне все стало ясно. Стоило головным катерам наткнуться на трос, и остальные тотчас дали деру. Исход дела был решен!

Бой разворачивался на моих глазах точно во сне. Я не успел выстрелить, не успел даже толком почувствовать себя участником схватки, а девять уцелевших вражеских катеров уже улепетывали куда подальше! И всего-то, казалось бы, дел — натянуть проволоку под водой...

— Скажите, Ут, кто первый придумал эту тактику?

— Кой, бывший секретарь нашей партячейки. Жаль, не довелось вам встретиться. Головастый мужик был!

— С чего же он начал-то?

Опять не учел я нрав моего собеседника: о чем ни спросишь его, всегда начнет чуть ли не с сотворения мира.

— Дело, значит, было так... — заговорил он, продолжая работать веслом; я тоже греб, не отставиваясь. — ... Весной шестьдесят восьмого, в лунный Новый год Земли и Обезьяны, проходили по здешним местам регулярные наши части. Ну а тут, сами видите, через речки да каналы только и переправы что обезьяньи мосты¹. Солдаты-то родом были не отсюда, многие таких мостов отроду не видывали. Дощечки да бамбучины узкие, неровные, ходунном ходят. С непривычки и не пройти. Ступят бедолаги на мостик, а ноги вихляются, дрожат. Руками для равновесия машут — прямо канатоходцы цирковые. Шаг-другой сделают — и бултых в воду со всей амуницией, с винтовкой, патронами, промокнув до нитки. Вброд ходить тоже сноровки не имели. Да и чтоб целому полку по обезьяньим мостам перейти, сколько времени надо? Тут за сутки не управиться. Как же поспеть вовремя в пункт назначения? Такого никто не предвидел заранее. А хоть

¹ Речь идет о маленьких мостиках из бамбука или тонких бревен без перил.

и предвидели бы, все одно невозможно было настоящие мосты навести. В бревнах-то, в досках нехватки, понятно, не было. Только клички клич, враз доставят. Но покуда поставишь этот мост, враг его запросто обнаружит. Знаете, как мы вышли из положения?

— Как же?

— Командование общинного отряда решило согнать к переправе лодки — все, какие нашлись. Видим, однако, даже с лодками не управиться в срок. Тут-то и надумали мы трос через канал натянуть. На лодках перевезли оружие, боеприпасы, вещмешки, прочий скарб, а люди пошли вброд, держась за проволоку. Вот таким манером полк и успел прийти на исходный рубеж к началу операции.

— Ну а как товарищ Кой саму-то тактику с подводными заграждениями придумал? — нетерпеливо переспросил я. Уж очень Ут До, на мой взгляд, затянул рассказ — того и гляди позабудет самую суть.

— Помню, знаю. Да ведь у каждой истории не только конец важен, но и начало. Значит, прошло после переправы этой какое-то время, садимся мы с Коем в моторку и среди бела дня по каналу гоним. Надо было соседние хутора объехать — народ поднять, чтоб боеприпасы войскам доставить помог. Вообще дел тогда у нас было невпроворот — одно на другое напоззало! Ну, включаем мы мотор на полную катушку, лодка нос задрала, мчится стрелой, не хуже сегодняшних катеров. Вдруг — трах! Скрежет адский. Лодка кверху дном, мы оба в канале барахтаемся. Тут только вспомнили: трос-то убрать забыли! Перевернул я лодку, забрались мы в нее. Вижу, Кой задумчивый какой-то. «Что с вами, — спрашиваю, — товарищ секретарь?» А он глянул на меня. «Прекрасно!» — говорит. «Что прекрасно? — опять спрашиваю. — Что воды нахлебались?» — «Заводи, — говорит, — мотор, поехали. После расскажу...» Завожу, понятно, и снова на полную мощность включаю. Летим стрелой. Вдруг нас как крутанет. Лодка с лета врывается в берег, а мы оба — через борт в воду. Весь нос моторки разнесло в куски, как корж сушеный. Сразу на дно ушла... Опять на трос напоролась! Еле вылезли на берег. Мокрые как мыши. И надо же, Кой торжественно так распрямился, руки за спиной сложил, уставился вниз, на воду, и твердит: «Прекрасно!.. Просто прекрасно!..» — «Да уж, — гово-

рю я ему, — прекрасней быть не может! Лодку утопили, сами чуть не утонули... Может, растолкуете, в чем радость-то?» Посмотрел он на меня и засмеялся: «Беги, доставай другую лодку. Вечером все объясню». С этого, значит, и началось!

Удовлетворенный, я киваю головой. Ай, секретарь! Ай, молодец! Потом спрашиваю:

— И сколько же он боев провел на воде?

— Ни единого... Он вскорости погиб.

— Жаль! Будь он жив, то-то порадовался бы сегодня.

Весло в руках Ут До вдруг заходило живее.

— Вроде «старая ведьма» гудит, — говорит он. — Свернем-ка лучше в сторонку.

Я, помогая ему, загребая влево, разворачивая ял. Мы теперь уже не идем по каналу вдоль большака, а, прижимаясь к берегу, на котором стоят сады, повторяем его извивы.

«Старая ведьма» совсем низко пролетает над нами, держа курс на поле, где поутру шел бой. Покружив над полем, она закладывает вираж пошире — похоже, собралась описать круг над всей зоной садов.

— Тханг, она вызывает артогонь! А пушки, они бьют куда попало. Ну-ка, быстрее!

Отложив весло, он берет в руки шест и с силой толкает ял вперед. Я загребая веслом. Прибавив скорость, мы лавируем между деревьями, уклоняясь от нависших веток и листьев и торчащих из воды коряг. Ут До своим длинным шестом уверенно направляет лодку. Путь ее вьется змеей. Толчок шеста... Еще толчок... Движение весла... Толчок... Минута... Другая, третья... И вот мы уже вне поля зрения «старой ведьмы».

Здесь, в садах, из-за деревьев ее не видно. Но по гудению двигателя мы соображаем, где она, что делает. Вот она сужает круги все тесней и тесней. Потом снова закладывает широкий вираж. И тотчас вдали гроыхает орудийный выстрел.

...Бум!

— Берегись! — предупреждает Ут До. — Они всегда бьют по цели трижды...

Снаряд, свистя, пролетает над нашими головами. Мгновенно слышится грохот разрыва: тр-р-рах!..

Бум!.. Тр-р-рах!.. Бум!.. Тр-р-рах!..

Три выстрела — три взрыва. Пауза. «Старая ведьма», улетевшая было, возвращается и начинает суживать круги над другой точкой. Потом удаляется снова. Громыкает орудие...

Бум!.. Тр-р-рах!.. Бум!.. Тр-р-рах!.. Бум!.. Тр-р-рах!.. Новая пауза. «Старая ведьма» опять приближается издалека, описывает круги над третьей точкой и уходит. Громыкает орудие...

Бум!.. Тр-р-рах!.. Бум!.. Тр-р-рах!.. Бум!.. Тр-р-рах!.. Снаряды рвутся в воде. Грохот их вроде раскатистее и дольше, чем на суше. Ветер, поднятый взрывами, раскачивает деревья, с веток осыпаются листья. По воде кругами расходятся волны. Эхо от канонады долго катится вдаль. Разрывы снарядов посреди затопленного поля ухают, как в открытом море, и потому звучат здесь ненатурально, фальшиво.

— Они бьют туда же, куда и утром? — спрашиваю я.

— А куда же еще?

— Проволочные заграждения наши небось пропали?

— Ничего, каждый снаряд обходится им подороже, чем нам вся эта проволока. Снаряд шарахнет, и ищи ветра в поле, а проволоку подобрал, связал разрывы — будет как новая.

Он кладет шест на дно яла и опять берется за весло, гребет легко, играючи. Пушки стреляют по-прежнему, но нас им уже не достать. Мы спокойно гребем и беседуем.

— Ут До, а с кем трудней воевать — с янки или с сайгонскими солдатами?

Об этом я уже как-то спрашивал Нама, но он мне так и не ответил. Зато Ут говорит, не задумываясь:

— И с теми и с другими и трудно и легко.

— А здорово они отличаются друг от друга? — снова спрашиваю я.

Ут До и здесь не мешкает с ответом:

— Что за вопрос, как же им не отличаться-то? Услышишь такое, сразу подыметь охота. Закурим-ка по одной.

Мы достаем сигареты. Он сует сигарету в рот, щелкает зажигалкой, но, почему-то не прикуривая, глядит на меня.

— С вами что хорошо, — говорит он наконец, — есть всегда о чем поговорить, со скуки не заснешь. Одна беда...

— Беда? Интересно...

— Зуд у вас прямо какой-то. Вопрос за вопросом задаете, дух перевести некогда.

— Есть такой грех. Ну а чем они все-таки различаются — янки с сайгонцами?

Он затагивается разок-другой и налегает на весло. Орудия знай себе бьют и бьют.

— Чем отличаются, спрашиваете?.. Да вот, к примеру, хоть утренний бой сегодняшний. Будь это янки, они дрались бы по-другому. Сайгонские-то вояки увидели: не выгорело дело, и на попятный сразу. Один повернул, дал деру, за ним — другой, третий, все до единого. Начальство, оно сзади держалось, видит такое и тоже драпать. У янки все с самого начала не так. Выберут место для атаки, сперва побомбят, обстреляют. Потом двинутся. Если бы даже три катера головных напоролись на преграду, опрокинулись, подорвались на гранатах, другие, как было приказано, прут и прут на рожон, пока всех не перестреляют. Вот вам и разница.

— И это все, да?

— Нет, не все. Дайте договорить... Янки, они вообще очень странные. Поначалу, как они пришли сюда, невозможно понять было: то ли умны чересчур, то ли глупы. Скажем, на марше — идут только по прямой. Встретится лужа — идут через лужу. Сайгонцы, те обойдут лужу посуху. Янки — нет. Топают напрямик. Первый с ходу хлюп в грязь, следом второй — хлюп! Мелка лужа — перемесят грязь, пройдут; глубока — шагают вброд. Друг за другом так и прут по брюхо в воде, как собаки. Или идут через двор чей-то, на хлев наткнутся. Чего проще — обойди, всего-то шагов пять в сторону. Нет, не желают. Прошибут ногой стену и дуют через хлев, след в след — только навоз из-под подметок летит. Сперва мы думали: чокнутые! Потом пригляделись — поняли. Ихняя армия-то — моторизованная, вот и сами они стали как машины. Командир проведет по карте линии: это — пехоте маршрут, они и чешут; это — самолетам, они летят; это — куда артиллерии бить, они и лупят. Флот, авиация, сухопутные части взаимодействуют как единый механизм — колесико к колесику притерто. Сбился с курса — пеняй на себя... А система огня у них — как все измерено, слажено, диву даешься! Сам убедился, когда укрепленные их посты штурмовали. Мы как сперва думали: прижмемся поближе к заграждениям или к самим укреплениям, и артиллерия ихняя нам не страшна. Ан нет! Видно, еще когда строили, все рассчитали, разметили. Чуть с постов этих запросят

огня, они глянут на карты свои и бьют в точку. Осколки снарядов прямо на брустверы сыпятся. Если пойдем врукопашную, прорвемся внутрь и штабу ихнему станет ясно: укрепленному пункту конец, тут они бьют залпами — и час, и два, и больше — по чужим и по своим. В этом-то и особенность янки. Техника, взаимодействие отлаженное, ну и отсюда, наверно, прямолинейность, бездумность какая-то. Ясно, нет?

Пока он говорил, весло лежало у него на коленях, теперь он опустил весло в воду и налег на него.

— Значит, в этом вся разница?

— Да нет, что вы! — Он снова кладет весло на колени. — В первом же бою я увидел: воюют они как-то чудно! У товарища Коя был тогда ручной пулемет, у меня «АК», у Тяу — «СКС». Янки шли по полю прямо на нас — рослые, здоровенные как буйволы. Мы стреляли — все трое — и вроде даже слышали, как наши пули впиваются в них. Подпустим поближе и разом открываем огонь. Они падали как подкошенные. Французы или сайгонские солдаты на их месте повернули бы — и давай бог ноги! Или хоть тактику бы сменили, рассредоточились — одни бы ударили в лоб, по садам, другие зашли с боков в тыл. Так было б вернее. Но янки и тогда, и в других боях на это не пошли. Перебьем первую их группу, следующая подползает — оттащить назад трупы. Ну, думаем, уволокут мертвяков и смуются. А они снова в атаку, прут прямиком под наши пули. Что, по-вашему, дальше было?

— Что же?

— Отправили их в преисподнюю, и все тут. Не железные же они, чтоб устоять против наших пуль. Глядь, еще одна группа ползет и тащит убитых из-под огня. Уселись подальше на поле, рис уже вымахал довольно высокий, и плачут в голос. Ревели как коровы. Услыхали мы это и решили: все — конец, им теперь не до драки. Не тут-то было: поплакали, взяли автоматы и опять под пули. И так с утра до полудня. Знаете, чем это кончилось?

— Чем?

— Расстреляли мы все патроны, пришлось отступить.

— Отступить?

— А какой еще выход был? Партизанская война, она такая и есть.

— И что потом?

— Ну, продвинулись они вперед, заняли нашу высот-

ку. А по-ихнему, если взяли неприятельскую позицию, считай — победа. Мы первое время думали: чокнутые они. Потом только узнали, во всех наставлениях ихних так и сказано: нельзя, мол, рассеивать и дробить силы; собери их в кулак и бей в одно место, тогда и прорвешь позицию врага. При полном превосходстве сил в месте удара вражеская оборона рано или поздно будет прорвана. Так и вышло у них, когда мы, расстреляв все патроны, волей-неволей отступили... Они «овладели», так вроде, нашей позицией, а к вечеру оставили ее. Мы, конечно, вернулись обратно. Уж не знаю, есть ли и это в их наставлениях. Если будет у вас случай, спросите, ладно?

Девушка в баба и шляпе из листьев на фото, вставленном в колпак керосиновой лампы, наверно, снова улыбается, выслушав его историю.

— А у сайгонских вояк, как вы сами видели утром, все по-другому. Дашь им жару — мертвые лежат где упали, раненые расползаются из последних сил, а живые драпают кто куда. Кто под межу забьется, кто в лужу сиганет или в канаву, а кто в рисе затаится на поле... Ясно, нет?

Он бросает окурок, который с шипением падает в воду, а сам, в третий раз взявшись за весло, гребет во всю мочь.

— Так, и больше никаких различий нету?

— Ну да!.. Еще полным-полно, до завтра рассказывать можно.

— Какие, например?

Весло вновь возвращается на колени.

— Например... Вот, скажем, летчики янки летают по небу, бросают оттуда бомбы, артиллеристы из пушек бьют, танкисты в танках разъезжают, а пехотинцы морские, как выйдут в карательный поход, с винтовками в руках прямо в дома вваливаются, но все равно ни про кого из них мы не знаем ни как зовут его, ни сколько ему лет, не ведаем, чей он сын, откуда родом — из какой деревни или города, из какого штата. Есть, конечно, у них имена, но попробуй выговорить любое — язык сломаешь. Вот и зовем мы их всех одинаково: янки. Янки — растакой, раз-этакий. А они, наоборот, никого из нас не знают по имени. И всех — кого убивают бомбами с неба, разрывают снарядами издалека, расстреливают вблизи из винтовок, кого калечат минами и кому отрезают уши, — всех нас скопом называют «ви-си». Но что за люди такие «ви-си» — понятия не имеют. Совсем недавно еще они жили по ту

сторону океана, черт знает где; ни мы их, ни они нас знать не знали, в глаза не видели. И вдруг нагрянули оттуда сюда, к нам, стреляют, убивают. Захватчики они, иноземцы. Такого прикончить — святое дело! А-а, гад, ты чванишься своим богатством и силой, у тебя, говоришь, полно оружия новейшего? Так я разделаюсь с тобой, душу из тебя выну! Ты у меня одумаешься, гад, запоешь другую песню!.. А у сайгонского солдата такая же желтая кожа, как у тебя, да и лицом он на тебя смахивает; и даже если вышел из самых дальних мест, все равно — твой соотечественник, земляк, да вдобавок нередко родом из одной с тобой провинции или из одной деревни, с одного хутора, не ровен час еще и родня тебе, единокровный твой брат. Вон в стратегическом поселении есть дома — на алтаре семейном рядом стоят фотографии двух сыновей: один погиб за Родину, другой поплатился жизнью за измену. Это на маленьком семейном алтаре. Разве мы чужие друг другу? Каждый знает не только имя врага своего, но и имя его отца, и деда, и прадеда... Вот, к примеру, наша деревня. Возьмем хоть меня самого. Разве сестра моя старшая не прислуживала раньше в доме у этого типа, депутата Фиена? А отец мой не был когда-то слугой в семье капитана Лонга? Врагам известно, у которой из женщин в деревне, в каждом хуторе муж воюет против них. С нами они ничего поделывать не могут, зато прибегают к разным уловкам: посылают, скажем, на постой к женам или близким нашим солдат — приволокнуться ли, по дому ль помочь — все пыль в глаза пустят; или еще что надумают, лишь бы рознь да подозренья в семье посеять. Есть, стало быть, такие, кого бить нужно без пощады, а других вроде и бить неохота, а надо. В прошлом году дрались мы с карателями, взяли семерых пленных из Девятой ихней дивизии. Все пареньки лет по шестнадцать-семнадцать: денег на взятки в семье на нашлось, вот их и забрали. Верите — дядьями нас называли да братьями старшими. Один ранен был, ногу ему перебило. Слезами заливался бедняга: «Я, — говорит, — в душе заранее еще решил, как попаду в бой, сразу — руки вверх. Да не успел и рук поднять-то, сразу подстрелили... Ой, мамочки! Больно как...» Меня даже самого слеза прошибла. Вот она разница — с янки ли воевать или сайгонцами. Знаю, знаю, зачем вы про все спрашиваете! Рассказал, что видел, а выводы — дело ваше. Одно скажу: с сайгонскими солдатами воевать муд-

рено. (Он всегда употребляет слово «мудрено» вместо «сложно» или «трудно», при этом еще брови насушит и губы скривит: сразу видно — само дело куда сложнее, чем можно выразить словами.) Ну как, отец родной, доволен объяснениями моими?

Суждения его, пусть разрозненные, нестройные, исходящие все-таки от человека, дравшегося с оружием в руках против врага, и потому наводят меня на любопытные мысли.

— Доволен, сынок, — смеюсь я.

— А коль доволен, берись-ка за весло. Пора возвращаться.

Мы налегаем на весла, энергично сгибая и разгибая спины. Орудия продолжают вести огонь: гроыхнут трижды, умолкнут ненадолго, потом троекратно бьют снова.

Бум!.. Тр-р-рах!.. Бум!.. Тр-р-рах!.. Бум!.. Тр-р-рах!

Наконец мы причаливаем близ наблюдательного пункта в манговом саду, у того самого места, где недавно подвешивали свои гамаки в немудреной хижине. Я привязываю ял к толстой ветке манго.

Пушки умолкают. «Старая ведьма», завывая и треща, пролетает над нашими головами, направляясь на посадку прямо к большой реке.

Полуденное солнце припекает вовсю, но в саду по-прежнему прохладно. Водная гладь невозмутима. Время от времени с деревьев сваливаются в воду ящерики и плещутся, стараясь выбраться на берег. Рыбы, учуяв добычу, всплывают и гонятся за ними. По воде разбегаются круги, потом она снова успокаивается.

Я привязываю гамак к двум нависшим над водой веткам. Ут До возится у очага. Кошет дрова, кипятит воду, заваривает чай. Напившись чаю, он переносит вещи на корму, расстилает посередине коврик, достает тетрадь, ручку и спрашивает:

— Что у нас сегодня, диктант?

— Да, — говорю я, — диктант.

Уже второй месяц я занимаюсь с ним. Ут До каждый день находит время для урока — утром ли, в полдень или вечером.

В яле нет места для стола — Ут До кладет тетрадь на коврик, становится на колени.

— Я готов, — говорит он, — диктуйте.

— Минутку, сейчас начнем.

Я беру удочку и сумку с наживкой — муравьиными яйцами, забираюсь в гамак и закрепляю удилице с таким расчетом, чтобы крючок оказался в тихой тенистой заводи под деревом. Потом усаживаюсь в гамаке, поджав под себя ноги; отсюда мне отлично видна развернутая ученическая тетрадь в клетку. Начинается урок.

— Прямая речь, — громко говорю я, — передается на письме с помощью двоеточия и кавычек или же двоеточия и тире в начале следующей строки...

Я обучаю Ут До не по учебникам, и школьных программ у нас тоже нет. Да и откуда им взяться, ведь к просвещению я не имел ни малейшего касательства. Поэтому преподаю по скромному своему разумению. Мы прошли уже по арифметике все четыре действия. Письму учу я его главным образом по текстам популярных песен, он — большой их любитель. Несколько дней назад на собрании партизанского отряда общины меня попросили написать старинным шестисложным размером песню о товарище Кое, том самом, который был здесь раньше партийным секретарем и командовал отрядом. Его до сих пор все помнили и любили. Хотя я и не числил за собою ни должного таланта, ни мастерства, отказаться нельзя было. Текст песен я сочинил и сегодня именно его выбрал для диктанта.

— О Тростниковая долина, край мой необъятный... — читаю я с выражением.

Ут До, стоящий на коленях, тихонько повторяет слова следом за мною и записывает их. Дописав строку, он всякий раз, как бывает по завершении нелегкого труда, шумно переводит дух, поднимает голову и глядит на меня с улыбкой. Только, я вознамерился прочесть следующую строку, вдруг слышу, он кричит:

— Клюет! Клюет!

Оборачиваюсь, дергаю кверху удилице, ощущая рукой приятную тяжесть. На крючке висит анабас величиной с ладонь. Сняв его с крючка, прыгаю наземь, бросаю рыбу в корзину, стоящую в яле, и снова забираюсь в гамак. Нацепив новую наживку и закрепив удилице на том же месте, я продолжаю диктовать.

Пока Ут До записал три строфы, я успеваю выудить пяток рыб — вполне приличный ужин. Беру тетрадь и проверяю диктант. Каждая буква выведена с превеликим старанием — большая, круглая, как куриное яйцо. Все

написано чисто, без единой ошибки. Работа явно заслуживает десяти баллов. Достаяю из кармана шариковую ручку.

— Стойте! — кричит вдруг Ут До. — Стойте!..

Я с изумлением гляжу на него:

— В чем дело?

— Есть у вас красная ручка?

— Да, а что?

— Отметки-то надо ставить красными чернилами.

— Я сунул ручку с красным стержнем в вещмешок, найти ее — целая проблема.

— Ничего, давайте я поищу. А то я писал синими чернилами и отметка будет синяя. Что за вид, глядеть тошно!

Он открывает мой вещмешок и, порывшись в нем, протягивает мне ручку с красным стержнем. Я вывожу на полях огромную десятку, стараясь писать с наклоном, как заправский учитель, и возвращаю тетрадь.

Взяв ее в руки, Ут До долго держит тетрадь раскрытой на последней исписанной странице. Из-под густых бровей на угловатом лице бывшего бойца сияют глаза, устремленные на красную цифру «10». Ну прямо мальчишка-школяр! И сердце мое переполняет любовь и щемящая жалость.

Глава 25

На смену паводку в свой черед приходит сухой сезон. Нет, никому не под силу наклонить поле и слить с него воду или просто вычерпать ее до дна; но из года в год после половодья в полнолуние пятнадцатого числа девятого месяца вода начинает стекать с полей в реки, а из рек — в море.

Подвесишь гамак где-нибудь повыше на дереве, ночь пройдет, а поутру проснешься, глядь: зеркало воды ушло далеко вниз, оставив на стволе илистое кольцо — вчерашнюю свою отметину; посмотришь вдаль: на поле там и сям выглядывают из воды вершины холмов и пригорков — одни высокие уже, другие пониже.

Вода постепенно уходит, обнажая полевые межи, дороги, подполы свайных домов...

С нашего наблюдательного пункта она тоже ушла,

осталась лишь топкая грязь, смешанная с истлевшими разодранными листьями.

Мы с Ут До бодро машем лопатами, расчищая наше убежище. Вот уж который день меняются ветры. Сегодня с утра задул свежий привольный ветер, он набегает волнами по необъятному полю, врывается к нам в сады, и ветки качаются и шумят.

— Чуете, Тханг, это молодой северный ветер!

— Ага...

Я постоял молча, вслушиваясь в порывы и спады ветра, потом снова вонзил лопату в мягкую, податливую землю. Когда вода прибывала, она была мутной, багрово-красной. А уходила прозрачной и чистой, оставив на поверхности земли слой ила. Ил заполнил все наше убежище — не просунешься. Копнешь его лопатой — глаз не нарадуется: ил ярко-красный, как парное мясо. На такой земле уродаются отменные арбузы, бобы, горох. Но нынче утром мы — слой за слоем — укладываем эту благодатную землю поверх убежища, чтоб сделать его прочнее и безопаснее. В это время, точно так же, как мы, в ближних и дальних деревнях по обоим берегам Меконга партизаны копают землю. Одни расчищают старые убежища, другие роют новые, наращивают перекрытия над ними, третьи готовят уже участки под бахчи и огороды.

Мы работали и развлекались беседой.

Вдруг послышался женский голос:

— Эй, кто здесь перелопатил весь сад?

Никого еще не было видно, но Ут До узнал женщину по голосу.

— Сестрица Бай, это ты?

— Так ты здесь, Ут?

Бай Тха свернула с дороги к нам в сад. Она уже решилась от бремени, родила девочку, и стала неузнаваема: худощавая, изящная, бледная.

— Как дочка, здорова?

— Скоро со спины на животик переворачиваться будет.

— Куда это ты собралась в такой неурочный час?

— Да уж зря бы из дома не вышла.

Она подошла к моему гамаку и сказала:

— Я к вам вот с каким делом: тут один господин из Сайгона на днях ко мне заходил, сказал, что на эту сторону переправиться хочет, Нам Бо да вас, Тханг, повидать.

Сам-то он в стратегическом поселении остановился. Пришел ко мне, просит, помогите, мол, их найти.

— Что он за человек? — спросил Ут До.

— Помнится мне, в прошлом году, в самую сушь, когда мы сюда на лодках за манго переправлялись, он с нами ездил. Говорит, вроде обедал с вами у дяди Хая, курицу паровую ел.

— Ну, тогда знаю, о ком речь, — сказал я. — Долговязый, тощий, как жердь, и зубов во рту не хватает. Верно, сестрица?

— Все точно, и фотоаппарат при нем.

— Мы с ним заранее о встрече условились. Вы уж будьте так добры, приведите его сюда.

Когда она ушла, Ут До спросил:

— Это тот самый журналист, верно, Тханг?

— Да.

— Тогда вам надо умыться, брюки надеть, рубашку.

Мы-то с ним расхаживали в одних трусах и в грязи были по уши. Побежали через большак к каналу — умываться.

Только успели мы переодеться, журналист Чан Хоай Шон пожаловал собственной персоной. Был он все тот же, в тех же самых серых брюках и белой рубашке, поверх которой надел американскую куртку, на плече висела фотокамера. Но вел он себя теперь по-другому — как человек, уже бывавший в партизанском крае и возвратившийся издалека к старым своим друзьям. Прежней робости как не бывало. Обрадованный, он бросился к нам. Не протягивая мне руки, сразу обнял за плечи.

— Какое счастье, Тханг, что я застал тебя здесь. Мне просто повезло!

Я познакомил его с Ут До. Он держался сегодня более открыто, непринужденно. Мы уступили ему нейлоновый гамак, а сами уселись в холщовый цвета хаки. Наверно, он впервые пользовался таким гамаком. С довольным видом покачался разок-другой, пощупал завязки из парашютных строп, стал расспрашивать, как лучше подвесить гамак. Наивное любопытство его явно пришлось Ут До по душе. Он велел мне встать из гамака и раза три-четыре распустил и снова затянул завязки, поясняя, как это делается. Наконец гость сам обмотал завязкою дерево, сделал петлю и затянул узел, потом подергал стропу и осторожно уселся в гамак.

— Надо будет еще поупражняться, — весело сказал

он, — рано или поздно я тоже обзаведусь собственным гамаком.

Но вдруг замолчал и потупился. Я понимал, он подыскивает слова, чтобы начать разговор, ради которого, собственно, и явился сюда во второй раз. Помолчав, он поднял голову и заговорил, голос его звучал по-другому — строго, чуть ли не торжественно:

— Братья! На этот раз я приехал к вам совсем с другой целью, чем раньше. Я принял решение — окончательное. Но до того, как расскажу вам все, хочу, чтобы ты, Тханг, прочитал письмо моего друга.

Достав из кармана куртки письмо на тонком бумажном листке, сложенном вчетверо, он протянул его мне.

— Вот... Прочтите вместе с Утом. Потом поговорим.

Я раскрыл письмо. Почерк был мелкий, слегка наклонный.

«Дорогой Шон!

Вот уже три года мы с тобой не виделись. В день своего отъезда я заходил к тебе, долго стучался в дверь, но тебя не было. Я часто думаю, окажись ты тогда дома, как знать, возможно, сейчас мы были бы вместе. Лежу в гамаке, покачиваюсь и вспоминаю время, прожитое в Сайгоне. Уверен, это очень даже могло случиться; увы, я не застал тебя. А ждать я тогда не мог, не успел попрощаться ни с кем, даже с отцом и с мамой. Прошло три года, я с каждым днем все больше убеждаюсь: я был прав, что ушел тогда, мой выбор верен. Он совпал с «волею неба» и моей собственной волей. Сколько лет маялся, какой горечью отравлено было сердце, и все из-за пдисксов своего места в жизни. Земля огромна, живи себе где угодно, но истинное свое место все ищешь и выбираешь до седых волос. Вот и я наконец отыскал свое место — единственное, которое соответствует моему положению и убеждениям. Нет, оно не на той стороне, где все прогнило, выродилось, но — и не на «этой»; мое место посередине, именно между противоборствующими силами. Подобно многим нашим друзьям, я в шестьдесят восьмом после лунного Нового года Земли и Обезьяны ушел из Сайгона и прижкнул к третьему фронту. Этот Союз¹ и есть самая подходящая для таких людей,

¹ Речь идет о созданном в 1968 г. в освобожденной зоне, в предместье Хюэ, Союзе национальных, демократических и миролюбивых сил Вьетнама (СНДМС).

как мы, организация. Объединение патриотов, стремящихся спасти свою страну.

Шон! Нечего больше колебаться! Твои друзья ждут тебя! Каждый раз, вспоминая о тебе, мы сожалеем: эх, будь среди нас человек с таким умом и знаниями, как у Шона, сколько бы можно было совершить важных дел. Достаточно, скажем, написать правдивую книгу о тех тюрьмах, где ты неоднократно бывал. Подумай и решайся. Твое место не там, а здесь, среди нас.

'Это письмо я пишу и от имени наших друзей, которые шлют тебе сердечный привет.

Ждем тебя

Подпись...

Постскрипtum. Я неожиданно встретил здесь певицу Ми Тхань, она теперь артистка ансамбля Освобождения. Она повзрослела, но хороша по-прежнему. Мы рассказали ей, что там, у себя, грустя по ночам, ты часто включаешь магнитофон и слушаешь ее пение. Она была очень растрогана».

Дочитав письмо, я сложил его и вернул Шону.

— Это писал один профессор, старый мой друг,— сказал он.— Все так и было, он ушел тогда из Сайгона. И он прав: застань он меня в тот день, когда стучался в мою дверь, чтобы проститься, быть бы мне сейчас другим человеком. Весна шестьдесят восьмого канула в прошлое. Люди в Сайгоне с тех пор не видели на улицах бойцов Освобождения, но образы смельчаков остались в памяти у всех. Да, в городе больше не слышно выстрелов, но в сердцах людей, в моем собственном сердце они не смолкли. Эхо взрывов разрушило стены, разделявшие нас. Глухие стены политических предрассудков, предубеждения и вражды рухнули. Мысли людей прояснились. Тогда-то прозрел и я. Прозрел и пришел сюда, к вам. Счастливый случай свел нас с тобой, с твоими друзьями, дал мне возможность повстречать дядю Хая, услышать историю семьи, где каждый — борец против захватчиков, истинный патриот. Потом я вернулся в Сайгон, к себе домой. Но улицы и места, с которыми было связано столько воспоминаний, вдруг стали чужими для меня. И тут я получил письмо от моего друга, вступившего в Союз национальных сил,— вот это самое письмо. Верно! — подумал я. Когда идет борьба за само существование нации, ни-

кто из ее сыновей не может быть только свидетелем. Нет, надо самому броситься в бой, броситься в бой!

Он дважды медленно кивнул головой.

Итак, к нам пришел еще один боевой товарищ. Вроде бы мы должны были выказать свою радость. Но почему-то все трое молчали. Ни тогда, ни долгое время спустя я, думая об этом, не мог объяснить себе, отчего мы с Ут До не закричали от радости, не кинулись обнимать Шона. Может быть, мы умолкли, понимая: на наших глазах совершается поворот в судьбе человека? Или решение Шона «самому броситься в бой» показалось нам слишком внезапным? Мог смутить нас и его голос — торжественный, но приглушенный и печальный, как бы полный раскаяния.

— На сей раз я перебрался сюда, — помолчав, сказал он, — чтобы просить вас помочь мне добраться до резиденции Союза.

— Когда ты намерен отправляться? — спросил я.

— Я решил вступить в бой, и ничто не может изменить это решение. Но отправляться сразу я не хочу. Подыскиваю себе местечко поспокойнее, где мог бы сперва написать книгу о зверствах, которые видел своими глазами, там, в тюрьмах. Ведь я прихожу к моим друзьям чуть ли не последним и не хочу являться с пустыми руками. Госпожа Ут Нью предоставила мне домик на плоту, вот и засяду за работу. У меня к вам просьба — позвольте мне оставаться там, пока не закончу книгу.

Я-то хотел предложить ему поскорее отправиться в путь, а уж там, на месте, и написать свою книгу. Но успел сообразить: этот совет мой останется втуне и только расстроит Шона.

— Отныне, — добавил он, — прошу вас официально считать меня представителем «третьей силы».

Я не нашел еще подходящих к обстоятельствам слов, успел лишь кивнуть, как вдруг нагрянула «старая ведьма». На бреющем полете она прошла в просвете между древесными кронами прямо над нами. Черная, с растопыренными крыльями, она едва не задела верхушки манго, заложив вираж, вернулась сразу и начала кружить над садом, как раз над нашим НП.

Чан Хоай Шон, как я заметил, следил за «старой ведьмой» с иным, чем прежде, выражением лица. В прошлый раз, когда «ведьма» кружила над садом у дома дяди Хая, Шон не выказал ни страха, ни нарочитого хладнокровия,

он просто остался безучастным. И эту безучастность его очень легко понять: даже в мыслях самолет-корректировщик не был ему врагом. А на сей раз, попав в поле зрения пилота, Шон чувствовал себя обороняющимся, то есть — мишенью. Не привыкнув к бомбежкам и обстрелам, он не мог сохранять спокойствие, как мы: соскочил с гамака и тревожно озирался вокруг.

Убежище, которое мы вдвоем с Ут До расчищали с утра, троих не вместило бы. Там и двоим-то было тесновато, зато одному — раздолье.

«Старая ведьма» ложилась на крыло, крен ее становился все круче. Она кружила по спирали, суживая витки. Ут рывком сдернул завязку и скомкал гамак.

— Тханг! — крикнул он. — Ведите Шона в убежище!

«Что еще за провожания?» — подумал я и сказал:

— Спускайся в убежище, Шон.

Впрочем, он уже сидел там.

— А где ваши укрытия? — спросил он.

— Ничего, спрячемся под деревьями!

«Старая ведьма» отлетела в сторону, и тотчас грохнул орудийный залп. Мы с Ут До не стали прижиматься к стволам манго, а прыгнули оба в канаву. В саду у нас разорвались три снаряда.

«Ведьма» легла на крыло, словно вглядываясь вниз, потом с воем и треском полетела искать другую цель. Мы выкарабкались из канавы, промокшие до нитки. Кругом валялись сбитые взрывом ветки, листья.

— Эй, Шон! Все кончилось, вылезай!

Он выбрался наверх и стал стряхивать грязь с куртки и брюк, явно еще не успокоившись. Подняв голову, проводил взглядом «старую ведьму».

— Ушла, ушла! Садитесь в гамак, Шон, — сказал Ут До, стягивая завязки.

Одежда его вся была измазана илом. Неторопливые, уверенные его движения успокаивающе подействовали на гостя. Артобстрел вроде сблизил нас всех и даже как-то развлек. Оставив Шона в гамаке, мы побежали вдвоем к каналу и давай нырять и плескаться. Потом переоделись.

Вернувшись, мы нашли Шона «при деле» — он фотографировал убежище, где только что отсиживался.

— Снимите, если можно, и меня на память! — попросил Ут.

— Пожалуйста... Станьте-ка вот сюда!

Ут До подбежал к убежищу и стал в позу. Но едва Шон поднес камеру к глазам, Ут замахал вдруг руками, крича:

— Постойте! Так сниматься неинтересно!

Он не желал увековечить себя в только что надетой военной форме, очень ладно, кстати, сидевшей на нем. Снял ее и, оставшись в одних трусах, взял в руки лопату.

— Вот так! Щелкните меня лучше за расчисткой убежища.

Сверкнула вспышка.

Когда Ут До снова оделся и мы уселись с ним в холщовый гамак цвета хаки напротив Шона, я вернулся к нашей беседе:

— В письме, что ты дал мне прочесть, упоминалась актриса Ми Тхань. Я ее знаю.

— Неужели? — И без того выпученные глаза его, казалось, выскочат из орбит, лицо просияло. — Ты знаешь ее? Когда ж вы встречались?

— Их ансамбль стоял за перелеском возле моей «конторы».

— Ты знаешь что-нибудь о ее прошлом?

Знать-то я знал, но мне хотелось выяснить, какие у них были с Шоном отношения в бытность ее в Сайгоне, и я ответил:

— Да, в общем-то, мало...

— Право, мне больно теперь вспоминать все это! — Он понурился, покачал головой, потом заговорил: — Ми Тхань в детстве осиротела, жила вместе с мачехой. Мачеха жарила банановые лепешки, девочка выносила их продавать. Ей очень нравилось, как актеры разыгрывают пьесы в театре туонг¹. Каждый день она приносила лепешки и продавала их актерам и актрисам одной труппы. Им полюбилась хорошенькая грациозная девчужка. Стоило ей явиться, они брали у нее лепешки нарасхват. А она, распродав товар, не уходила. Усядется, поджав ноги, на приступке, смотрит и слушает, как актеры играют и поют. Так и просиживала все репетиции. Глаз не сводит, ушки на макушке, губами шевелит, про себя слова за артистами повторяет. И так год за годом. Целых восемь лет — с восьми до шестнадцати продавала лепешки артистам труппы и, не выйдя ни разу на сцену, сама стала актрисой, выучи-

¹ Туонг — старинный жанр музыкального театра, строящийся на «высоких» сюжетах из древней истории и мифологии — вьетнамской и китайской.

ла наизусть все роли. И вот однажды прямо на репетиции заболела актриса — живот прихватило, начался приступ, и пришлось ее увезти в больницу. Не знали, кем заменить ее. Вдруг во время всей этой суматохи руководитель труппы видит: явилась в урочный час девушка с лепешками. «Эй, малышка! — кричит он. — Оставь-ка свой лоток, поднимайся сюда! Да иди же скорей!» Попробовала она себя в этой роли... Что потом, спрашиваете? Спектакль в тот вечер стал сюрпризом и для публики, и для артистов. Сам руководитель труппы был ошеломлен. При свете ramпы девушка сияла красотой, как фея. Зрители сидели словно замороженные. Я тоже случайно оказался на этом спектакле. Никогда прежде не слышал такого дивного голоса, низкий, грудной альт удивительно звонкого тембра. Когда она пела соло, весь театр замирал. Наутро во всех сайгонских газетах появились ее фотографии. В шестнадцать лет она стала звездой сцены.

Шон рассказывал об актрисе Ми Тхань с неподдельным жаром. Но вдруг он запнулся, голос его зазвучал глуше: — Помните, как у Нгуен Зу?..

Пока до конца не иссякнут наши земные года,
Талант и судьба везде и всегда
Дышат слепой обоюдной враждой...¹

Поистине пророческие слова! Судьба не пощадила талант Ми Тхань: как после космической катастрофы, звезда эта вдруг погасла. Со дня ее дебюта прошло два года, ей исполнилось восемнадцать, и тут некий газетный писака пожелал уложить ее в свою постель. Он, конечно же, получил отпор и решил отомстить. Вскоре в одной сайгонской газетке под крупно набранным заголовком «Шлюха Ми Тхань» появился грязный пасквиль о ее «любовных похождениях». Он всколыхнул весь театральный мир Сайгона... Вы спрашиваете, что же случилось, когда эту проклятую газетенку стали продавать везде и всюду? Ми Тхань явилась в редакцию с деревянными сандалиями в руках, чтобы набить морду клеветнику.

— И она избивала этого типа? — не вытерпел Ут До.

— Нет, она никого не нашла. Потом люди увидели,

¹ Здесь цитируются начальные строки романа в стихах «Стенания истерзанной души» великого вьетнамского поэта Нгуен Зу (1765—1820); перевод стихов Арк. Штейнберга.

что она обрила голову¹. А через какое-то время и вовсе исчезла.

— Скажите, Тханг, что она поделывает сейчас?— Вопрос этот задал мне не Шон, а Ут До.

Не успел я рассказать им о том, как живет Ми Тхань, и об ее ансамбле, снова послышался дребезжащий голос «старой ведьмы». И моментально она сама появилась над нами, чуть не задевая крыльями за макушки деревьев.

Мы все трое вывалились из гамаков и приготовились к самому худшему. Но «старая ведьма» лишь накренилась, заглянув мельком к нам в сад, и, истошно завывая, полетела дальше вдоль канала в сторону аэродрома.

— Я пришел сообщить вам о своих планах и заручиться вашей поддержкой. А теперь, с вашего разрешения, я откланяюсь, — сказал Чан Хоай Шон, глядя вслед самолету; садиться в гамак он не стал.

Отсюда до резиденции руководства СНДМС путь неблизкий. При самых благоприятных обстоятельствах на дорогу пришлось бы потратить больше десяти дней. Подумав об этом, я спросил:

— Хон, когда ты рассчитываешь кончить книгу?.. Потом сразу уйдешь? (Я назвал его именем, запомнившимся с детства, так было легче общаться.)

— Буду писать день и ночь. Думаю, в два месяца уложусь. Если что, я найду вас здесь.

Он достал из кармана приготовленный заранее пакет с фотографиями и отдал мне с просьбой передать дяде Хаю. Потом напомнил о своем обещании: если я по-прежнему намерен «легально» отправиться в стратегическое поселение, он сделает все, чтобы мне помочь.

Проводив Шона через «обезьяний мост» над протокой, разделявшей оккупированную и освобожденную зоны, мы с Ут До вернулись к себе на НП, разделись и снова взялись за лопаты. Надо было покончить с расчисткой убежища. Как всегда, за работой мы беседовали.

— Наверно, этот журналист влюблен в Ми Тхань?— спросил Ут До.

— Да, наверно.

— А как вы думаете, если он доберется до своего Союза, встретит он там ее?

¹ Побуддийским обрядам голову обычно обривали при пострижении в монахи или поступлении в послушники.

— Встретит.

— Небось теперь у них дело пойдет на лад?

— Ми Тхань уже помолвлена.

— С кем?

— С одним товарищем... Он кинооператор.

— Артистка и кинооператор — идеальная пара!

Больше не было сказано ни слова. Ут До выбрасывал лопатой землю из убежища, а я укладывал ее поверх перекрытия. У меня спина взмокла от пота. А Ут, без устали размахивая лопатой, прямо на глазах уходил под землю. Вдруг он высунулся наружу, потянулся, распрямил спину и, воткнув перед собой лопату в землю, закурил сигарету. Потом задумался о чем-то и, вроде ни с того ни с сего, громко окликнул меня:

— Тханг, а Тханг!

— Да...

— А вы знаете, кто написал ту гнусную статью про Ми Тхань?

— Он ведь скрылся. Ми Тхань и сама-то не ведает, откуда ж мне знать.

Ут пробурчал что-то, выдернул лопату и, размахнувшись, с силой вонзил в землю.

— Вот подонок!

Лезвие лопаты, чавкая, ушло в глубину, и топкий пузырящийся ил накрыл его до самого черенка.

Глава 26

Ут До получил повышение: он назначен командиром партизанского отряда общины. Тяу стал его заместителем. Шау Линь, она по-прежнему сохраняет пост партийного секретаря, главным образом занимается теперь агитацией и созданием подпольного актива в стратегическом поселении. Свой наблюдательный пункт в манговом саду Ут До передал Тяу, Ламу и Зунгу. Перебравшись туда, Тяу в считанные дни соорудил на НП учебный плац для занятий военной подготовкой и старинными приемами рукопашного боя без оружия.

А Ут До поселился в штабе партизанского отряда. И я вместе с ним перекочевал туда — в маленький домик на сваях посреди мангового сада, неподалеку от дома дяди Хая.

Теперь в качестве командира отряда Ут До пришлось столкнуться с делопроизводством. Я видел: вся эта возня с бумагами для него — тяжкое испытание! Каждый раз, когда он изучал какую-нибудь директиву или составлял очередной доклад, на столе громоздилась целая бумажная гора. У него появились новые замашки: так, прежде чем разложить свои документы, он снимал повязанный вокруг шеи шарф из парашютной ткани и застилал им стол. «Ну вот,— подумал я,— новоиспеченный начальник становится бюрократом». Однажды, застелив стол, он обернулся и, заметив меня, спросил:

— Ты чего смеешься?

Я, не отвечая ни слова, продолжал улыбаться.

— Думаешь небось, Ут До зазнался? Да я просто следую примеру Нам Бо и товарища Коя, бывшего нашего партсекретаря. Они всегда так делали, на случай если вдруг нагрянут вертолеты: хватай ткань со стола и разом уноси все с собой. Время-то нынче какое — каратели так и лютуют!

В здешних краях время года, когда уходит с полей вода, давно уже в разговорах промеж собой называют не сухим сезоном или по-простому сушью и не порою северных ветров, а сроком карателей. Что ни день надо быть готовым к отражению вражеского нашествия — всем и каждому, с утренней до вечерней и от вечерней до утренней зари. Встают до света, варят рис на весь день. В гамаках не разлеживаются, их и вовсе не вешают — свернут потуже и скаткою носят на боку. На ремне да на спине каждый должен носить с собою все необходимое: гамак, нейлоновую накидку, фонарь, флягу с водой, коробку с сухим пайком — мясом, рыбой, солью и сахаром. Важен, конечно, фонарь; у кого нет электрического, берет керосиновый. Ну, оружие, само собою, всегда полагается иметь при себе. Даже спят со всей амуницией. Едва наступает сушь, у партизан появляется забота: поскорее очистить, привести в порядок старые убежища, вырыть новые тайные укрытия, устроить боевые окопы, траншеи, наладить да расширить минные поля.

Даже в полдень, после обеда, никто не отдыхает. Сегодня группа партизанок во главе с Малышкой Ба отправилась ставить мины за садом. Оба убежища под сваями штабного дома обвалились. Пока я выгребал землю из

убежища, Ут До сходил в сад нарубить крепких смолистых веток бальзамарии. Мы сложили из них перекрытие и засыпали его землей. Вдруг послышался знакомый голос:

— Ну-ка, ну-ка, кто это там орудует под домом?

«Дядя Хай пришел!»—подумал я. Ут До, конечно, опередил меня.

— Куда это вы собрались, дядя Хай? — спросил он.

Старик подошел поближе. Он закатал штанины — одну выше, другую ниже; белая баба от времени стала бурой, как похлебка из требухи; голову он повязал черной повязкой. На плече старик нес мотыгу.

— Да вот,— пожаловался он,— вышел я в поле, а проклятушая эта «старая ведьма» все время следит, подсматривает!

«Ведьма» и вправду кружила над полем — наверное, разглядывала выросшие на нем снова вышки и шалаши; гул ее двигателей то приближался, то затихал вдали.

Дядя Хай положил мотыгу на пол, уселся на длинную ее рукоять и свернул себе сигарку. Мы с Ут До решили передохнуть и тоже уселись на черенки лопат.

Старик выпустил изо рта струйку дыма.

— Та-ак, значит, журналист примкнул к нам? — спросил он.

Не успел я и рта открыть, как Ут До опять опередил меня:

— Да, только он состоит в третьем фронте.

— В третьем ли, в четвертом или в пятом — все одно. Лишь бы вместе с нами бился против янки. Что ж, я рад за него. Хочу тебе, Ут До, вопрос задать.

— Слушаю вас.

— На днях Нам Бо с Шау Линь вернулись с совещания в уезде. Я, как увидел их лица, ну, думаю, что-то важное будет! Стал спрашивать, а они таятся от меня. Сказали только, выкопайте, мол, себе убежище новое. Убежище!.. Я ли их каждый год в ожидании карателей не копаю? Ты у нас, Ут, командир отряда, все небось знаешь. Говори-ка, я умом пораскину...

Ут сразу поглядел на меня, но я притворился, будто ничего не заметил: а ну как он откроет секрет!

— Нам Во и сестрица Шау,— ответил Ут старику,— говорили мне то же, дядюшка, что и вам, ни словечка больше!

— Врешь! Стало быть, и ты от меня таишься. Я чую, «наверху» что-то задумали, готовятся! Верно, Тханг?

— Да я...

Сказать по правде, я знал ничуть не больше старика. Несколько дней назад «сверху» срочно прислали связных за Намом и Шау Линь. Только вызывали их не в уезд, как утверждал дядя Хай, а прямо в провинциальный центр; вместе с ними там побывали секретарь уездного комитета партии и начальник вооруженных сил уезда. Когда Нам с Шау Линь вернулись, я и сам обратил внимание на их лица, сиявшие от радости. И догадался, конечно: что-то готовится, назревает. Нам Во и Шау Линь провели совещание с партизанским командованием (то есть с Ут До и Тяу), и на другой же день атмосфера заметно изменилась; даже в работах по расчистке старых убежищ и рытью новых укрытий и окопов я усмотрел особую слаженность и размах. Кроме этих, в общем-то, обычных работ, были начаты и новые: заготовка дров, строительство просторных землянок, в которых можно было поставить лежанки, рабочие столы. Все лодки — они давно уже лежали вверх дном в подполах между сваями — приказано было достать и проконопатить заново, а также купить новые лодки. Явно начиналась подготовка к масштабной наступательной операции. Но когда я попытался расспросить об этом Нама, он отвечал мне расплывчатой фразой: «Да-а, в принципе готовимся...» Они с Шау Линь, вернувшись из провинции, пробыли здесь только один день и снова ушли в оккупированную зону. Так что и возможности разобраться в происходящем у меня не было ни малейшей. Однажды ночью, когда мы с Ут До легли отдохнуть в подполе, я пристал было к нему с расспросами, но он отвечал вопросом на вопрос: «Помните, как мы вместе с Намом ночевали на наблюдательном пункте?» — «Ну, помню». — «А о чем я его спрашивал, помните?» Я помнил, конечно, но притворился, будто забыл: «Да вы о чем только не говорили, разве тут все упомнишь!» — «Я тогда спросил Нама: когда же управимся? И он сказал: придется еще потерпеть, вот задует северный ветер... Нынче он дует уже вовсю, ветер-то, чего же еще! Ну а стратегические планы командования, кому они известны? Думаю, в общих чертах тебе ясно...»

Дядя Хай, он, конечно, тоже уловил царившее повсюду необычное оживление и пришел узнать у нас, что происходит. Ут До ничего ему нового не открыл, и он

обратился ко мне. А я... Вот он и рассердился. Но гневался он не на меня — на Ута. Впервые я видел старика таким. В сердцах он перекусил свою сигарку и выплюнул ее на землю.

— Ну, командир! — крикнул он. — Я тебе это попомню! Теперь, если что, ко мне не...

Оборвав фразу, он сдернул с головы повязку и хлестнул ею себя по спине, словно комара прихлопнул.

— Вот вы оба, — сказал он уже поспокойней, — скрываете от меня... А я за действиями неприятеля наблюдаю и вижу, к чему дело клонится. Эта «старая ведьма», паскуда! — Старик наконец-то нашел, на ком сорвать свою злость. — Проклятущая тварь, она уже неделю без малого даже в полдень не отдыхает. Все летает, зудит дотемна...

В это время с дороги донесся голосок Тхиеу, старшей дочери сестрицы Но:

— Эй, Ут!.. Брат Ут!

Она теперь вместо Ут Чам стала связной партизанского штаба.

— Здесь я! — откликнулся Ут До.

Вбежав во двор, девочка с трудом перевела дух.

— К дяде Тхангу гость! — сообщила она.

— Кто мне? — изумился я. — Гость?..

— Ага.

Откуда?.. Какие еще гости?

— Я думаю, Тханг, — как всегда первым заговорил Ут До, — это опять наш журналист пожаловал. — Ут повернулся к девочке и спросил: — Какой он из себя-то? Длинный, тощий, рот ввалился небось?

— Да нет, вроде толстый! — И она, разведя руки в стороны, показала, какой дородный он, этот новый гость.

— Кто бы это мог быть?

— Почему не привела его? — возмутился Хай.

— Боялась, вдруг брат Ут До с дядей Тхангом ушли. Сперва товарищ этот спрашивал дядю Нама. Нет его, говорю. Тогда он про дядю Тханга спросил.

— Ладно! — Старый Хай взмахнул своей черной повязкой и распорядился: — Давай, веди его сюда! Чего человека мурыжить.

Тхиеу со всех ног кинулась к дороге. Не успел я еще прикинуть, кто же это пожаловал, гляжу: шустрая наша связная ведет гостя. Я остолбенел: «толстый» гость, стоявший передо мной, был не кто иной, как мой давний

знакомый Тин Нге, он же доктор Уи Бон Сон. Придя в себя, я завопил нечто невнятное и бросился к нему.

— Девятый, вы?

— Oui.

Доктор Тин распростер руки и крепко обнял меня.

— Прошу вас, Девятый брат, прошу! Заходите!

Тин Нге пролез в подпол между сваями. Рослый и тучный, он передвигался удивительно легко. Пожал руку дяде Хаю и Уту.

Их обоих, судя по всему, удивила внешность доктора, человека дородного, крупного, еще не старого, но с седой, коротко остриженной головой, напоминающей цветок на высокой ветке дерева гао. На нем были широкие матерчатые штаны цвета хаки и куртка цвета прелой травы. Уже один вид доктора настраивал на веселый лад.

— Каким ветром вас сюда занесло, Тин Нге? — спросил я.

— Да тем самым, что дует сегодня!..

Ростом он был выше любого из нас и почти доставал головой до настиленного над сваями пола. Говорил громко и с жаром. По первой его фразе я понял: сейчас он, как выражается молодежь, «заведется». И точно! Тин Нге огляделся и остановил взгляд на дяде Хае.

— Дistinguished старший брат, — начал он, — и вы, ребята! Когда-то давным-давно, не пять и не десять лет назад, а, почитай, тридцать с лишком, я учился еще в деревенской школе. И помню, из года в год, едва вот так, как сейчас, начинал дуть северный ветер, политкаторжане на Пуло-Кондоре сколачивали плоты и пускались по воле ветра через море к большой земле. А лузатые лодки, их в Чунгбо¹ называют тыквами — «бау», пересекали тогда море под парусами, входили в нашу реку и проплывали мимо моего дома. Тот самый северный ветер доставил и меня сюда, к вам. Только прибыл я не на плоту и не на лодке «бау», а пешим ходом, парусом моим был вещмешок, вместо мачты — собственная моя персона.

— Значит, вы к нам издалека? — подняв голову, чтобы лучше разглядеть гостя, спросил дядя Хай.

— Oui. Я, досточтимый брат мой, явился из тех мест, куда американским пушкам, даже если стволы их вырастут втрое, никогда не дострелить. Самолеты их иногда еще долетают туда, сбросят бомбу-другую — и сразу назад, пока не кончилось горючее.

¹ Чунгбо — Центральный Вьетнам.

Внимая оживленному, шутливому голосу его, дядя Хай и Ут До глядели на гостя разинув рты.

— Товарищ Тин Нге — врач, — пояснил я.

Он тотчас поднес палец к губам и тихонько свистнул.

— Pardon. Прошу прощения, Тханг, забыл предупредить вас. Благо, вас здесь всего трое. Прошу, досточтимый брат, и вы, ребята, не говорить никому, что я — врач, да еще хирург. Такова уж моя профессия: там, где появится хирург, жди больших событий.

Итак, все, о чем я догадывался и что так мучительно жаждал узнать старый Хай, подтвердилось.

— Полно, не волнуйтесь, Девятый брат, — стал успокаивать я доктора. — Ут До — командир здешнего партизанского отряда, а дядя Хай — член общинного комитета Фронта. Рано или поздно вы все равно столкнулись бы с ними по работе.

Доктор снова пожал руку обоим.

— Вон, вон. Прекрасно, тогда я добавлю, что прибыл сюда с особой целью — заставить Никсона подписать мир...

Правую руку он сжал в кулак и для вящей убедительности при слове «мир» стукнул им по раскрытой ладони левой.

Узнав от Тхиеу о диковинном госте, девушки — одни копали неподалеку землянки, другие ставили мины — устроили перерыв и прибежали сюда, в сад. Я представил их доктору.

— Познакомьтесь... Малышка Ба...

— Это — наша Тхон... Ут Чам... Тхань... Тха...

Знакомясь с каждой, он повторял «вон... вон», пожимал руку, затем, сложив ладони, подносил их ко лбу и отвешивал низкий поклон, чем вогнал девушек в краску. Малышка Ба единственная догадалась подняться в дом и принести гостю стул. Он уселся, а мы стояли вокруг, зато больше не надо было задирать голову.

— Брат Тин, откуда вы узнали, что Нам Бо и я здесь?

Тин Нге восседал на стуле, широко расставив ноги и обхватив пальцами колени, словно позировал фотографу.

— О-о, — отвечал он, — эти сведения я добыл, рискуя жизнью...

Девушки, переглянувшись, заулыбались, им нравился юмор нашего гостя.

— Сначала, — продолжал доктор, — мы преодолели

болота. А через два дня связной привел нас в редкий кае-путовый лес. До пункта связи мы добрались в полночь, никто нас не встретил. Мы сразу уснули, как под общим наркозом. Среди ночи загрохотала канонада. Снаряды рвались со всех четырех сторон — спереди, сзади, справа и слева. Единственно, куда они не падали, — это на наши головы, и вышка наша чудом оставалась невредимой. Эх, думаю, в первый свой день на равнине — и угодил под артиллерийский обстрел. Ни тебе убежищ, ни щелей. Выглянешь наружу — тьма кромешная, только зарницы разрывов полыхают. Лежу и говорю себе: ну все, последний твой час настал. Только к земле прижимаюсь. Вдруг канонада смолкает и связной кричит в рупор: «Алло! Алло! Товарищи, где кто залег, оставайтесь на местах. Никакой паники! Это наша батарея проводит учебную стрельбу!» Слава богу, хоть объяснил, а то ведь какого страху натерпелись. Наутро вышел я с пункта связи и отыскал эту батарею. Гляжу, на позиции сплошь одни девушки, все коротко острижены, прекрасные, как феи.

— Да ведь это же батарея сестрицы Май! — обрадовалась Ут Чам.

— Верно, командиром у них девушка по имени Май... Батарея Май. Как пришел к ним, разговорились — то да се. И выяснилось: эта самая Май родом из вашей деревни, знакома с Нам Бо и даже с вами, Тханг.

— Дядя Хай, — уточнил я, — родной отец артиллеристки Май.

Теперь уже наш гость поднял глаза, воззрился на старого Хая, восхищенно воскликнул «о-о!» и бросился пожимать ему руку — в третий раз.

— Какая удача! Ваша дочь, когда мы прощались с нею, просила меня зайти навестить вас. И надо же, встретился с вами чуть не в первую же минуту... Воп. Это доброе предзнаменование.

Девушки, глядя на их торжественное рукопожатие, уткнулись друг дружке в плечо и захихикали.

Даже обычные вроде бы жесты Тин Нге потешали людей, а уж рассказы его смешили всех до упаду. Редкого обаяния человек!

Пожав руку дяде Хаю, он обвел всех взглядом, потом посмотрел на часы:

— Ого, уже десять часов. Прощу меня, товарищи, извинить. Я прибыл сюда отнюдь не в одиночестве, со

мною подразделение, вооруженное скальпелями и ножницами, численностью более двадцати человек.

— Так где же они? — спросили мы хором.

— На пункте связи нас распределили по нескольким домам вверх по реке. Они все устали, конечно. А я верхом приехал сюда, чтобы...

— О небо! — прервала его Малышка Ба. — Вы с товарищами хоть успели поесть?

Веселый старый доктор отвесил ей новый поклон:

— Да нет, к великому сожалению моему, не успели.

Тут наконец дяде Хаю удалось возвысить голос:

— А ну-ка, Ба, беги со своими девчонками! И чтоб все товарищи были накормлены!.. — Потом повернулся к гостю: — Если вы, доктор, не заняты, прошу пожаловать ко мне.

— Покорнейше благодарю.

Девушки опять рассмеялись и убежали прочь...

Вечером Ут До собрал партизан. Они обсуждали, где разместить на постой, кому и как снабжать передовую бригаду медсанчасти.

А мы со старым доктором лежали в гамаках, подвешенных к сваям, под домиком штаба, где шло совещание.

— Вы повесили свой гамак, доктор, как раз на том месте, где спал Нам Бо в самую первую ночь, когда мы пришли сюда.

— У меня с утра все не было случая спросить вас. Верно я угадал, это здесь у Нама fiancée¹?

— Совершенно верно.

— Ну а как закончилась «траектория» поразившей его пули? Разрушила его она bonheur² или нет?

— После того нашего разговора, — отвечал я, покачиваясь в гамаке, — я все время думаю об этом.

— Oui.

— Еще когда мы добирались сюда, я узнал, что возлюбленная его живет в этой общине.

— Oui.

— Услыхав от него кое-какие подробности, я ожидал всего: обиды, отчужденности, даже разрыва.

— Oui.

¹ Нареченная, невеста (франц.).

² Счастье (франц.).

— Потом мы пришли сюда. Они встретились, и ни одно из моих предположений не оправдалось. Как они ведут себя наедине, не знаю. Но при мне... Нет, не заметил я ни обиды, ни охлаждения. О разрыве-то и речи нет. Сердечность и простота — вот что сразу бросается в глаза, когда видишь их вместе. Все так естественно, словно они не могли не встретиться снова... На днях они оба вернулись сюда с совещания в провинции и отправились вместе на ту сторону...

— Où?¹

— На той стороне реки — стратегическое поселение...

— Oui.

— Я хочу сказать, когда они вместе, видно: это и товарищи, и влюбленные. Говорят, после освобождения они поженятся.

— Воп. Ну а вы?

Я понял вопрос доктора. Мне очень хотелось расспросить его о Май, но я сдержался.

— Здесь я кое-чего добился, стал своим человеком. А что там, в джунглях, как наши все?

— В джунглях и привольно, и тесно. Войск наших с Севера подходит видимо-невидимо. Даже курьезы случаются. Вышел я как-то днем на опушку, операция была трудная, дай, думаю, мозги проветрю. Огляделся — что-то вроде не так. Неужто за пару дней растительность вся переменилась? Лезу в карман, достаю очки, надеваю. О господи, это ведь солдаты кругом с маскировочными ветками на плечах — ползут, перебегают с места на место. Ночью от боевой техники и машин покоя нет. Грузовики идут и идут — с мешками риса, с боеприпасами, солдатами... А старожилы постепенно уходят из джунглей на равнину, на фронт. Конечно, старикам, вроде меня, надо бы оставаться в лагере. Но приходят прощаться с тобой друзья — один, другой. И тебе уже не усидеть на месте. Вот почему я попросился на равнину. Как там в песне поется про старых солдат? «Старость устали не знает...» Але-оп! Вещмешок за спину — и в путь!.. — Возбужденный голос доктора вдруг зазвучал глуше: — Знаете, Тханг, однажды, когда я жил во Франции, в теплый солнечный день я прилег на берегу Сены и задремал. Лошадь, щипавшая рядом траву, подошла и лизнула мне щеку.

¹ Куда? (франц.)

отвесную стену — боец прижмется к ней и поползет вверх быстро и ловко, как ящерица. Проплывет под водой, как рыба. Войдет на вражескую базу и выйдет обратно, словно это безлюдный пустырь. Если понадобится, доставит оттуда любой предмет, например пепельницу с рабочего стола в подтверждение того, что побывал там. И собаки-ищейки, завезенные из Америки, не обнаружат ни запаха его, ни следов. Когда эти бойцы тренируются, ты с фонарем на пяти батареях, ярким, чуть ли не как прожектор, можешь стоять на вышке посреди ровной пустой площадки — как бы на вражеском блокгаузе, и вот один из них подает издали сигнал «иду на вас». Ты водишь вокруг своим фонарем, высвечиваешь каждую пядь площадки и ничего не замечаешь. Боец-невидимка уже рядом, но ты не видишь его и только вздрагиваешь, когда он железной рукой своей ухватит тебя за затылок... Один из этих легендарных людей сидит напротив меня и распивает со мной чай в подполе между сваями штабного домика. Совсем еще молодой человек лет двадцати пяти—двадцати шести, вовсе не могучего телосложения, но ладно скроенный, гибкий, подвижный. Пуговицы белой полотняной рубашки на его широкой груди, казалось, вот-вот выскочат из петель. Ясное лицо его с острыми глазами и широким лбом внушало симпатию.

— Да, служба у вас нелегкая, но, наверно, интересная,— сказал я, стараясь разговорить гостя.

— Обычное дело,— улыбнулся он,— как и везде. В каких войсках ни служишь, всюду свои особенности.

— А много было у вас «трудных случаев» — таких, чтоб врезались в память?

Очень уж скверная у меня привычка — одолевая людей вопросами, стараясь вдобавок с ходу докопаться до самой сути. Правда, и с бойцом войск особого назначения не каждый день удается поговорить. И, стало быть, надо любой ценой вытянуть из него материал. Тем более я знал: скоро вернется Ут До и они займутся своими делами. А потом Фай уйдет, и даже если я условлюсь встретиться с ним, сделать это будет нелегко.

— Много,— ответил он,— очень много! Мне каждое задание казалось трудным.

Уже самая первая фраза увлекла меня. Но вездесущая «старая ведьма» и тут расстроила все мои планы. Выйдя на брюющем полете прямо на наш сад, она вдруг выключила двигатель... У-у-у... з-з-и-и... Ракетный снаряд, рванув-

пись из-под ее крыла, просвистел над нами, едва не задев крышу, и разорвался между деревьями метрах в пятидесяти от дома. Мы прыгнули с гамаков и вышли из подпола — глянуть, что еще надумает «ведьма». Оказалось, это была последняя ее ракета, и она выпустила ее не целясь, прежде чем, дребезжа и завывая, потащиться к большой реке.

В саду опять стало тихо, и тишина эта после взрыва была какой-то особенной. Яснее слышался каждый звук; сквозь шелест деревьев я различал даже шорох подхваченной ветерком палой листвы.

Разговор наш с Фаем прервался, и вернуться к нему было трудно. Гость не спешил назад, к гамаку. Впрочем, прояви я даже какую-то настойчивость, разговора бы все равно не получилось. Фай только счел бы меня бестактным. Хотя «дурные манеры» выказала «старая ведьма» — надо же ей было выпалить в такую минуту! Придется, увы, ждать другого случая. Я оставил Фая в покое. Он стоял и глядел в глубину сада. О чем он думал? Поди догадайся, но отрешенный вид его невольно навел меня на мысль о Мьой, которая столько лет ждала его и сердцем все время была с ним. Конечно же, я не хотел, чтобы он понял, что мне известно о их любви. Да и вообще не желал нарушать его молчание.

Раньше, когда мне рассказывали о Мьой, я постарался мысленно представить ее себе. Но, глядя на ее любимого, я чувствовал, как воображаемый образ этот меняется, ведь теперь и в моих глазах девушка должна быть достойной Фая. А он, наверно, думает о встрече с нею.

Перед нами обоими простирался манговый сад. Деревья прихорашивались, точно пудрой осыпанные мелкими белыми бутонами. Кое-где распустились уже гроздья соцветий и, словно им не сиделось на месте, качались, смеясь и играя с солнечными лучами и временами роняя на землю крошечные лепестки, белевшие между стволами...

— Кто это там? Уж не Фай ли?!

Вернулся Ут До. Завидев гостя, он бегом припустил к дому, с плеча его свисал здоровенный моток веревки.

Глядеть на встречу двух старых друзей было и радостно, и завидно. Фай кинулся навстречу Уту, они крепко обнялись и давай колотить один другого по спине, потом, отстраняясь, впились взглядом друг в друга, глаза у обоих покраснели.

— Ну, брат! — кричал Ут До. — Не вернись ты и к этому бою, я б тебя самолично прикончил!

— Сам хорош! Где шлялся с утра? Я тут с тоски чуть не помер.

— Ладно, заходи, попьем чаю. А вечером все тебе расскажу.

Ут До ухватил Фая за руку и повел к дому.

— Знакомьтесь, Тханг. Это Фай, старый мой друг и сосед. Мальцами мы с ним все в войну играли. Один бойцом Вьетминя был, другой — французом, бились с утра до ночи... А это товарищ Тханг. Он раньше в джунглях воевал, сейчас здесь у нас в командировке. Друг Нама.

Из них двоих Ут До был характером погорячее. Он положил руки Фаю на плечи и чуть не силком усадил его в гамак.

— Давай садись! Будем чай пить.

Я снова заварил чай.

— А где Ут Чам? — спросил я.

— Она, как меня отыскала, — сказал Ут До, — побежала к дяде Хаю.

Принеся стул, он водрузил его у торца столика, стоявшего между гамаками, и уселся, расставив пошире ноги. Обрадованный встречей с Фаем, он говорил без умолку:

— Тяу-то, как услышал, что ты здесь, восхитился. Представляешь, объявил мне: мол, уйдет с тобой в ваши войска поступать.

— Я и сам думал взять его к нам, будет ребят обучать рукопашному бою без оружия.

— Ах так, людей моих сманивать! Убью на месте!

— Ты откуда канат этот приволок? Небось связать меня хочешь?

— А черт, забыл совсем! — Ут сорвал так и висевшую на плече веревку и швырнул ее на землю. — Для вас же стараюсь. Как еще ноги носят?!

Я разлил чай и сказал только:

— Пейте! — Не хотел разговор их прерывать.

— Попей, Фай, чайку, потом тебе все расскажу. С утра с самого за этой веревкой бегал: У меня, брат, опыт есть. В шестьдесят восьмом-то ребята из регулярных войск по «обезьяньим мостам» здесь ходили, как циркачи по канату. Я и подумал сперва: свяжу-ка мостки пошире. Но последнее время самолеты по ночам летают, фото-

графируют, от вспышек ихних светло как днем. Снимают все больше дороги да мосты. Потом снимки эти сличают, глядят: нет ли каких изменений. Тогда я решил, надо делать разборные мосты. Навяжем щитов бамбуковых и в садах под деревьями спрячем. А как ребята ваши придут, положим щиты на лодки — чем не понтонный мост? Пройдете — разберем да опять спрячем. Вот и маюсь, дух перевести некогда!

Ут До одним глотком выпил чашку чаю.

— Зато, — продолжал он, — все-все готово, только утки еще в поселении остались.

— Что за утки? — спросил Фай.

— Самые обыкновенные, мать их... Один раз уже испортили мне все дело, чуть сквозь землю от стыда не провалился. Представляешь... — Он обернулся ко мне: — И вы, Тханг, послушайте. Весна шестьдесят восьмого, Новый год Земли и Обезьяны. Мы перед самой операцией, чтобы полную секретность обеспечить, всех соглядатаев да шпииков в деревне обезвредили. Регулярная армия пришла, а врагу никто ни словечка, все тихо-мирно. Повел я ночью солдат к месту сбора напрямиком через поле, до форта вражеского метров пятьсот было, там ничего не заметили. Ну, думаю, пронесло! Одного не учел я: повел отряд мимо фермы утиной. А там уток этих, китайской породы, не меньше тысячи. Услышали они шум и давай крыльями хлопать, крикать, метаться. Сами подумайте, тысяча уток! Шум, как говорится, до небес, и не уймешь их, не утихомиришь. Из форта услышали, понятно, открыли минометный огонь. Ребята из отряда ругали меня на чем свет стоит. Ну, я понимаю — оплошал, не стал спорить. Вот и теперь Тяу на хутор, где Бай Тха живет, пробирается, всех, от кого подвоха ждать можно, предупреждает, чтоб помалкивали. Ухватит ручищами своими за грудки, из человека чуть не дух вон, сразу с ног долой, трясется весь, коленки друг о дружку стучат — как ящерица, когда ей хвост оборвут. Тут, можно сказать, все в порядке. Одна загвоздка — утки.

— И что вы решили с ними делать? — спросил я.

— Зарезать всех и тиетканем¹ побаловаться! — захотел Ут До. — Да нет, шучу. Сперва думал с хозяином

¹ Тиеткань — кровяной студень с потрохами и хрящами, приправленный специями.

фермы сговориться, чтоб перегнал их куда. Только ведь и у стен уши есть. Обойдем лучше ферму стороной. Ну а ты как, Фай?

— Что — я?

— Сам-один сюда пожаловал или с кем еще?

— Целое отделение со мной. Я вперед отправился, а ребята будут денька через три.

— Здорово! — Ут обернулся ко мне: — Да, из-за этого Фая чуть не забыл... — Он достал из кармана письмо и протянул мне: — Послание вам от Шау Линь.

— Когда вы с ней виделись? — разом спросили мы с Фаем.

— Какое там «виделись»! Она заходила к Бай Тха и прислала с Тхией письмо на наш наблюдательный пункт.

Я уселся с письмом в гамак, развернул сложенный листок и стал читать. Шау писала:

«Дорогой товарищ Тханг!

Мы с Нам Бо обсудили Ваше предложение и, когда были в провинции, обо всем доложили. Товарищи «наверху» тоже согласны: надо организовать Вам легальную поездку. В последние дни обстоятельства сложились так, что мы в этом очень заинтересованы. Мы действуем в подполье нелегально и ограничены во многом. Нужно, чтобы кто-нибудь имел возможность передвигаться свободно, тогда мы были бы в курсе всего. Если вы согласны, пусть моя подруга Тхон снимет с Вас мерку (Вам нужны будут два костюма) и передаст мне; когда костюмы сошьют, я перешлю их Вам. Поддерживайте связь с журналистом, чтоб обсудить детали. Я написала письмо и Ут До. Поговорите еще с ним.

Будьте здоровы.

Сложив письмо, я поднял голову и увидел: Ут До смотрит на меня и смеется.

— Ну как, угодил вам на этот раз?

Я повел бровью. Потом взглянул на Фая и подумал, что на днях увижу его любимую. Но говорить ничего не стал.

— Что делать-то будем? — спросил у него Ут До.

— Хочу сходить повидаться с Тяу.

— Пошли, он и мне нужен.

Ут До встал, снова забросил на плечо туго смотанную веревку.

— Мы пойдем, Тханг. А вы побудьте дома, я к вечеру вернусь.

Я проводил их до большака. С уходом Фая я лишился интереснейшего материала. «Старая ведьма» все испортила. Потом Ут До объявился. Он, правда, отчасти возместил нанесенный мне ущерб.

Возвратился он в сумерки. Пройдя между сваями, сразу рухнул в гамак, с облегчением перевел дух.

— А Фай почему не пришел? — спросил я.

— Он к своей Мыой отправился.

— Правда? Как же он к ней доберется?

— Этот малый, — в голосе Ута послышалась нежность, — куда хочешь пройдет.

За эти дни он совсем умаялся, и я не хотел доносить его разговорами. Да и мне самому, после письма Шау Линь, лезли в голову тревожные мысли о предстоящем «путешествии». Но Ут До вскоре уселся в гамаке, щелкнув зажигалкой, засветил керосиновую лампу, поставил ее на стол и с обычным своим одушевлением заговорил:

— Сами подумайте, с его-то ловкостью да хваткой неужто отыщется место такое, куда ему не пройти? Однажды, это я от него самого слышал, забрался он в дом к наймиту вражьему. Гад этот долго над людьми измывался, и надо было... Ну да не о том речь. Проник он, значит, в дом, едва смеркаться стало. Залез под топчан и ждет. Гад-то этот раньше полуночи не возвращался. Фай лежит себе, дожидается. Как совсем уж стемнело, вышла бабка этого гада, села на топчан и начала плоды арека от кожуры очищать. Рядом с топчаном на табуретке лампу керосиновую поставила — фитиль за стеклом с яйцо утиное величиною, светло так горит. Фай лежит и слышит, как старуха каждый плод от черенка отдирает и ножом на дольки режет. Вдруг бабка роняет один арек на пол. Раскрыть себя или нет, погибнуть или выжить — все решала одна эта минута! Уронив арек, бабка, понятно, должна была его отыскать. Зрение-то у старушки никудышное, стало быть, она слезет с топчана на пол с лампой в руке, начнет шарить, высматривать и в конце концов увидит Фая. Убежать он мог бы, конечно, но погубил бы все дело. Снова проникнуть в дом будет в сто раз труднее. А окажись вы на его месте, как бы вы поступили? — вдруг прервав нить рассказа, спросил Ут До.

— Как поступил бы? — смеясь, переспросил я.

— Фай, он сразу смекнул: главное — любой ценой не дать старухе слезть с топчана и взять лампу. Только тогда он останется незамеченным, вы согласны?

— Согласен. Но как это сделать?

— Бабка слезет с топчана и начнет светить себе лампой с одной-единственной целью — найти упавший арек. Значит, решил Фай, надо, чтобы она отыскала плод, не сходя на пол. Удастся это — все будет в порядке. Рассказывать долго, но сделать все надо было быстро. Соображай он столько же времени, сколько мы здесь с вами толкуем, был бы ему конец. В тот миг, по его словам, он вроде вовсе не прикидывал, не раздумывал, а, увидав упавший арек, взял да и положил на правую бабкину сандалию. Ведь старушка, раньше чем слезть с топчана, должна была сперва свесить ноги и нащарить сандалиии. При чем первой обычно обувают правую ногу. Опустит бабка ногу, нащупает сандалию, сразу и плод найдет. А тогда ей слезать незачем. Коснувшись плода, бабка отдернула ногу. Ну, думает Фай, сейчас нагнется за ним. Но она нагибаться не пожелала, ухватила арек пальцами ноги, подняла кверху... Так они и остались оба на своих местах — старуха на топчане, он на полу. Что скажете, или да не мастак!

Вот вам другой случай. Поручает ему начальство добыть один секретный документ. Хранилась бумага эта у одного типа, и не в сейфе, не в портфеле, не в кармане, а в перевязи за спиной — так крестьяне, выходя в поле, несут за спиною в свернутом трубкой арековом листе бетель и табак. Этот гад даже спал с бумагою за спиной. Как же его взять? Документ был нужен во что бы то ни стало. Три ночи подряд Фай пробирался к изменнику в дом и караулил возле его кровати — а ну как тот повернется во сне... Ничего из этого не вышло. На четвертую ночь Фай выдумал новую уловку. Нагнул к самому уху подонка, когда тот уже крепко спал, и крикнул тихонько: «Эй, соседи, пожар! Горим!..» Изменник, гад, вздрогнул, но не проснулся. Фай снова тихонечко крикнул: «Люди! Спасите!.. Горим!..» Тут душегуб решил спротонок, что где-то в деревне пожар, вскочил, ошалевший, с постели, и Фай, просунув под полог руку, неуловимым движением выдернул из перевязи документ. Хозяин, раздвинув марлю, бросился к дверям. В тот же миг Фай выскользнул из дома...

Я понимал, конечно: все, что рассказывает Ут До,— это лишь второстепенный, несущественный материал о жизни и делах бойца войск особого назначения. Но здесь, в саду, в холодке между сваями, слушать его было занимательно.

— Есть еще истории о нем? — спросил я Ут До.

— О, сколько угодно! Вот, например, пробрался он как-то в неприятельский форт. Минут через пять подняли тревогу. Ложная это была тревога или удалось обнаружить его, толком он так и не понял. Солдаты, крича и толкаясь, высыпали во двор, к заграждениям, потом с бранью, отталкивая друг друга в дверях, кинулись обратно в казарму, расхватили оружие и попрыгали в траншеи. Шесть или семь прожекторов, ими управляли офицеры, как попало шарили вокруг. Фай видит: рядом распахнулась дверь, из нее выскакивает комендант и второпях забывает ее захлопнуть. В эту-то дверь он и нырнул. Огляделся — пусто. Он понял: помещение неслужебное. Здесь явно жил комендант с семьей. Выбрал Фай местечко поукромней и затаился. А снаружи шум и крики не умолкали. Наверно, все-таки напали на его след. Рыскали, шуровали еще целый час, потом угомонились. И пошла в форте обычная вечерняя тягомотина. Тут магнитофон включили, музыку крутят, там пирушку затеяли, здесь в картишки дуются. Только собрался Фай выйти, пришла жена коменданта с малышом. Потом и хозяин пожаловал. Представляете, Фаю-то какво?.. Комендант с женой и с ребенком спали на одной широченной кровати. Сыну ихнему годика два было. Улеглись они, значит, ночник фиолетовый зажгли. Фай понимает, конечно, сидеть здесь до утра — риск смертельный. Надо уходить. Но дверь на запоре. Что делать? Попытаемся, думает, дверь открыть. Подошел поближе. Видит, замок сложный какой-то, никогда с такими дела не имел. Крутанешь что не так, сразу сигнализация сработает. Форт был большой, оснащен американской техникой самоновейшей. Ну, думает, раз уж мне дверь не открыть, надо, чтоб они ее сами открыли. Какой только ход придумать? И придумал ведь... Вы уж простите меня за подробности такие... Потужился, выдавил из себя калу самую малость, мазнул им ребенка по попе и ущипнул его. Малыш заревел. Комендант с женой проснулись, вскочили. «Что с тобой, сыночек? Бяка приснилась, да? Не бойся, маленький...»

Тут мать пощупала штанишки его и кричит мужу: «Слушай, да он обделался! Ах, негодник! Встань, милый, хоть дверь открой...» Ну, он, понятно, прыгает на пол, честит их обоих почему зря. Фай заметил: замок точно с секретом. Комендант, раньше чем ключ сунуть, кнопку нажал. Дверь — настежь. Жена схватила мальчишку и в коридор. Фай следом за нею и ускользнул. Нет, каков парень, а?! Неужели же он пынче ночью к своей милой не проберется!

— А он все про нее знает? — спросил я.

— Если любишь кого, что ни случится с ним, все узнаешь. Станный вопрос, по-моему. Будь я на месте Фая, спрыгнул бы к ней прямо с крыши, пуганул для остротки.

Откуда мне знать, как этой ночью встретятся Фай и Мыой. Вздрогнет она при внезапном его появлении, или они обо всем сговорились заранее, и она сейчас смеется от счастья, а может, плачет? Да и кто это знает! Мне известно только одно: покуда здесь, в подполе штабного домика, Ут До рассказывал свои истории, девушка в черной бабе и широкой шляпе из пальмовых листьев улыбалась ему из-за стекла керосиновой лампы. Она всегда улыбается ему. И эта улыбка ее никогда не угаснет!..

Глава 28

Итак, я поселился в домике на плоту вместе с Чан Хой Шоном в качестве его друга. Наверно, я играл эту роль не так уж плохо; во всяком случае, ни один полицейский не явился проверить мои документы, а это придавало уверенность и мне, и Шону. Плавучий домик наш покачивался на реке в уединенном месте, и мы жили вольготно — нас ничто не вынуждало сдерживаться ни в выборе слов, ни в изъяснении чувств. Я устроился в комнате, расположенной по левую руку, Шон — по правую, а комната посередине находилась в общем владении. Дважды в день нам приносила еду девочка лет четырнадцати или пятнадцати, прислуживавшая в доме Ут Нью.

Из окошка в задней стене плавучего домика я мог видеть весь хутор и даже общинный дом. Вон там, за широкими листьями бананов, дом старого Шау Дьонга.

Маленький дом тетушки Тин привстал на сваях по ту сторону большака в тени раскидистого мангового дерева. Высится на могучих сваях дом капитана Лонга, обнесенный зеленой изгородью из кустов алоэ, его листья называют здесь «тигриными языками». Мощенная камнем дорога пересекает деревню, по ней взад-вперед проезжают машины; а вдоль нее двумя рядами теснятся дома и зеленые кроны садов.

Три раза в день — утром, в полдень и вечером — Чан Хоай Шон по моей просьбе возит меня на мотоцикле «хонда» по переплетающимся дорогам подокруга. Мне дано задание: уточнить дислокацию неприятеля — разумеется, в пределах возможностей гражданского лица, пользующегося свободой передвижения. А Фай изучает ту же самую дислокацию взглядом опытного разведчика.

На третий день, после девяти «рейсов», сопровождавшихся расспросами и разговорами, я разобрался в схеме расположения вражеских сил.

Однажды в полдень, когда дороги безлюдны, я пришел в дом Шау Дыонга: мне нужно было установить связь с Нам Бо.

Шау Дыонг, ему уже перевалило за восемьдесят, несмотря на старость свою и слепоту, был куда как здоров и бодр. Обнаженное тело его — он носил лишь короткие трусы — казалось гибким и крепким, как лиана. Сидя на топчане, он строгал бамбуковую дранку. Услышав мой голос, старик поднял на меня незрячие свои глаза, но, когда я назвал пароль, велел внуку удалиться. Хай, внук старика, тоже не носил ничего, кроме трусов, выцветших до того непонятного оттенка, который именуется «похлебка из требухи». Прежде чем выйти за дверь, он довольно долго разглядывал меня своими ясными круглыми глазами. Возможно, он узнал во мне незнакомца из домика на плоту, а может быть, по привычке старался запомнить получше, чтоб потом описать деду. Уж не знаю, что он подумал обо мне, но в дверях вдруг обернулся и улыбнулся во весь рот.

Нам Бо лежал на топчане во внутренней комнате, за перегородкой, сплетенной из листьев, на первый взгляд вроде старой и ветхой, но присмотришься — ни просвета, ни щелки.

По скрипу, раздававшемуся там, я понял: Нам поворачивается и встает с топчана.

— Ну что скажете, Тханг? — В голосе его слышались и радость, и нетерпение.

— Я совершенно согласен с точкой зрения Фая. Дислокация противника стабильна. Они не изменяют ее, не наращивают своих сил. Меняется только система освещения, она каждую ночь работает по-другому.

— Это точно, Тханг?

— Точно! — ответил я уверенно и твердо. — Когда же, Нам? — спросил я его в свою очередь.

— Наверно, в ближайшие дни. Думаю, больше откладывать нельзя. Подумайте, как отправить Шона к нам, и чем раньше, тем лучше. Если узнаете, что капитан Лонг вернулся, сразу дайте знать Шау Линь, вы меня очень обяжете. В случае чего, не найдя меня здесь, приходите на вторую явку.

— Хорошо.

Покончив с делами, я простился со старым Шау и маленьким Хаем и вернулся назад в плавучий домик.

Чан Хоай Шон сидел, поджав ноги, на расписанной цветами циновке в средней комнате, перед ним лежали сложенные стопкой листы рукописи. Он ждал моего прихода.

— Ну как, — спросил он, — у тебя сегодня есть вдохновение?

— На какой предмет?

— Да вот, хотел бы прочесть тебе несколько глав.

Все эти три дня нашей совместной жизни здесь мысли мои были заняты делами, и я не удосужился как-то сойтись поближе с Шоном. Хотя, разумеется, находясь под одним кровом, обособленно от других, я успел составить себе представление о его привычках — в быту и в работе. Ежедневно во второй половине дня он ходил на базар за газетами — их регулярно доставляли сюда из Сайгона. Купленные газеты лежали на его рабочем столе, на кровати, валялись по всей комнате. Куда ни глянь, повсюду газеты: «Диен Тин», «Шонг Тхан», «Тиен Туйен», «Тинь Луан», «Тин Шанг», «Зэн Тю Мой», «Чанг Дэн»... — любая, какую душа пожелает. Сам будучи журналистом, я решил было: они необходимы ему, как рис и вода, без них ему не прожить и дня. Но оказалось, он покупает прессу, просто чтобы иметь ее перед глазами, и никогда не читает. По крайней мере я не видал ни разу, чтобы он прочитал какую-нибудь статью с начала и до конца.

Возьмет газету в руки, скользнет взглядом по заголовкам и сердито отшвырнет прочь — ту подальше, эту под ноги. Схватит другую — и снова бросит. Не желал ни собрать их, ни сложить. Самые невезучие издания лежали у него на дороге, и он топтал их... По его мнению, все эти газеты бесчестны, как уста лжеца. Перья печатавшихся в них авторов уподоблял он брехливым языкам, чьим владельцам неведомы совесть и честь, — языкам без костей, несущим дикую околесицу. Сам я считал, что он в оценках своих порой перегибает палку. Среди сотен, тысяч лживых статей можно отыскать и правдивые слова, идущие от чистых и честных сердец. Так я думал, но сейчас спорить с Шоном было не время. Он отрицал все. И благодаря этому я лучше понял его. Помню, когда мы с Нам Бо получили сообщение о том, что Чан Хоай Шон прибудет в освобожденную зону, Нам ожидал, что между нами вспыхнут ожесточенные споры из-за различий во взглядах. Он все волновался, какие вопросы задаст ему гость и как на них отвечать. Встретились мы, и все обернулось по-другому. Жестокий спор, признался потом Шон, давно уже шел как бы внутри него, в его сознании. И лишь когда этот затянувшийся внутренний спор завершился каким-то итогом, Шон пришел к нам. Он перебрался в освобожденную зону, чтобы найти подтверждение своим выводам. И сама реальность — партизаны, собиравшие манго для земляков, семейные истории старого Хая, прием наш, простой и радушный, и многие еще жизненные коллизии — стала для него таким подтверждением. Именно тогда, по его словам, он сделал выбор: «самому броситься в бой».

Теперь он жаждал рассказать правду о жизни в Сайгоне, той самой жизни, что отравила горечью его сердце. Отныне, порвав с этим обществом и как бы оглядываясь на него отсюда, издалека, Шон, как он уверял, лучше, яснее видел его истинное обличье. Он гневался и корил себя за то, что половину жизни, нет, даже больше половины, был связан с этим прогнившим строем. Сейчас он чувствовал себя свободным, мог говорить открыто. И монолог свой он изливал на бумагу. Писал увлеченно, самозабвенно. Отрывался от рабочего стола, лишь когда надо было отвезти меня куда-то; но мысли его и тогда витали над рукописью. Вернувшись домой, он тотчас спешил усесться за работу. Писал по ночам до двух, до

трех часов, а иной раз просиживал за письменным столом до утра. Работал до изнеможения, но взгляд его все равно оставался бодрым и ясным, а выступавшая вперед нижняя губа шевелилась, словно с нее вот-вот сорвутся какие-то важные, особенные слова...

«Я начал главу трудную, как горный перевал», — сказал он мне вчера вечером. И, прежде чем сесть за стол, приготовил себе кофе, курево и немного еды, чтоб подкрепиться ночью. «Восхождение» его длилось до самого рассвета.

Теперь ему хотелось прочитать мне эту главу — так курице, снесшей яйцо, надо покудахтать. Я-то понимал его и был полон сочувствия, но не мог собраться с духом, чтоб выслушать его. Я не способен был думать ни о чем, кроме предстоящего боя, и ждал его, сгорая от нетерпения. Но не стал убивать порыв Шона.

— Давай-ка, — предложил я ему, — искупаемся. Освежимся немного, потом почитаем.

За три дня нашей совместной жизни я ни разу не видел, чтобы он искупался. Просто писал, наверно, все время, и ему было некогда. Но тут он сразу согласился. Снял с плеча фотокамеру, с которой не расставался, даже сидя за столом, и поставил на стопку исписанных листов.

— Мудро! — сказал он. — Совершим для бодрости омовение.

Снял рубашку и брюки, надел плавки. Выйдя на плот, энергично размялся, двигая руками и ногами. Но по всему было видно: воды он боится, как малярик. Присев на ступеньку мостков, он похлопал себя по тощей груди и лишь после этого окунулся с головой. Поплескался чуть и через минуту уже стоял на берегу, закутавшись в полотенце. А я — я нырял, кувыркался и плавал, как выдра. Я знал, у меня остались считанные дни — может быть, этой ночью, или завтра ночью, или послезавтра я после боя снова уйду отсюда. В водах этой же самой реки когда-то, лет двадцать с лишком назад, мы, деревенские ребяташки, купались дважды на дню, ныряли, плескались, играли, пока не синели губы. Не ведая ни условностей, ни благочиния, купались голышом, как мать родила. А теперь в волосах у меня пробивается седина. За двадцать лет с лишком сколько рек повидал я по всей нашей стране, но не нашел другой такой же огромной и доброй, как эта. Меконг — Река Девяти Драконов...

Одно твое имя пробуждает у людей, родившихся здесь, у этих вод, и перебравшихся в чужие края, заветные воспоминания и жгучее чувство тоски. Как сладка твоя вода! Сколько тука и влаги приносит она полям и садам на твоих берегах! Она — как материнское молоко для деревьев и трав и для людей!.. Пока я нырял, достигая холодных струй близ самого дна, мне вдруг вспомнился старый доктор, так жаждавший испытать горсть воды из этой реки.

Я вынырнул и увидел Чан Хоай Шона. Он стоял уже на балконе и звал меня. Глотнув побольше воздуха, я снова нырнул в самую глубину и прижался к охлаждающему кожу песку...

Купание взбудрило нас обоих. Я сижу, чуть откинувшись назад, заложив руки за спину, и, глядя на бескрайний речной простор, слушаю, как читает Шон:

— Неслыханное варварство! Я, как свидетель самой Истории, видел и могу удостоверить смерть одной политической заключенной. Ей только что исполнилось двадцать лет...

Меня поразило его голос. Он дрожал, прерывался, но каждое слово звучало отчетливо и внятно. Низкий, глуховатый звук голоса, казалось, доносился издалека. Блеск его глаз, выражение лица, трепет губ — все говорило о неумном волнении.

— За что арестовали ее, не знал никто, даже она сама не знала этого. Невероятно жестокие, изуверские пытки, невыносимые условия жизни в тюрьме совершенно разрушили ее такое еще молодое сердце. От малейшего волнения она то и дело теряла сознание. К тяжелому обмороку приводило любое событие — печальное и даже радостное: отказывало сердце! Судьба девушки стала поистине трагичной, когда враги схватили ее возлюбленного. Пытали одного, страдали и мучились оба. Они пытали любимого у нее на глазах. Видя его мучения, она потеряла сознание. Но она была Человеком, потомком славных воительниц Чынг Чак и Чынг Ньи¹. Очнувшись,

¹ Чынг Чак и Чынг Ньи — сестры, представительницы вьетской знати; подняли восстание против владычества ханьского Китая, захватившего страну (I в.). Повстанцам удалось отвоевать многие города и районы, затем вторгшаяся с севера огромная ханьская армия потопила восстание в крови. Чынг Чак и Чынг Ньи погибли, но народ до сих пор свято чтит их память.

она так и не дала никаких показаний. Тогда бездушные изверги придумали для нее новую, небывалую муку — пытку радостью. Однажды девушку и ее возлюбленного снова вызвали в камеру для допросов, и следователь, а верней говоря — палач, объявил им: «С сегодняшнего дня вы оба свободны. Можете вернуться домой и справить свою свадьбу». Услышав нежданную весть, она упала без чувств. И на этот раз больше не встала. Она умерла от радости. Но радость, которая ее убила, была ложной...

Шон держал рукопись обеими руками, он читал взволнованно и торжественно.

Я слушал его, не вникая в построение замысла, не стремясь оценить слог и стиль. Мне, как, наверно, и самому Шону, казалось, будто я вижу перед собою воочию этих прекрасных мужественных людей, подвижников и героев. Именно они помогли ему увидеть и осознать правду жизни, ступить на единственно верный путь, и донныне направляют каждый его шаг. Шон, я почувствовал, стал еще ближе мне.

Приготовясь читать дальше, он пояснил:

— Это пока первый, черновой вариант. Потом, если будет время, перепишу все, разовью, дополню деталями.

Снова поднес рукопись к глазам. Но тут, едва он успел с прежним жаром прочесть несколько слов, снаружи послышался шум. Кто-то вприпрыжку сбегал по дощатым ступенькам с берегового откоса к нашему домику.

Шон сразу закрыл рукопись и вложил ее в зеленую папку, на которой большими черными буквами было выведено: «Свидетельство журналиста».

В дом вошла женщина, оказавшаяся женой капитана Лонга. Она была очень молода. Сразу видно, родила покуда лишь одного ребенка — фигуру ее, не утратившую хрупкости и изящества, выгодно обрисовывал привычный в здешних краях наряд: баба, штаны были черные, блузка из свежего белого батиста. На бледном лице ее выделялись глаза, грустные и какие-то удивленные. Нос, чуть великоватый и приплюснутый, увы, не совсем гармонировал с небольшим ее лицом и тонкими губками, казалось, вот-вот готовыми изогнуться в лукавой улыбке.

Мы поздоровались и пригласили ее сесть. Шон был сама приветливость.

— Вам письмо от мужа, — сказала гостя и, робко присев на краешек циновки, протянула Шону конверт.

— Вы с малышом навещали его? — спросил Шон. — Наверно, только что вернулись?

В полдень вокруг домика на плоту тишина, слышен лишь плеск волн да легкий свист ветра.

— Да нет, — отвечала она. — Сегодня я у него не была. У малыша жар. Пришлось носить его на руках всю ночь и утро. Руки прямо отваливаются.

— Он что, приболел у вас? — спросил Шон.

— Тетушка Тин говорит, зубки режутся. Первый зуб резался, температурил... — Голос у нее усталый. — Теперь вроде последние идут, снова жар.

— Ну как, ему полегче?

— Да, уснул. Я попросила Ут, дочку тетушки Тин, приглядеть за ним. Бедная девушка, такая хорошенькая, добрая — и оглохла.

— Муж не видел вас с сыном сегодня, наверно, волнуется.

— Его дело. Сам-то домой не является, а у кого есть силы носить малыша туда, в форт, — отца ублажать?

Шон держал письмо капитана Лонга в руке, явно не торопясь прочесть его. Хоть письмо и адресовано было ему, кому не терпелось поскорее узнать его содержание — так это мне. Оно могло прояснить кое-какие обстоятельства.

— Когда вы оба собираетесь в Сайгон? — спросила гостя.

Я промолчал: пусть отвечает Шон.

— Наверно, скоро, — сказал он.

— И вы тоже? — обернулась она ко мне.

— Я уеду вместе с Шоном.

Она щелкнула языком:

— Который уж день хочу отвезти ребенка в Сайгон, там я была бы за него спокойна. А муж не велит, мы даже поссорились вчера.

— Поссорились? — удивился Шон.

— Я настаивала, давай увезем ребенка в Сайгон, а муж уперся — и ни в какую. Хочешь, говорит, езжай сама, сын останется со мной. Пришлось ответить ему: я, мол, мать, на свет его родила; с тобой расстаться могу, а с ним — ни за что. Я думаю, ребенок, он как мост, что соединяет два берега... Чего вы смеетесь? Погодите, еще женитесь, детей заведете, тогда узнаете.

Она замолчала, обхватила руками колени и уставилась

на реку. Огромная река была тиха и пустынна — ни лодчонки, ни паруса.

— Как подумаешь, — снова заговорила она, — странная вещь — семейное счастье. — Голос ее звучал словно издалека; казалось, мыслями своими она делится вовсе не с нами, а с волнами, чьи гребешки белели там на реке. — Вот уж не думала, что жизнь занесет меня в эти края. До того как вышла за него замуж, я и не знала, что он за человек. Когда еще в колледже училась, влюблена была в одного парня, он был на два курса старше. И он тоже любил меня, я знаю, хоть и не объяснился ни разу. Швысканная, потаенная любовь — она, наверно, сильней. Мы дня не могли прожить друг без друга. Если не услышу, бывало, до вечера его голос, хожу как потерянная. Два года длилась наша любовь. Потом он однажды пришел прощаться. И исчез. Перебрался в освобожденную зону...

Я думал, рассказ ее будет еще долгим, но она вдруг встала:

— Нет-нет, еще глупостей наговорю, подумаете — свихнулась. Лучше пойду домой.

— Посидите с нами, куда торопиться? — Я хотел удержать ее. Интересно было, что она все-таки за человек?

Она заколебалась, едва не уселась снова, но потом резко повернулась к двери:

— Ладно, пойду я. Счастливо оставаться.

Шон проводил ее. По скрипу ступенек я понял, она поднялась на берег. Вернувшись, он досказал мне ее историю:

— Через год после их прощания первый ее возлюбленный погиб. Ей здесь и поговорить по душам не с кем, поэтому она часто разговаривала со мной. Нельзя сказать, чтоб она вышла за Лонга вовсе без любви. Один из ее старших братьев тоже был офицером воздушно-десантных войск и вместе с Лонгом отстранен от службы. По рассказам брата она и влюбилась в Лонга — брат-то расписал его как лихого храбреца и героя. А когда Лонг приехал в Сайгон из Семигорья, они вдруг встретились где-то...

История нашей гостьи, наверно, давно приелась Шону и не волновала его нисколько. Пересказывая ее мне, он преспокойно читал письмо капитана. дочитав, протянул его мне, а сам растянулся на циновке.

Наконец-то! Чуть наклонные буквы, фиолетовые чернила...

«*Cher ami!*»¹

Вот уже больше недели мы с тобой не виделись. Не раз собирался написать тебе, посоветовать вернуться в Сайгон, потом передумал. Побывать сейчас здесь, в умиротворенном районе на Меконге, тоже интересно для тебя. Увидишь схватку противоборствующих сторон. Жаль, конечно: главные события развернутся не здесь, не на твоих глазах. Надо признать, отвлекающие маневры противника ввели меня в заблуждение, вынудили засесть тут, на командном пункте, и не вылезать отсюда уже вторую неделю. Ситуация похожа на туго надутый шар — не знаешь, когда лопнет. Противник вроде надвигается на меня, но боевые действия начались в другом месте, тоже на берегу Меконга, километрах в пятидесяти отсюда, в подокруге, расположенном уже в провинции Диньтьонг. Натиск неприятеля — как прибой. Но волны эти набегают на скалу, и чем сильнее удар, тем больше дробится волна, разбиваясь в брызги. Да, жаль, военные действия разворачиваются не перед взором свидетеля самой Истории.

Только сегодня мне удалось, как говорится, испустить вздох облегчения. Впервые за эти дни выдалось время подумать о жене с малышом, о друзьях. И вот черкнул тебе несколько строк. Боюсь, тебе скоро наскучит здешняя жизнь, бросишь все, уедешь — и мы не увидимся».

Дочитав письмо, я не мог не встревожиться. Выходит, операция уже началась, а все, что мы готовили здесь, — лишь отвлекающий маневр?

— Может быть, поэтому тут и обстановка с утра заметно разрядилась? Прекратился артобстрел. Действия в воздухе — и реактивных самолетов, и вертолетов — сократились до минимума. Активность неприятельских войск переместилась в другом направлении, канонада и взрывы бомб доносились теперь откуда-то издалека, как раскаты грома.

Я перечитал письмо, чувствуя себя задетым хвастливыми излияниями капитана.

Отдав письмо Шону, я попытался выведать его мнение. Он остался совершенно равнодушен к содержанию письма.

¹ Дорогой друг! (франц.)

По-прежнему лежа на циновке, он двумя пальцами взял у меня листок, сложил его и сунул в карман. Впрочем, за эти три дня я убедился: ему нет дела ни до чего, кроме рукописи. Он не заметил даже, как злополучное письмо вывалилось у него из кармана. Стиснув пальцами шариковую ручку с красным стержнем, он весь углубился в работу. Правил, вычеркивал, застывал, возведя очи к потолку, потом быстро записывал что-то на полях. В другое время я оставил бы его в покое, но прочитанное письмо требовало уточнений.

— Значит,— спросил я,— капитан Лонг может захватить домой?

— Да, сегодня вечером,— отвечал он, не поднимая головы.

Эта новость несказанно обрадовала меня.

— Откуда ты знаешь?

— Жена его сказала, когда я провожал ее. Да, она еще спрашивала, что мы хотели бы сегодня на ужин? Обещала сама приготовить...

— Правда?

— Не веришь? Впрочем, не все ли равно, что есть. А ты не опасаясь встречи с капитаном? — Он впервые оторвался от рукописи, положил ее на циновку, повернулся на бок и сел.

— Да нет, обычное дело,— отвечал я как можно непринужденней.

— Сегодня вечером нас будет только трое — я, ты и он! — Все три местоимения он произнес каким-то особым тоном.— Шутка ли, представители трех разных фронтов за одним столом, у одного подноса с едой! Запоминай все, будет потом о чем рассказать.

Но меня не занимали услады предстоящей встречи. Я ломал голову над одним: как бы поскорее сообщить обо всем Шау Линь.

— Скажи, пожалуйста,— спросил я,— а не случилось капитану Лонгу усомниться во всем настолько, что он готов был бы сдать нас?

Местоимение «нам» я тоже произнес с особенной интонацией, чтобы подчеркнуть: нас с Шоном ничто не разделяет, мы едины — по крайней мере в том деле, о котором могла зайти речь.

И вдруг он ответил:

— Да, было такое.

— Когда?

— Давно уже, в самое тяжелое для него время. Он рассказал мне об этом, еще когда я впервые приехал сюда погостить. Мы не виделись много лет, обрадовались. Как-то ночью решили от нечего делать выпить водки, повспоминать всякую всячину. Вот он и вспомнил...

По голосу Шона я понял: мысли его наконец-то оторвались от рукописи. В разговоре его, правда, особого увлечения не было, и капитана упоминал он безо всякой враждебности. Но я ловил каждое слово.

— ...И вспомнил, как перевели его с острова Фукуок в Семиречье. Он, лейтенант, стал комендантом форта, и было под рукой у него более сорока солдат. Дикий край, захолустье, где, как говорится, обезьяны чихают и аисты кукарекают. Население местное придерживалось особой веры «хиеу нгиа» — то есть блюло «долг» и «верность». Мужчины не брили усов и бороды и отпускали волосы, как женщины. У них и язык был свой, особый. Многие слова не полагалось употреблять, и их заменяли другими. Вместо «дорога» говорили «направление», вместо «светильник» — «масло»... Ну, да не в этом суть! По каким-то их пророческим книгам выходило, что солдаты Лонга суть дьяволы во плоти. Вообще же люди там между собой почти не разговаривали, не общались. Живут на двух горах соседних, а вроде два разных мира. Но однажды, рассказывал Лонг, минометным огнем из форта убило какую-то женщину. Они ответили не бунтом, не демонстрацией, а обетом молчания. Пронесли гроб с телом убитой мимо форта, за гробом шли сотни людей, у всех вокруг головы траурные повязки, глаза красные от слез. И ни слова не слышно было, ни звука. Даже ступали бесшумно — так тигр подкрадывается к добыче. Потом целых три дня не собирался базар, никто не ходил по дорогам. Люди не разговаривали, не смеялись, не плакали. Топор не стукнул ни разу о ствол, нож — о кухонную доску. Только благовония день и ночь курились в каждом доме на алтарях, посвященных всеведущему, всеильному Небу. Форт Лонга и сам он оказались как бы в кольце ужасающего молчания. Он признался мне, что именно тогда впервые в жизни испытал страх перед противником.

Форт находился в горной местности, где каждый дом служит и храмом. А значит, под каждой крышей свой колокол и долбленный барабан. И когда вечерние сумерки

долгими тенями ложились у подножий, повсюду в домах били в барабаны и колокола. Потом в полночь в тишине безлюдной пустыни снова плыл колокольный звон, гулким эхом отражаясь от горных круч. Ночные колокола будили в его душе щемящую, томительную тоску.

Партизаны скрывались в горах. Ружья их внезапно открывали огонь, они появлялись и так же внезапно исчезали снова. Лонгу казалось, будто его заживо похоронили здесь и смерть изо дня в день гложет, обдирает его жизнь. Тут даже негде было покутить, разгуляться, чтоб развеять тоску. Он дошел до того, что временами ему самому хотелось: пускай в него угодит партизанская пуля. Солдаты его убивали время, убивали душевные силы, растрачивали жизнь на пьянство, азартные игры. Знаешь, Тханг, слушая его тогда, я думал: до какой же крайности был доведен этот офицер, вчерашний баловень режима! Человек в таких обстоятельствах всегда ищет выход. Смерть тоже выход — последний. Каждый день, пропустив рюмку-другую, он уходил из форта и шел в деревню. Без охраны, даже без оружия. Убьют, думал он, — хорошо, в плен возьмут — тоже выход. Встречая его, никто не здоровался, не заговаривал с ним. Он чувствовал себя настолько чужим среди людей, что временами ему приходила мысль: может, и впрямь я дьявол во плоти? Ему повезло — он встретил девушку. Таковую же тихую, молчаливую, как все, тоненькую, бледную, с большими, широко раскрытыми глазами. Эти глаза смотрели на него в упор с явной жалостью. Голосом неторопливым, негромким — так говорят обычно во сне — она расспрашивала его, откуда он родом и каково ему быть солдатом. А ведь он почти целый год слышал одну лишь казарменную брань. И вдруг зазвучала человеческая речь, девичий голос. Ночью у себя в форте сквозь вой и свист метавшегося по горам ветра он слышал ее тихий, размеренный голос и видел в темноте большие, широко раскрытые глаза; он ворочался беспокойно, и сон не шел к нему. С тех пор он не мог жить без этой бледной большеглазой девушки. Что ни день ходил он в горную деревушку. И сравнивал себя с заблудившимся во мраке путником, перед которым вдруг забрезжил вдали огонек. Пусть огонек лишь слабо мерцал — это был путеводный свет. Он почувствовал: свет пробуждает в нем волю к жизни.

Написал девушке письмо, полное жалоб на свою не-

прикаянную солдатскую жизнь. Через несколько дней, прощаясь с ним на склоне горы, она вложила в его руку конверт.

Лонг вернулся в форт и, оставшись один, бережно распечатал конверт, волнуясь и радуясь, словно впервые в жизни получил письмо от девушки. Распечатал... и остолбенел. Вместо письма с ответом на его нежные чувства в конверте оказалась листовка — полоска бумаги шириной в три пальца с двумя строчками жирного шрифта:

«Братья солдаты и офицеры марионеточной армии!

Переходите на сторону народа!

Вернитесь в лоно Отечества!»

Он подумал, что теперь, вручив ему эту листовку, девушка будет избегать его. Огонек, озаривший его жизнь, погаснет. Забыв об опасности, кинулся бегом назад, к ней в деревню. Девушка сидела на бамбуковом топчане, как обычно, когда он приходил в гости. И широко раскрытые глаза ее смотрели на него еще ласковей, тихий голос звучал нежнее и вместе с тем тверже прежнего.

А через два дня он вдруг получил приказ о переводе в Сайгон. Друзья, сохранившие еще влияние в генеральном штабе, к которым он обращался раньше с просьбой, выхлопотали ему наконец перевод. И именно в тот момент, когда никто этого не ожидал.

— Интересно, как он отнесся к тому, что девушка оказалась из наших? — спросил я, снова вложив в местоимение «наших» особый смысл.

— Он избегал таких объяснений, да и я его не спрашивал. Одно было ясно — девушку эту он любил. Он вспоминал, что, уже сидя в вертолете, оглянувшись, увидев внизу знакомую деревушку, и перед ним появилось, словно воочию, милое бледное личико с широко раскрытыми глазами. По его собственным словам, он и страдал, и радовался. Радовался тому, что его не примаанивает больше мерцавший в ночи огонек. Ну а потом он заявил: мол, от любви к одной женщине надо лечиться с помощью другой. В Сайгоне он женился на нынешней своей жене. Благодаря протекции друзей и программе «вьетнамизации войны» его повысили в чине — он теперь капитан.

— И желает совершать подвиги?

— Совершенно верно. Он говорил мне, что намерен переделать заново свою жизнь.

«Итак, — продолжал я про себя, — лейтенант Лонг

предал девушку, которая протянула ему руку и, по сути дела, спасла его жизнь. А теперь капитан Лонг эту самую жизнь желает переделать заново, ступив на преступный путь. Но он просчитался! Взять хотя бы его письмо к Шону... Все, о чем пишет он там, — ошибка! Вчерашние ночные бои в провинции Диньтыонг не были главной, решающей частью операции. Основные события развернутся здесь, в общине Михьонг. Когда я направлялся сюда, в гости к «коллеге» Чан Хоай Шону, я видел, как одно за другим скрытно подходят подразделения наших войск и концентрируются на исходных рубежах. Прибыла и женская артиллерийская батарея, которой командует Май. А где артиллерия — там направление главного удара. Судя по масштабам нашей подготовки, именно тут мы дадим решающий бой. Это там, в Диньтыонге, задуман отвлекающий маневр. Выходит, у вас все шиворот-навыворот, мосье капитан!..»

Последняя мысль словно обожгла меня. Я сидел на прохладном речном ветру, а ощущение было такое, будто прямо под боком пылает очаг.

Глава 29

К вечеру капитан Лонг на своем командном пункте, тщательно изучив данные воздушной и войсковой разведки и сопоставив их с оперативными сводками, пришел к окончательному выводу: на его участке противник предпринимает лишь отвлекающий маневр. И, выражаясь в свойственной ему манере, объявил окружающим:

— Они решили половить здесь рыбку в мутной воде. И ничего больше!

Убежденный в своей правоте, он откинулся на спинку стула и с облегчением перевел дух. Затем встал, отправился бриться. Завершив туалет, капитан скинул свой пятнистый маскировочный комбинезон, похожий на тигриную шкуру, свернул его в тугую скатку и, бросив телохранителю, приказал:

— Постирать!

Он переоделся в штатское: серые брюки, белая рубашка. Вышел из укрытия, где помещался командный пункт, и махнул рукой:

— Все свободны!

Некоторые из обступивших его солдат запрыгали

от радости, как малые дети. Еще бы, этим своим жестом командир возвращал их к «нормальной» жизни.

Вскоре многие из них набились в разбросанные по базару пивные, сгрудились вокруг «хозяев» игры и «банкиров», тасовавших колоды карт и бросавших кости.

А сам капитан Лонг поехал домой к жене и сыну. Прежде чем сесть в машину, он приказал дать залп из орудий по хуторам на противоположном берегу — просто ради забавы.

К дому он подъехал точно в назначенное время. Это, как сострил потом журналист Чан Хоай Шон, была счастливая его ошибка. Машина въехала во двор. Взревел мотор, ярко вспыхнули фары и погасли.

Буквально несколькими минутами раньше был схвачен помощник начальника полиции Минь. Проторчав вместе с капитаном целую неделю в блиндаже на командном пункте, Минь тоже решил «проветриться». Он искупался под душем, тщательно причесался, смазав волосы ароматным кремом, сбрызнул одеколоном брови, надушил воротник рубашки и манжеты. Потом вскочил на мотоцикл и по наезженному пути помчался прямо к общинному дому. В отличие от простых смертных он, и доехав до хутора, не сошел с мотоцикла, а только сбросил газ и, включив фару, поехал по пешеходной дорожке к дому Мыой. Въехал в ворота и, лишь стукнув передним колесом по ножке стоявшего во дворе стола — это был его обычный трюк, — выключил мотор.

Как повелось, встречать Миня вышла Мыой с Шыоном и Боном. Сегодня Мыой казалась Миню особенно привлекательной.

Конечно, она не так уж часто виделась со своим возлюбленным, но все равно после той ночи, когда Фай впервые пришел к ней, она при каждом удобном случае прихорашивалась, причесывалась, принаряжалась — а ну как Фай нынче явится снова. На ней была новехонькая баба; тонкая белая блузка обшита кружевами, на шее поблескивает золотая цепочка с подвеской в виде сердечка, в центре сердечка — зернышко драгоценного камня. Она не румянилась, но щеки ее розовели.

Минь водрузил на стол бутылку водки и в свете керосиновой лампы уставился на Мыой своим немигающим взглядом. Его одолевало вожделение. Дунув на лампу, он потушил ее:

— Луна вон какая, к чему освещение!

Сунул руку под стол и ущипнул Шыона, желая намекнуть: убирайтесь, мол, с Боном куда подальше. Ущипнул легонько, но Шыон даже подскочил от неожиданности. Минь плеснул водки в четыре стопки. Но выпить он не успел. Позади него неслышно возник Тяу. Учув за спиной у себя чье-то дыхание, Минь обернулся, и тотчас Тяу схватил его за горло. Он рванулся было, но ему вывернули руки за спину. Забили в рот кляп и поволокли в сад.

Из густой тени над деревом вушья выбрались партизаны — группа Тяу и подпольная тройка Мьой. Они двинулись к дому капитана Лонга. Операция начиналась. Но, на взгляд капитана, во всей «умиротворенной зоне» и, само собой, на хуторе его близ общинного дома царили по-прежнему мир и покой.

Наступила ночь новолуния первой декады последнего месяца в году — призрачная, туманная ночь, напоенная ветром и гулом речных волн. На хуторе у общинного дома люди выкатили во дворы каменные ступы и наперегонки обрушали зерно на пышные сладкие коржи, что пекут в эту пору. Когда капитан Лонг выходил из машины, по всему хутору умиротворенно громыхали тяжелые песты.

Следом за ним шли двое телохранителей, словно одеревеневших в своих пятнистых облегающих комбинезонах. Неподвижные лица под касками, торчащие наперевес автоматы. Они замерли у самой лестницы, точно тигры, ставшие на задние лапы.

Сам капитан взбежал по ступенькам в дом.

— Где сын? — сразу спросил он жену, ждавшую его у двери. В желтом шелковом костюме она казалась совсем маленькой и щуплой.

— Он в комнате, — отвечала она. — У него жар.

— А мама где?

— Пошла в гости к тетушке Тин.

Невысокий, ладно сбитый, капитан имел вид человека, успешно справившегося с порученным ему важным делом.

— Ну, только сегодня дух перевел! — самодовольно объявил он, подойдя к Шону, и крепко пожал ему руку, приветливо глядя на незнакомого гостя.

— Это мой коллега, — представил меня Шон, — я пригласил его.

— Очень приятно.

Встретил меня капитан весьма радушно. Он окинул взглядом накрытый стол:

— Давно ждете меня, друзья?

Не дожидаясь ответа, Лонг жестом пригласил нас сесть и сказал:

— Прошу прощения, подождите еще минуту.

И направился во внутренние покои, жена пошла следом. Вернулся он с ребенком на руках. Сыну его Зиангу было больше года. Здоровый, симпатичный и шаловливый мальчуган уже порывался ходить и говорил «папа», «мама», «баба»... Вообще-то его трудно было удержать на месте. Но сегодня вечером, из-за резавшихся зубов, его слегка лихорадило, и он подремывал на руках у отца. Лонг, наклонив голову, глядел на сына: нежный, любящий отец, он не мог не тревожиться за своего первенца. Не очень-то ловко держа малыша на руках, он остановился посреди комнаты и запел, убаюкивая его:

Этой ночью пушки снова
Быстро едут через город,
И метельщик, разогнувшись,
Провожает их глазами...

.....

Тысячи тонн бомб сыплются на поля,
Тысячи тонн бомб сыплются на деревни...¹

Низкий голос его звучал очень уж заунывно.

Ужину представителей трех разных фронтов, который, по мнению Чан Хоай Шона, сулил нам столько приятностей, не суждено было состояться. Капитан не успел даже допеть сыну свою колыбельную песню. Двое «гражданских охранников» во главе с Мьой вошли во двор. Следом за ними шла девушка — с виду вылитая Ут Шыонг, дочка почтенной тетушки Тин, только вот из-за полосатого платка лица было не разглядеть. Мьой все в той же белоснежной блузке, обшитой кружевами, с винтовкой на плече, имея по правую руку Шыона, по левую — Бона, направилась прямо к лестнице.

— О-о, вроде сама красotka Мьой пожаловала? — игриво спросил стоявший там телохранитель.

— Хоть при луне-то узнавал бы сразу! — в тон ему отвечала Мьой.

¹ Цитируется популярная песня «Пушки поют колыбельную» — слова и музыка Чинь Конг Шона. — *Прим. автора.*

Пока Шыон с Бонем в открытую шли к лестнице, сзади из-за свай вынырнули Тяу с Зунгом и Ламом.

Услыхав, как что-то тяжело грохнулось оземь, капитан Лонг оборвал песню и крикнул вниз:

— Что там еще?

Ответа не было. Видно, предчувствуя недоброе, он обернулся, собираясь отдать ребенка жене, но не увидел ее и стал озираться вокруг. Тут по лестнице поднялась Шау Линь — в обличье Ут Шыонг: поношенная баба цвета семян огородного базилика, полосатый платок на голове.

— Вам чего, Ут? — сердито спросил капитан.

Быстрее ветра кинулась она к нему, сбросив рывком платок на затылок. И вот уже стоит лицом к лицу с заклятым своим врагом. Увидев нацеленное на него дуло пистолета, капитан ахнул, у него отпала челюсть.

— Молчать! — крикнула Шау.— Ни с места!

Не знаю, о чем думал капитан в эти мгновения. Он только крепче прижал к себе сына. Малыш проснулся и закричал. Наверно, его крик привел капитана в еще большее замешательство.

— Лонг! Сегодня ночью ты поплатишься за свои преступления! — В голосе Шау звучала ненависть всех ее земляков.

Сейчас, подумал я, она выстрелит и предатель рухнет на пол с ребенком на руках. Но случилось все по-другому. Мыой, Шыон и Бон избежали по лестнице. Стволы трех винтовок, как острия трех мечей, уткнулись в капитана. Пожалуй, он только сейчас все понял. В свете неоновых ламп — здесь больше ни в одном доме не было таких — лицо его казалось совсем белым, он ждал смерти. С ребенком на руках он, конечно, не мог сопротивляться, но не малодушничал, не трясся от страха. Только поднял сына повыше, к самому своему лицу.

— Шау! — Он узнал ее.— Мне все ясно! Об одном прошу вас: выведите меня в сад, там убейте. Мой сын болен. Прошу, не стреляйте здесь, при нем.

Шау Линь опустила пистолет.

— Я пощажу тебя,— сказала она.— Но ты должен искупить свою вину.

Ребенок на руках у капитана задергался, закричал еще громче. Тот пытался перехватить его поудобней и совсем смешался.

Мыой, щелкнув затвором, поставила его на предохра-

нитель, перебросила ремень винтовки через плечо, взяла у капитана ребенка и передала матери, застывшей в ужасе возле дверей.

Мне запомнился следующий эпизод — быть может, и не имеющий особого значения. Шау Линь с партизанами уже увели Лонга в сад, а журналист Чан Хоай Шон все еще стоял в растерянности столбом, словно солдат, вытянувшийся по стойке «смирно». Изумленно оглядывая опустевший дом, залитый холодным неоновым светом, он спросил:

— Что, собственно, произошло, Тханг?

— Партизаны схватили Лонга.

— Да неужели?

Он все еще не мог поверить.

— Но ведь та девушка — из «гражданской охраны»?!

— Нет, она — партизанка.

— Правда? А я уж решил, в этом захолустье происходит государственный переворот.

Расправы с предателями в оккупированных зонах совершаются обычно именно таким образом. Но Шон впервые стал свидетелем подобного события. Выслушав меня, он вздохнул с облегчением, будто очнулся ото сна.

С наблюдательного пункта в саду у реки Нам Бо увидел наконец красный световой сигнал. Это был знакомый пятибатарейный фонарь Шау Линь. И Нам отдал приказ к наступлению, scomандовав по-своему, по-партизански:

— Эй, Ут До! Эй, Май! Слышите, товарищи, всё — этому типу хана! Вперед! Быстрее, товарищи!

Он кричал во весь голос, хотя все, к кому обращался он, были здесь, рядом.

Каждый бой — это как бы целая война в миниатюре. Будь командир даже гением, ему не под силу предвидеть все варианты — благоприятные и неблагоприятные, которые могут возникнуть. Подготовка к операции по захвату деревни закончилась, но надо было дожидаться приказа открыть огонь, потому что пока не вышло на исходный рубеж одно из подразделений регулярных войск — оно еще было на марше. Но складывалась новая ситуация. Когда Нам Бо узнал, что капитан Лонг вечером может заехать домой, он, дождавшись сумерек, покинул дом Шау Дьонга. Прямо в саду, за домом Мьой, он встретился с Шау Линь — обсудить все накоротке. Во время разговора их караулила Мьой со своими ребятами. После этого

Нам сам-один пересек поле, добрался до наблюдательного пункта в саду и созвал совещание, на котором изложил новый вариант боевых действий, где уже была учтена изменившаяся обстановка. Решили начинать операцию, как только Шау Линь подаст сигнал о том, что «предварительный этап» (так назвали они захват командовавшего подокругом капитана Лонга) завершен.

Артиллерийская батарея Май погрузилась на моторные лодки. Со всех пяти лодок доложили о готовности.

Вот он, сигнал! Головная лодка заводит мотор.

Бойцы и партизаны появляются словно из-под земли...

По распоряжению Шау Линь я должен сопровождать журналиста Чан Хоай Шона в тыл и обеспечить его безопасность. Поэтому мы с Шоном все время движемся против «течения» наступающих войск.

У одного из «обезьяньих мостов» мы останавливаемся, пережидая, пока по нему пройдет отряд солдат.

— Ут Чам, ты где?

— Здесь я!

— Давай веди товарищей дальше, мимо утиной фермы! Пусть теперь крикают...

Я узнаю голос Ут До. Понятно, утки больше для него не помеха. При свете молодого месяца я вижу, как он, стоя у входа на мост, помогает каждому бойцу перебраться через протоку.

— Порядок! — говорит ему один из бойцов, видно, привычный к таким переправам.

Пользуясь свободной минутой, Ут оборачивается и смотрит на меня:

— Вы, Тханг?

— Он самый!

Ут бросается ко мне, обнимает и шепчет на ухо:

— Ну, у вас в этом деле заслуга особая!

— Какая еще заслуга?

— Шутка ли, вовремя сообщили о капитане...

Взяв Шона за руку, я помогаю ему перейти мост. Ут До сообщил нам: Тяу со своими ребятами недавно отвели капитана Лонга на командный пункт — прошли по мосту незадолго до нас.

Мне очень хотелось бы увидеть, как Лонг предстанет перед Нам Бо, послушать, о чем они будут говорить. Увы, мы опоздали! Сразу за переправой встречаем бегущих навстречу Зунга и Лама.

— Ребята, где Нам? — спрашиваю я.— Где капитан Лонг?

— Вон спускаются к пристани.

— А вы-то сами куда?

— Нам Бо приказал вернуться за женой и сыном капитана. Велено отвести их на наш медпункт, чтоб капитан был за них спокоен.

Они взбегают на мостик. Он качается, скрипит. Вдруг Лам оборачивается:

— Эй, Тханг, послушайте!

— Да.

— Чуть не забыл... Нам велел еще, если встретим вас, сказать, чтоб вы отвели журналиста к вашему другу-врачу.

— Ну-ка, Шон! — кричу я.— Бегом на пристань!

Хватаю его за руку и тащу за собой.

Пока мы с ним добежали до пристани, моторка уже успевает отойти далеко от берега. Я вижу Нама в черной бабѣ, он сидит на носу лодки. Лонг — посередине. На корме — Тяу. Правит лодкой дядя Хай. В лунном свете канал убегает вдаль длинной лентой. Под берегом плещется легкая зыбь.

Шон не привык ходить в башмаках по узким тропкам на межах. Он снимает их и, связав шнурки, вешает на шею. На плече у него неразлучная фотокамера. На груди башмаки болтаются. Под мышкой рукопись. Глядя вслед уходящей лодке, он огорченно цокает языком:

— Эх, жаль... Не перемолвился с капитаном словечком.

— А что ты сказал бы ему?

— Встреться мы с ним сейчас, он бы онемел от изумления, словно вопрошая меня своим молчанием: «Как, ты с ними, Шон?..» А я бы ответил: «Чему ты, собственно, удивляешься? В конце концов, за редким исключением, со всеми случится то же, что и с нами. Или сами бросятся в бой на стороне народа, или капитулируют...»

Через день в вечерней информационной программе многие западные радиостанции сообщили: «Образцовая умиротворенная зона в дельте Меконга внезапно атакована Вьетконгом». Далее шли подробности: «...Тайный агент Вьетконга, выдавший себя за журналиста, похитил капитана, командовавшего подокругом. Капитан через

громкоговорители призвал своих солдат сложить оружие и сдаться до того, как противник откроет огонь... Как обезглавленная змея, подокруг был захвачен почти мгновенно...»

Новости эти, как говорится, в комментариях не нуждаются.

Я же, как человек, записавший несколько историй об одной деревенской общине на берегу Меконга — записавший в качестве очевидца, ибо мне удалось побывать там во время этих событий, — хотел бы, с вашего разрешения, привести лишь одну заключительную деталь.

Наутро, после боя, деревенские жители, радуясь вновь обретенной свободе, выспрашивали друг у друга, кто чем занимался в достославную ночь. И выяснилось: да, каждый внес свою лепту, всем удалось отличиться. Даже тому, который всего-навсего колотил поленом по пустой железной бочке! Что ж, вовремя ударить в набат — не последнее дело. Кто-то спросил тетушку Тин, деревенскую повитуху: «А вы, сестра, где были вчера ночью? Что делали?..» — «Ах, — отвечала тетушка Тин, — мы с дочкой, как услышали стрельбу, с перепугу в канал кинулись. Всю ночь в воде просидели, чуть до смерти не замерзли!..» «Да, перетрусилы вы, сестра», — говорили люди. Но на радостях не стали попрекать ее, хоть и думали про себя: «Могла бы по крайней мере в бочку разок стукнуть...»

А через три дня неприятель нагрязнул большими силами: дивизия морской пехоты, вертолеты, военные корабли с множеством пушек. Снова заняли укрепленные пункты. Командовать подокругом был назначен майор. Начальника полиции Ба сменил чиновник из провинциального управления безопасности, выходец с Севера. Вместо депутата Фиена поставили штабного деятеля по части пропаганды из «сил умиротворения», уроженца здешних мест.

В глазах новоявленного начальства, да и в представлении соседей по хутору и всех вообще земляков, старая тетушка Тин так и осталась деревенской повитухой. Ходила по-прежнему помогать роженицам и в стратегическом поселении, и за его пределами. И куда бы она ни пошла, всюду шагала следом младшая дочка ее, Ут Шыонг. Люди все так же звали ее Глухая Ут, и она вечно обматывала голову полосатым платком, прятала со стыда лицо.

20 апреля 1975 г.

